

*Посвящается светлой памяти
выдающегося археолога,
одного из основателей
отечественной школы археологии
Средней Азии, академика
Бориса Анатольевича
ЛИТВИНСКОГО*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY
NAMED BY N.N. MIKLUKHO-MAKLAY
MARGIANA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION

Victor SARIANIDI

LONG
BEFORE ZARATUSHTRA

(Archaeological evidences of Protozoroastrianism
in Bactria and Margiana)

Under the general editorship
of *Nadezhda Dubova*

Moscow, Staryi Sad, 2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ
МАРГИАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В.И. САРИАНИДИ

ЗАДОЛГО ДО ЗАРАТУШТРЫ

(Археологические доказательства протозороастризма
в Бактрии и Маргиане)

Под общей редакцией Н.А. Дубовой

Москва, Старый сад, 2010

УДК 902“636/637”+295
ББК 63,4+86,39
Сер 20

*Книга подготовлена в рамках работы по проекту Российского Фонда
Фундаментальных исследований № 10-06-00263-а.
The volume is prepared in the frames of project supported by the Russian
Foundation for Basic Research № 10-06-00263-а.*

Сарианиди В.И.

Сер 20 **Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане).** М.: Старый сад, 2010 — 200 с.; илл.

Автором анализируются результаты широкомасштабных археологических раскопок, ведущихся уже на протяжении более 50 лет на территории древней страны Маргуш (Туркменистан). Обнаруживается значительное число параллелей между обрядами и культурами древнего населения Маргианы и Бактрии (конец III—II тыс. до н.э.) и таковыми, присущими зороастризму.

Для историков, археологов, историков религии, для широкого круга читателей, интересующихся проблемами древнейших цивилизаций и миграциями населения в эпоху бронзы.

ISBN 5-89930-133-3

Sarianidi V.I.

Long before Zaratushtra (Archaeological evidences of Protozoroastrianism in Bactria and Margiana). M.: Staryi sad, 2010 — 200 p.

The author analyzes results of the large-scale archeological excavations conducted already throughout more than 50 years on the territory of the ancient Margush country (Turkmenistan). The considerable number of parallels between ceremonies and cults of the ancient Margiana and Bactria population (end of the third — second Mil. BC) and those, inherent to Zoroastrianism is found out.

For historians, archeologists, historians of religion, for laymen who interested in problems of the most ancient civilizations and Bronze Age migrations.

**УДК 902“636/637”+295
ББК 63,4+86,39**

Научное издание

Виктор Иванович Сарианиди

ЗАДОЛГО ДО ЗАРАТУШТРЫ

(Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане)

Под общей редакцией Надежды Анатольевны Дубовой

Подписано в печать 25.08.2010 г. Формат 60х84 1/16 Уч.-изд. л. 11,3 Усл. печ. л. 12,5 Тираж 500 экз. Заказ №02-9/8Т
Отпечатано в типографии АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт».
143000, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3

ISBN 5-89930-133-3

© В.И. Сарианиди, 2010 г.
© Маргианская археологическая экспедиция, 2010 г.
© Институт этнологии и антропологии РАН, 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Миграция арийских племен из Передней в Среднюю Азию	14
Дворец древнего Гонура	20
КУЛЬТ ОГНЯ	27
Прямоугольные алтари Огня Маргианы	29
Круглые алтари	30
Поздние алтари Огня	33
Хранилища священной золы	35
Пави	36
Культовые двухкамерные печи	36
КУЛЬТ ВОДЫ	39
Бассейны Гонура	40
Площади общественных трапез	44
КУЛЬТ ЗЕМЛИ	46
Погребальные обряды	46
Дахма	50
Трупная муха Насу	52
Брешь или Пролом	54
Ритуальные кирпичи	55
Душа-путешественница	55
Площадки для закалывания животных	56
ЦАРСКИЕ ГРОБНИЦЫ	58
Семь божеств и семь празднеств	62
КУЛЬТ СОБАКИ	66

КУЛЬТ СОМЫ-ХАОМЫ	69
Тонизирующий сок Сомы-Хаома	72
Храмы, посвященные Соме-Хаоме	75
Культовые сосуды	79
Саки-хаумоварга	83
ПЕЧАТИ И АМУЛЕТЫ БАКТРИИ И МАРГИАНЫ	85
Кэресаспа	95
Навершие булавы в виде головы быка	96
КУЛЬТ ЖИВОТНЫХ.	
РИТУАЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ЖИВОТНЫХ	97
ДОМАШНЯЯ ЛОШАДЬ	107
ВАРА	107
СВЯЗИ С ДРЕВНЕЙ ИНДИЕЙ	110
«КИОСК»	112
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	114
NEAR THE SOURCES OF THE ANCIENT WORLD RELIGION – ZOROASTRIANISM	120
БИБЛИОГРАФИЯ	162

CONTENCE

FOREWORD	9
Migration of Arian tribes from the Near East to the Middle Asia.....	14
Ancient Gonur palace	20
CULT OF FIRE	27
Margiana rectangular altars of Fire.....	29
Round altars.....	30
Late altars of Fire	33
Containers of secret ash	35
Pavi	36
Ritual double-chambered ovens (hearths)	36
CULT OF WATER	39
Gonur waterpools (basins)	40
Squares of communal eating	44
CULT OF EARTH	46
Funeral rituals	46
Dakhma	50
Cadaver's Nasu fly	52
The gap or break	54
Rituals breaks.....	55
Soul-voyager.....	55
Platforms for animal slaughtering	56
ROYAL SEPULTURES	58
Seven deities and seven festivals.....	62
CULT OF DOG	66

SOMA-HAOMA CULT	69
Tonic Soma-Haoma juice	72
Soma-Haoma Temples	75
Ritual (cult) vessels	79
Saka-Haumovarga (or Amyrgioi)	83
SEALS AND AMULETS FROM BACTRIA AND MARGIANA	85
Keresaspa	95
Mace head as a bull's head	96
CULT OF ANIMALS. RITUAL ANIMAL BURIALS	97
DOMESTICATED HORSE	105
VARA	107
CONTACTS WITH THE ANCIENT INDIA	110
«KIOSK»	112
CONCLUSION	114
NEAR THE SOURCES OF THE ANCIENT WORLD RELIGION – ZOROASTRIANISM	120
BIBLIOGRAPHY	162

ПРЕДИСЛОВИЕ

Потрясающие археологические находки, сделанные в самые последние десятилетия на юго-восточной окраине пустыни Каракумы привели к открытию здесь, под песчаными, сыпучими надувными барханами, древней страны «Маргуш», которая упоминается в надписи на знаменитой Бехистунской скале в Иране. «Маргуш»-Маргиана вместе с Бактрией наряду с Месопотамией и Египтом, Индией и Китаем являются одним из пяти центров мировой цивилизации. В процессе раскопок были получены фактические доказательства того, что религиозные представления людей, обитавших в Маргиане и Бактрии, были той основой, на которой позднее сложилась первая из мировых религий (т.е. религия, распространенная не среди одного народа, а объединявшая многие этносы) – зороастризм.

В Свободной энциклопедии Википедии указывается, что зороастризм (авест. Мазда Ясна, букв. «почитание Мудрого», Вахви Даэна, «Благая Вера») — одна из древнейших мировых религий откровения. Он сложился на основе откровения пророка Спитамы Заратуштры (новоперсидская форма имени «Зартошт»; древнегреческая — *Ζωροάστρης*, «Зороа́стрэс»), полученного им от Бога — Ахура-Мазды. Но ни место, где зародилась эта религия (вероятнее всего Иран или Средняя Азия), ни время рождения пророка и возникновения вероучения (возможно VII-VI вв. до н.э.) до сих пор точно не определены. Известно лишь, что зороастрийская религия уже в VI-V вв. до н.э. была распространена в Ира-

не, части Ближнего Востока и Закавказья, чему во многом способствовали завоевания Империи Ахеменидов.

Имя Зороастра было известно европейцам с глубокой древности, когда он был упомянут Ксанфом Лидийским, который писал по-гречески. Пифагор утверждал, что неоднократно встречался и беседовал с Заратуштрой. Тем не менее, до сих пор большие споры вызывает и реальность личности пророка, и его имя. Как считается, это было обычное крестьянское имя Заратуштра, где «Зар» переводится как «желтый», а «уштра» означает «верблюд». Т.е. его имя может обозначать «обладающий желтым верблюдом». Это имя, по всей видимости, являлось своеобразным «оберегом», должно было «уберечь» его владельца от всевозможных жизненных напастей. В этой связи следует отметить находки в Бактрии и Маргиане медно-бронзовых амулетов, на которых выгравирован маленький мальчик – пастух, ведущий за повод большого верблюда (Sarianidi, 1998). Такие археологические находки дают веские основания предположить, что на подобных амулетах изображен именно будущий пророк.

До реформ Зороастра религии Ирана (и надо полагать большей части Средней Азии) представляли собой воинственный обрядовый и как считается оргастический культ, возможно, имевший уже в то время некоторые общие черты с ведическим культом Индии. Начиная с VII в н.э. после

завоевания Ближнего и Среднего Востока арабами, зороастризм был вытеснен из Ирана и Средней Азии, причем значительная часть его приверженцев переселилась в Индию, которая была более веротерпимой страной. К зороастрийцам примыкает секта йезидов в Ираке, которая, как считается,

888.2.

916.2.

Бактрийские печати с изображением верблюда, которого ведет на поводке маленький мальчик – предположительно Зороастр.

Bactrian seals with the images of a little boy – a shepherd, leading the large camel.

заимствовала у зороастрийцев те же элементы, что включили в себя ислам и христианство.

Согласно преданию, Заратустра происходил из рода Спитама и был третьим сыном из пяти детей местного чиновника Поурушасмы. С детского возраста Заратустра начинает обучаться священству и постигать жречество, а с 15 лет он стал священнослужителем и сочинителем мантр. В двадцатилетнем возрасте он ушел из дома и десять лет странствовал по своей родине в поисках истины. Так продолжалось до тех пор, пока он не встретился с самим Ахура-Маздой, и тогда ему пришло откровение. После этого он вернулся в свое родное село и стал там проповедовать.

Изначально Заратустра стал известен по гимнам, сочиненным им самим. Он выступает как проповедник новой веры, профессиональный жрец, борющийся и страдающий человеком. Он был женат, имел двух дочерей и, по одной из версий, был небогат. Некоторые специалисты пишут о некоем человеке, обещавшем ему одного верблюда и десять лошадей. Но известна другая версия, согласно которой род Спитама был очень богатым. Как пишет В. Крюкова, «имя пророка древнеиранской религии стало предметом спекуляций еще в древности. Под маской Зороастра скрывались древнегреческие «маги»-астрологи, сочинения которых впервые были засвидетельствованы в Средиземноморье..., писавшие в основном на языках греческом, а так же ара-

мейском, сирийском, коптском и латинском, устами Зороастра говорили о сокровенном знании» (Крюкова, 2005, с. 8). Как замечает В.Ю. Крюкова, эти писания можно связать со многими учениями и культурами – древнеегипетскими, халдейскими, греческими. Вместе с тем, новое вероучение, зороас-

57.1.

Бактрийская печать с возможным изображением Ангра-Манью.
Bactrian seal with a possible image of Angra Mainyu.

тризм, существенно отличалось от современных ему религий Месопотамии и Египта.

Заратуштра первым, разделил Добро и Зло, не допуская их смешения между собой. Олицетворением Добра считается Ахура-Мазда (Ормузд на пехлеви), отрицательного – Ангра-Манью (Ахриман на пехлеви). Оба они были сыновьями «Бесконечного времени», и человек имел право свободного выбора между Злом или Добром. Как пишет В.Ю. Крюкова, «Заратуштра первым допустил приход Спасителя и телесное воскресение мертвых, а также воздаяние и райское блаженство праведникам и адские муки грешникам». Заратуштра видел несправедливость мира и, чувствуя свое бессилие переделать его, решил создать иное, справедливое мироустройство.

Как повествуют мифы и легенды, однажды он отправился к речке за водой для приготовления культового напитка сомы-хаомы. Подойдя к реке и войдя в нее, он зачерпнул чистой воды из середины реки. Возвращаясь на берег, Заратуштра увидел сияющее существо, которое привело его к Ахуре-Мазде и к шести излучающим свет божествам, от которых он и получил свое первое откровение. Зороастризм стал первой в истории религией откровения, т.е. верой, полученной от божества путем пророческого прозрения.

Прожил Зороастр 77 лет и 40 дней. Зная, что он умрет насильственной смертью, последние 40 дней Заратуштра провел в непрерывной молитве. По преданию его убил жрец, который придерживался старой религии, которую отверг Заратуштра. Поскольку Заратуштра был незаурядной личностью, данные его биографии проросли разными слухами и легендами и не всегда соответствуют действительности. Зороастр выдержал три страшных нечеловеческих испытания, и тогда истина стала понятна ему. Когда он стал проповедовать новую религию в родном селе, местные жрецы были удивлены и разгневаны и собрались уже казнить его, но за него вступился местный правитель Виштаспа, освободив его от казни. Сначала Виштаспа тоже не по-

верил в новое учение, но в конце концов и он был обращен в зороастризм. Так, Заратуштра, став советником, уговорил Виштаспу записать Авесту на воловьих шкурах золотыми буквами. Как говорят, была собрана целая сокровищница из 12 000 таких шкур, которые якобы сжег Александр Македонский во время своего знаменитого восточного похода. Сам Зороастр был одновременно и священнослужителем, и пророком, а священной книгой зороастризма стала Авеста (дословно «первая весть»), признаваемая сейчас едва ли не древнейшей книгой человечества.

Выдающееся место среди исследователей зороастризма, бесспорно, занимает молодой французский исследователь Анкетиль Дюперрон (Abraham Hyacinthe Anquetil-Duperron), который в 1755 г. поехал в Индию, где и прожил вместе с парсами (местными зороастрийцами) без малого 13 лет. Там он, заинтересовавшись, собирал книги и рукописи у бежавших из Персии бывших зороастрийцев. Вернувшись в Париж, он перевел Авесту на французский язык и впервые ознакомил европейцев с этой книгой. Это был первый европейский перевод.

Абрахам Гиацинт Анкетиль Дюперрон.
Abraham Hyacinthe Anquetil Duperron.

Но вместо благодарности от современников перевод Авесты вызвал множество споров и даже ругань в адрес автора. Сначала подлинность Авесты была поставлена под сомнение, но все же уже к концу XVIII в. она была окончательно установлена.

Как мы увидим далее, маргианцы подобно зороастрийцам поклонялись одновременно Огню, Воде, Земле и вполне вероятно Воздуху, что не отмечено ни у одного другого народа мира. Так, Маргиана и Бактрия с полным правом могут быть отнесены к тем странам, где уже на рубеже III-II тыс. до н.э. «проросли корни» зороастризма, позднее распространившегося в Персии и Индии.

Серия полученных радиоуглеродных дат дает все основания считать, что люди в Маргиане появились в конце III тыс. до н.э. (около 2300-2250 лет до н.э.), что свидетельствует о том, что пришельцы в древнюю дельту р. Мургаб принесли вместе с собой с бывшей переднеазиатской прародины свои старые религиозные представления, которые в значительной степени обоснованно могут быть названы протозороастризмом. Население Маргианы продолжало исповедовать эти культы, совершенствовать и развивать их на новой родине. Я полагаю, что у нас есть все основания считать, что еще на далекой переднеазиатской прародине пришельцы имели близкие протозороастрийские культы. Поэтому истоки протозороастризма мы имеем право искать в Передней Азии. В этом отношении показательны слова покойной М. Бойс, которая восклицала: «Удивительно, если считать, что родиной зороастризма является Мидия, то почему самые первые и самые древние упоминания об индоиранцах появляются в Передней Азии, что зафиксировано на клинописных табличках из Вавилонии, Египта и Малой Азии».

Миграция арийских племен из Передней в Среднюю Азию

Прежде чем перейти к рассмотрению основной темы настоящей работы, следует сказать, что она представляет собой расширенный вариант моей статьи «Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане», опубликованной в сборнике «Труды Маргианской Археологической Экспедиции» (Т. 2. М., 2008). Настоящая работа посвящена археологическим открытиям, сделанным в самые последние годы в одной из величайших пустынь мира – в Каракумах. Здесь, на востоке современного Туркменистана, была обнаружена древняя страна «Маргуш», как она названа в известной Бехистунской надписи. Первые попытки освоения этих районов местными южно-туркменистанскими племенами относятся еще к IV тыс. до н.э., но они оказались неудачными и не получили своего

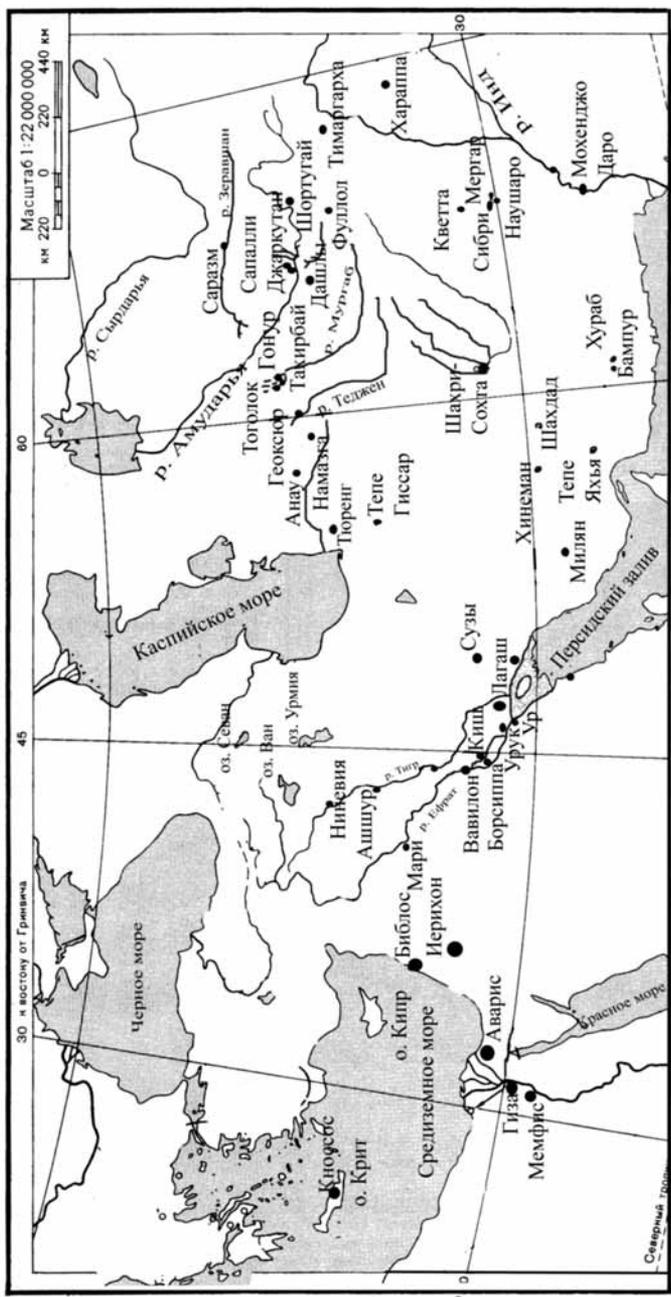

Схема расположения основных памятников Ближнего Востока и Средней Азии.
Main archaeological sites of the Near East and Middle Asia.

дальнейшего развития (Сарианиди, 1990, 2002). Следующая попытка прихода сюда племен состоялась на тысячу лет позднее – в конце III тыс. (примерно в период Ур-III и Саргона Аккадского). В это время здесь, в древней дельте реки Мургаб, появляются пришлые из Передней Азии оседло земледельческие и скотоводческие племена, владеющие высокоразвитым искусством и культурой переднеазиатского круга, которые на долгом пути включали в свой состав многие народы, в том числе и те, кто издревле обитал в предгорьях Копетдага.

Как установили американские и русские специалисты, примерно во второй половине III тыс. до н.э. на Ближнем Востоке наступает мировой, т.н. ксеротермический (иначе засушливый) период, послуживший причиной массового племенного переселения. Резко сократилось общее количество дождей и, особенно, весенних паводковых разливов. Пересохли многие подгорные реки и как следствие, резко сократились урожаи культурных злаков. Свидетельством тому служит множество заброшенных полей и древних поселений, руины которых протянулись от Греции до Индии. Правда, ксеротермический кризис охватил не сплошь все традиционные древнеземледельческие районы, а лишь некоторые, хотя и огромные области, откуда бывшие земледельцы и скотоводы устремились в другие районы в поисках новой родины. Но свободные земли на Ближнем Востоке уже практически отсутствовали, и невольные эмигранты вынуждены были двинуться в более отдаленные края. Одним из направлений движения этих земледельческо-скотоводческих племен, снявшихся с веками насиженных мест, было восточное. Вскоре они достигают границ Аккадского царства, так что не исключено, что где-то здесь на промежуточной территории находилась их исконная прародина. Но в древней Месопотамии, как и в Малой Азии к этому времени многие исторические области уже были перенаселены. Заметно менее населенной оставалась только Центральная Азия, куда и устремились вынужденные переселенцы. Так или иначе, но мигранты достигли территории современно-

го юго-западного Ирана (древний Элам), где и остановились на первое время. Со временем избыток пришлого населения достиг, по всей видимости, таких масштабов, что неизбежно было новое переселение на поиски свободных земель.

Почти на всем пути движения этих племен – на огромной территории от Греции до Индии – в эпоху поздней бронзы археологи обнаруживают руины заброшенных поселений, но нигде не видны следы военного вторжения или больших сражений. Таким образом, в целом это было достаточно мирное расселение земледельческо-скотоводческих племен, которые, по удачному выражению И. Дьяконова, медленно «растекаясь» по чужой территории, осваивали все новые свободные земли, пригодные для занятия земледелием. Арийское государство Митанни, Аккадское государство и древний Элам являются теми опорными территориями, в которых наиболее четко прослеживаются следы пребывания этих племен. О таком движении задолго до наших дней говорил Г. Чайлд: «Установленный ныне факт, что во внутренних районах Азии периодически бывают засухи, мог послужить причиной массовых миграций. Такая засуха, возможно, инициировала процесс переселения из этих районов индоевропейских народов и их изоляция, а завершило его вторжение монголов» (Чайлд, 2008, с. 122).

Кроме того, время Ур-III знаменуется тем, что почти вся Месопотамия попадает под власть государства Аккад, возглавлявшегося Саргоном Аккадским, который сумел «омыть свое победоносное оружие в водах Персидского залива». Утверждается единовластие царя – деспота Саргона, идет борьба с родовой аристократией, община переживает процесс имущественного расслоения. Последние годы правления следующего царя Нарам-Сина (2236-2200 до н.э.) были омрачены конфликтами части жречества и нарушением ирригационной сети вследствие вторжения в Месопотамию кутиев. «Некогда могущественное Аккадское царство «с трудом отбивалось от степных кочевников с запада, набегов эламитов с востока и все более глубокого

проникновения кутиев в Месопотамию» (История древнего Востока, 1998, с. 119).

Все это привело к тому, что северо-месопотамские племена, снялись с родных мест и двинулись в общем восточном направлении и, достигнув Восточного Ирана, основали здесь ряд крупных поселений, культуру которых мы можем наблюдать в верхнем, кроющем слое Гиссар III, Шахдада, возможно, Элама и ряда других более мелких поселений и ирригационных оазисов. При Гудеа Месопотамия имела широкие торговые связи с Сирией, побережьем Персидского залива, Эламом, Ираном, Индией, откуда поступало строительное дерево (кедр, сосна), золото, сердолик и лазурит.

Как писал Гордон Чайлд, «арийские народы сначала появляются из мрака предыстории, от которых сохранились имена и слова, которые дошли до нас, зафиксированы на клинописных табличках из Вавилонии, Египта и Каппадокии» (Чайлд, 2008, с. 26). К 1360 г. до н.э. относится договор, подписанный три века спустя, согласно архивам из Телль-эль-Амарны. Арийская династия правила в государстве Митанни, располагавшемся на верхнем Евфрате. Правители этой страны, как считают специалисты, имели явно арийские имена и поклонялись индоиранским божествам.

Перевалив пограничные горы Копетдага, отделяющие современный Иран от Туркменистана, пришельцы вступили на земли этой древней страны, где оседло-земледельческая жизнь зародилась еще в VI-V тыс. до н.э. Доказано, что пришлые племена застали здесь, в южных предгорьях Копетдага до определенной степени

родственный им оседлоземледельческий народ, с которыми они вскоре и смешались. Но на этом передвижения племен не остановилось, а прослеживается и еще далее на восток. В результате весь современный

1284.

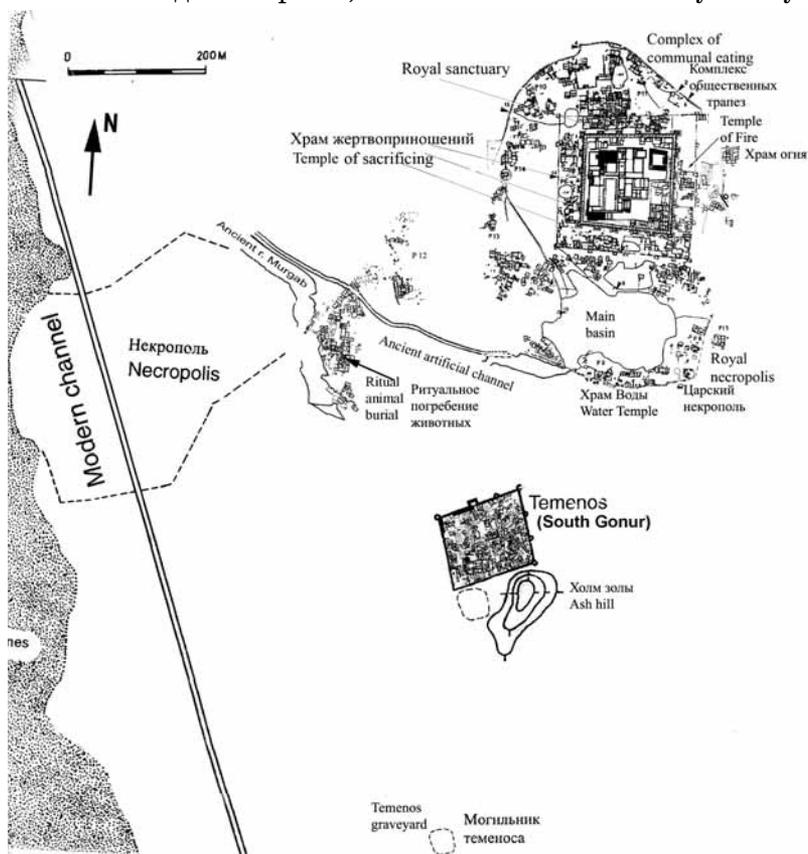
Бактрийская печать.
Bactrian seal.

Восточный Иран, большая часть Афганистана, Пакистан (включая Белуджистан), южные части Туркменистана и Узбекистана, часть Южного Таджикистана, вплоть до северо-восточного Китая и Индостанского полуострова попали в зону распространения индоевропейских племен. Во всяком случае, материальная культура населения, основавшего поселения от южной оконечности Каспийского моря и почти до Арабского моря, очень сходна между собой.

К концу III тыс. до н.э., предгорья Копетдага представляли собой процветающую древнюю страну. Но и они, как и более западные страны, также испытали жестокую засу-

Генеральный план Гонур Деде, весна 2010.
General plan of Gonur Depe, spring 2010

ху ксеротермического периода. Археологи и здесь находят обезлюдившие древние поселки в руинах, жизнь на которых почти совсем прекратилась или еле теплилась. Пришлые племена или реокупируют заброшенные поселения или возвели новые рядом со старыми (например, Теккем–Депе около Намазги, Элькен Депе около Коушута и др.).

Со временем и здесь становилось тесно, поэтому, после освоения подгорной полосы Копетдага, группы переселенцев стали двигаться еще дальше на восток, дошли, в частности, до древнего русла р. Мургаб и по нему спустились до его дельты. Переселенцы шли, гоня перед собой отары овец, коз, крупный рогатый скот. Через небольшой промежуток времени на плодородных землях древней дельты р. Мургаб вырастают десятки, а за ними и сотни поселений, вокруг которых до самого горизонта расстилаются колосящиеся нивы таких окультуренных злаков как пшеница и ячмень. На заливных лугах вдоль протоков дельты пасутся многочисленные стада домашнего скота. Постепенно здесь складывается новая страна *Моуру* (позднее *Маргуш*) древневосточного типа с очень высокой культурой и цивилизацией.

Дворец древнего Гонура

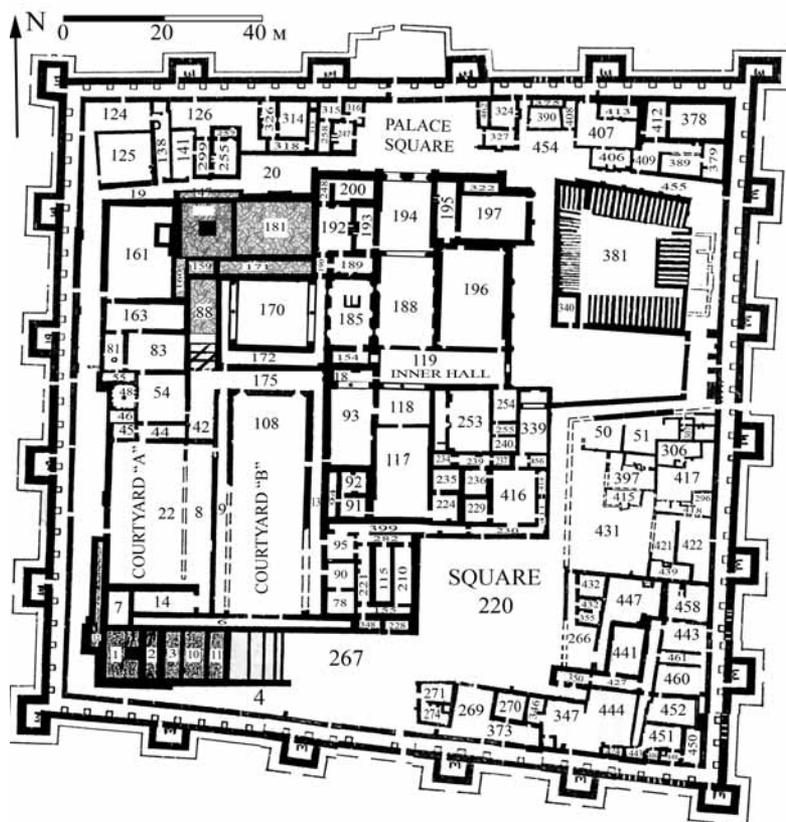
Следует отметить, что в зороастрийской «библии» нигде не упоминаются величественные дворцы, которые имеются уже в конце III тыс. до н.э., что, однако, никак не может указывать на их отсутствие у ранних зороастрийцев, пришедших в Среднюю Азию из Передней. Так, центральным, столичным поселением страны Маргуш стал город в восточной Туркмении, руины которого сейчас имеют название Гонур Депе (Серый холм). Но город этот – не совсем обычного типа. Он напоминает такой же город Чога-Замбил в соседнем Иране, что явно не случайно. В центре поселения был построен монументальный дворец – резиденция царя и его семьи. Главный вход во дворец имел специальное предвратное сооружение, указывая какое большое внимание маргушцы придавали обороноспособности дворца. Показа-

тельно, что парадный вход во дворец имел два прохода, разделенные большой пилястрой с раскрепованными углами. Он более всего напоминает вход в тронный зал Кносского дворца на Крите, что, бесспорно, отражает влияния, как бы «циркулировавшие» по обширной области, включавшей как островную Грецию, так и Переднюю Азию, и уходившие далеко на восток, в том числе и в Маргиану (Сарианиди, 2002).

Через внутренний двор дворца можно было попасть в двойной «аудиенц-зал», а затем во «внутренний вестибюль», откуда путь вел в огромный «тронный зал» и в цар-

План дворца Северного Гонура.
Plan of Gonur palace

Аэрофото дворца Гонур Депе (съемка Г. Давтяна, 2009).
Airphoto of the Gonur palace (photo by G. Davtian, 2009).

Главный вход во дворец Северного Гонура и площадь перед ним с хорошо сохранившейся дренажной системой. Люди показывают места возможного возведения колонн в зале для поддержания свода (2006 г.).
Main entrance to North Gonur palace and square in front of it with the fine preserved drainage system. People are shown the places of possible position of the columns to support the sealing (2006).

скую резиденцию с окружающими ее «хозяйственными помещениями» и большими парками для прогулок. Во дворце же размещался «комплекс погребальных ритуалов», где совершались сложные обряды над усопшими членами царской семьи. В западной части дворца рядом с погребальным комплексом устроена лестница, ведущая в помещения, доверху заполненные предположительно речным, а возможно и надувным песком.

Неподалеку, также внутри дворца, располагалась сделанная из сырцового кирпича погребальная камера без перекрытия, внутри которой были найдены останки более десяти захороненных (от детского до старческого возраста).

Напротив резиденции располагалась своего рода дворцовая «царская молельня», где царь и его домочадцы могли проводить ежедневные моления. В середине центрального помещения «молельни» располагается большая двухкамерная культовая печь на платформе, в которой совершались, судя по всему, кровавые жертвоприношения. Среди этих помещений выделяется одно, которое не имеет стен, а лишь своеобразные «угловые устои» наподобие таких же как в «царском святилище». Судя по всему, такие «павильоны» без стен имели на столичном Гонуре особое «церемониальное» назначение (см. ниже).

В восточной, подсобной части дворца находились административные здания, а рядом – частные жилища людей, которые обслуживали дворец. Видимо, до постройки царского дворца правящая верхушка Гонура жила на восточном берегу «главного бассейна» во временной резиденции, рядом с которой располагался «царский некрополь», стены которого были украшены цветными мозаичными панно аккадского стиля. Сходные стилистически изображения имеют настенные росписи дворца Мари в Сирии, на которых одеяния персонажей показаны в виде рядов слабоизогнутых прямоугольников. Аналогичные, можно сказать даже идентичные по форме мелкие каменные вставки от мозаичных композиций были обнаружены при раскопках

«царского некрополя» Гонура. Цари были погребены в кирпичных гробницах, представляющих собой модели жилых домов, что, по мнению М. Гимбутас, является одной из важных характеристик арийцев.

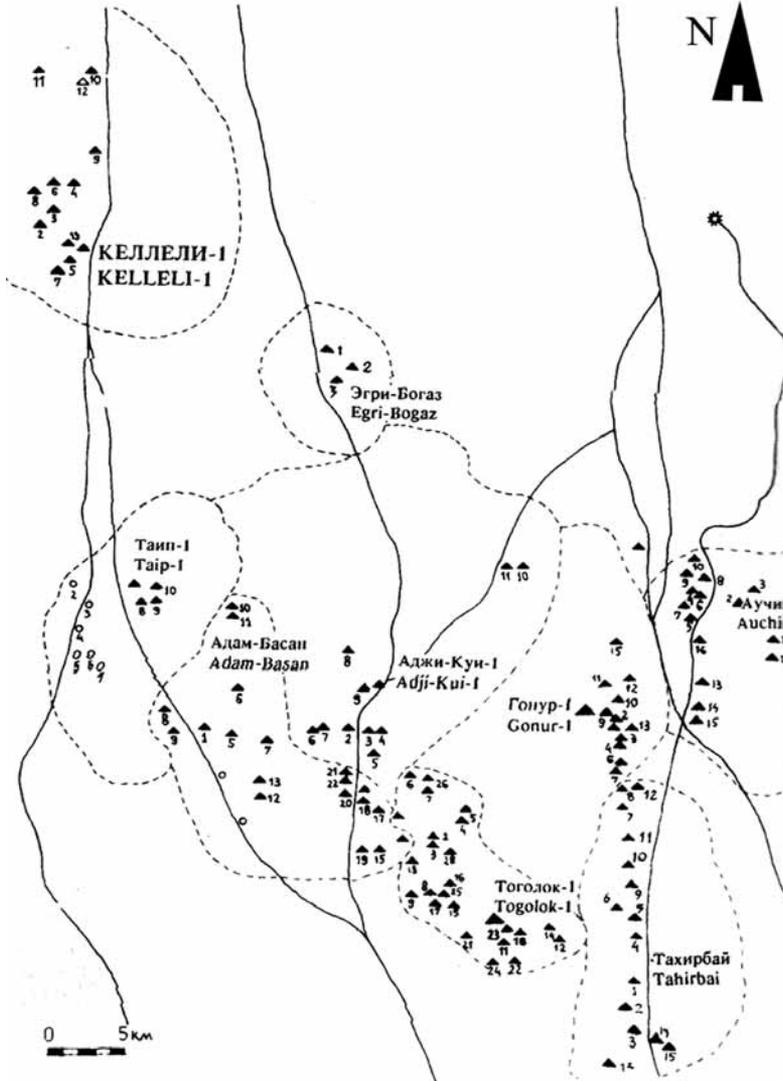

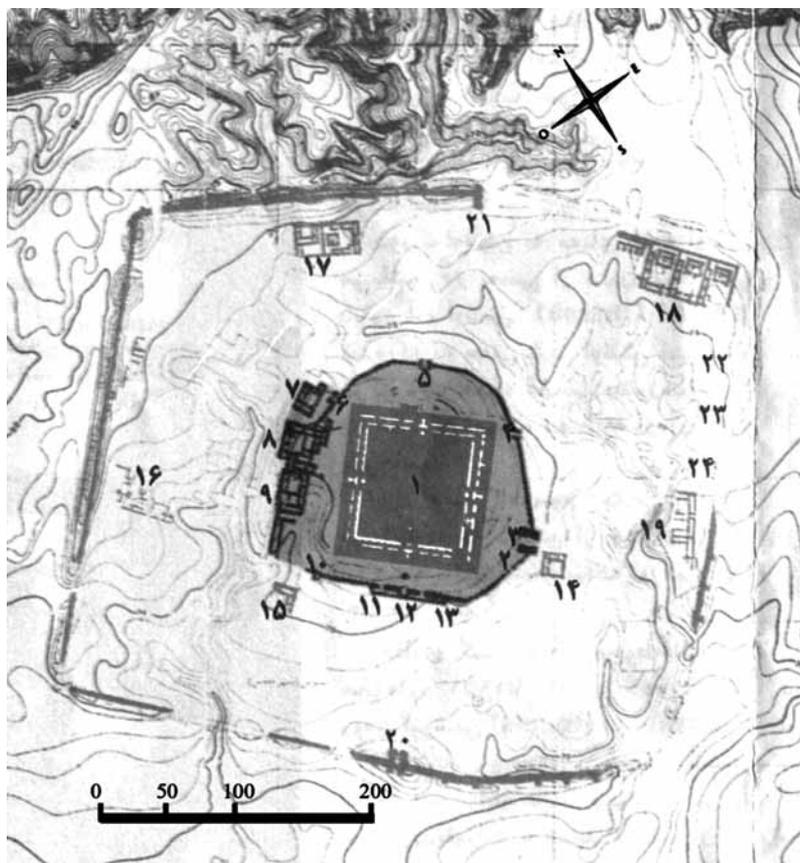
Схема расположения поселений в древней дельте р. Мургаб.
Settlements in the ancient delta of Murghab river.

На южной окраине Гонура располагался Храм Воды и бесспорные т.н. «площади общественных трапез», где могли проходить всевозможные, видимо, преимущественно культовые празднества типа праздника Науруз.

Дворец, подсобные и административные здания снаружи были обнесены кремлевской стеной, имеющей мощные, усиленные прямоугольными башнями. По всему периметру стен устроены стреловидные амбразуры. Кремль с дворцом окружали исключительно культовые сооружения, которые были укреплены дополнительным каре оборонитель-

*Схема центральной части зиккурата в Чога Занбиле (Иран).
Schem of the central part of the Ziggurat in Choga-Zanbil (Iran)*

ных стен, также усиленных боевыми башнями, представляющим собой первую линию обороны. Вокруг этого каре стен располагались большие и малые водоемы, храмовые постройки, святилища. Снаружи их окружала еще одна – третья, т.н. «обводная стена», не имевшая оборонительного значения, на что указывает полное отсутствие боевых башен и ее малая толщина (до 1 м). В целом же, как было отмечено выше, поселение Гонур близко напоминает иранский памятник Чога-Занбиль, который, правда, относится к намного более позднему времени.

Свыше тридцати лет продолжаются широкомасштабные раскопки как в Маргиане в целом, так и на Гонуре. Они показали, что культура населения древней «страны Маргуш» не только имеет очень много сходных черт с древневосточным миром, но и, обладая многими уникальными особенностями, является, наряду с Месопотамией и Египтом, Китаем и Индией пятым центром мировой цивилизации. Ставшие известными, благодаря раскопкам, верования и ритуалы, в том числе погребальные, культовые обряды и обычаи, приподняли завесу над прошлым «страны Маргуш». Они обнаруживают много общих черт с таковыми же первой мировой религии – протозороастризмом. Археологические работы в стране Маргуш дают возможность говорить о том, что многие религиозные представления, ритуалы, обряды ее населения могли быть именно той благодатной почвой, на которой через тысячу лет собственно и вырос сам зороастризм. В таком случае мы имеем полное право именовать религию древних маргушцев раннезороастрийской или протозороастрийской.

После этих предварительных замечаний перейдем к выявлению и исследованию чисто археологических доказательств, полученных при раскопках города Гонура.

КУЛЬТ ОГНЯ

Когда была опубликована книга «Гонур депе. Город царей и богов» (2005), почти все специалисты с большим недоверием восприняли мысль о наличии храмовых построек у гонурцев, которые я связал с протозороастрийскими верованиями. Исключение составили лишь единицы ученых, как, например, академики Б.А. Литвинский и М.А. Дандамаев, которые допустили существование таких дворцовых-храмовых сооружений у ранних зороастрийцев. И первой достоверной храмовой постройкой, которая, по признанию многих специалистов, является самым ранним Храмом Огня, явился архитектурный комплекс, расположенный на восточной стороне Северного Гонура.

Огонь – сын Ахура Мазды и должен был гореть постоянно. Ему преподносились сухие дрова и благовония, во

План Храма Огня Гонура первого периода.
Plan of the Gonur Fire Temple, I period.

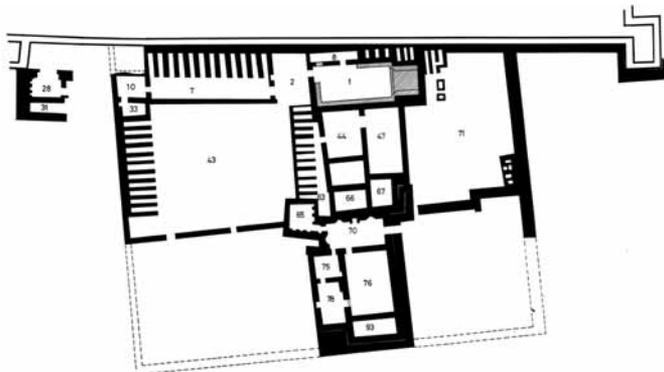

План Храма Огня Гонура второго периода.
Plan of the Gonur Fire Temple, II period.

время пяти ежедневных молитв он получал жир от жертвенных животных. Уже Геродот отмечал «почитание персами огня» (Геродот III, 16), а Курций Руф утверждает, что перед войском Дария III «на серебряных алтарях несли огонь, который у персов считается вечным и священным. Маги пели древние гимны» (Руф III 3, 9).

По данным М. Бойс, «ранний зороастризм отличался богатством религиозных догм и многочисленными обрядами, но он налагал немало материальных требований на своих приверженцев» (Бойс, 2003, с. 104). И раскопки на столичном поселении Гонур дали многочисленные доказа-

План Храма Огня Гонура третьего периода.
Plan of the Gonur Fire Temple, III period.

тельства того, что культ огня занимал огромное место в религиозной жизни населения этой страны. Результаты раскопок Гонурского кремля показывают, что с его восточной стороны около кремлевской стены снаружи находилась монументальная постройка, которая, как удалось доказать, может быть интерпретирована как первый подлинный в Центральной Азии Храм Огня. Он был построен уже в самый первый период жизни на Гонуре и пережил по крайней мере три строительных периода своего существования. Храм Огня был устроен на материке и состоит из ряда крупных помещений (Сарианиди, 2008а, рис. 19-20). Центральную часть этого храма составляет большое святилище, интерьер которого сплошь покрыт белой гипсовой обмазкой.

Прямоугольные алтари огня Маргианы

В непосредственной близости от этого святилища длинной цепочкой вытянулись четыре прямоугольных *алтаря* огня. Все они так же вырыты в материке и обложены изнутри сырцовыми кирпичами.

Прямоугольные алтари в Храме Тоголок-21.
Rectangular altars in the Fire Temple of Togolok-21.

Стенки алтарей несут следы сильного воздействия огня (Сарианиди, 1998), показывая, что огонь здесь был «постоянным» или «вечным». Кажется, впервые мы обнаружили археологические факты, во многом подтверждающие теоретические рассуждения, о культе Огня, о котором так давно и во многом справедливо говорили не только археологи, но и лингвисты. Тот факт, что все алтари расположены за глухой стеной, указывает, что все они уже в раннезороастрийское (протозороастрийское) время были специально «спрятаны» от нескромных взоров непосвященных в укромных уголках Храма. Это отношение к Огню прослеживается вплоть до конца эпохи поздней бронзы. Точно такие же, но уменьшенные модели прямоугольных алтарей, спрятанные за стенами помещений, имеются и в теменосе Гонура, и в храме Тоголок-21, свидетельствуя о длительной традиции культа огня у маргушцев (Сарианиди, 1998).

Круглые алтари

Второй тип *алтарей* – *круглый* – был обнаружен при раскопках «Храма Жертвоприношений» как на западном, так и на восточном фасах Гонура (последний был обнаружен лишь осенью 2009 г.). Первый из них (или «большой алтарь») диаметром свыше 7 м сложен из сырцовых кирпичей и имеет внутри культовую печь и проход со ступеньками.

Большое, круглое сооружение, возможно так же своеобразный алтарь диаметром свыше 11 м, было найдено на раскопе №14 (западная часть комплекса за пределами стен каре). Внутри него располагается прямоугольное помещение с культовой печью внутри. Еще две такие печи были встроены в рассматриваемый алтарь в более позднее время. Рядом с этим помещением устроены небольшие «кельи» – уменьшенные модели т.н. «комплексов келий», которые имеются в восточной части дворца Гонура, а также в других Храмах страны Маргуш (Храм огня Северного Гонура, теменос Южного Гонура, Тоголок-21), а так же в Бактрии (оба Храма Дашлы-3). Показательно наличие похожих «келий» в хеттс-

Круглый altar на юге
Северного Гонура.
*Round altar on the south side
of North Gonur.*

Круглый altar на юго-западе
Северного Гонура.
*Round altar on the south-west side
of North Gonur.*

ком царстве, где они называются «магазинами». Подлинное назначение их остается неизвестным, хотя культовое представляется наиболее вероятным. Следует отметить большую планировочную близость «Большого алтаря» Гонура к бактрийскому Дашлы-3, где также имеются культовые печи и уменьшенные «комплексы келий», что, конечно, не случайно (Сарианиди, 1977).

Итак, круглый altar диаметром около 7 м, построенный из сырцового кирпича, находился в «комплексе Жертвоприношений», внутри каре второго ряда стен, окружающих гонурский кремль. Стены этого, открытого сверху огромного алтаря сохранились на высоту 1,3 м. Снаружи и изнутри он был тщательно обмазан глиняной штукатуркой,

Большой круглый altar на востоке
Северного Гонура.
*Large round altars on the east side
of North Gonur.*

Малый круглый altar на востоке
Северного Гонура.
*Small round altars on the east side
of North Gonur.*

Круглые алтари в храме
Тоголок-21.
*Round altars
in the Togolok-21 Temple.*

Фрагмент Большого круглого алтаря
в храме Тоголок-21.
*Fragment of the Large round altar
in the Togolok-21 Temple.*

а его хорошо утрамбованный пол слегка понижается к середине. В восточной стороне алтаря имеется проход с двумя ступеньками, ведущими вниз, внутрь алтаря, а в его южной стороне устроена культовая двухкамерная печь со слабыми следами огня. Есть веские основания считать, что эта печь топилась не дровами, а травами, в том числе, ароматическими. Специалисты утверждают, что, по представлениям уже ранних зороастрийцев, божествам не всегда нужно приносить в жертву мясо. Они могут удовлетвориться в определенных случаях и запахом ароматических трав (Бойс, 2003, с. 23). На Гонуре следы сжигания ароматических трав обнаружены лишь в нескольких явно культовых печах: в «дворцовом святилище» и в рассматриваемом «Большом алтаре», т.е. явно в печах культового назначения.

Со временем, когда «Большой Алтарь» обветшал и стал разрушаться, рядом был построен второй, «Малый алтарь» (5 м в диаметре), также имеющий проход, ведущий внутрь и культовую печь. Добавим, что в «Большом алтаре», на полу был найден крупный фрагмент полусферической чаши, выточенной из оникса, а неподалеку от малого алтаря – цилиндрическая печать с изображением сидящего на кресле женского божества внутри «ауры» и предстоящих по обеим ее сторонам женщин-«богинь растительности» с вырастающими из их тел злаками (Сарианиди, 2004, с. 241, рис. 17). О достаточно сложных культовых церемониях,

проходивших около этих алтарей в древности, свидетельствуют две большие кучи аккуратно уложенных камней и скопление бараньих нижних челюстей, обнаруженные между большим и малым алтарем, в том месте, под которыми в материке был найден еще один алтарь, но не круглой, а прямоугольной конфигурации со следами горевшего в нем огня. Но независимо от этого представляется, что оба круглых алтаря, расположенных в «Храме Жертвоприношений» были центральными в системе всего Гонура, в которых древние маргушцы совершали жертвоприношения в вышеупомянутых культовых, двухкамерных печах.

Как было уже замечено выше еще один круглый алтарь, но много меньших размеров (около 3 м в диаметре) был обнаружен в одном из помещений расположенном, в предполагаемом «Храме Жертвоприношений». Вся северная стенка алтаря с внутренней стороны сильно закопчена и имеет легкие следы красного обожжения, по-видимому, от переносных жаровень. В этом алтаре культовая, двухкамерная печь в противоположность вышеописанным отсутствует, а по всей видимости заменяли переносные жаровни.

Еще два круглых, также разномасштабных и разновременных алтаря были обнаружены в восточной части Гонура. Из которых «Большой алтарь» был построен в более раннее время на материке, а меньший стоит на культурном слое и относится ко второму, более позднему, строительному периоду. Оба эти круглых алтаря иллюстрируют картину, аналогичную вышеописанной для комплекса Жертвоприношений в западной части Гонура. Оба восточных алтаря имеют внутри проходы и двухкамерные явно культовые очаги.

Поздние алтари огня

Как видно, на Северном Гонуре в раннезороастрийское время одновременно были распространены два типа алтарей: 1) круглые наземные, где совершались жертвоприношения различным богам маргушского Пантеона и 2) прямоугольные подземные, в которых горел «Вечный Огонь». М. Бойс отмечает: «Приношения [зороастрийцев] состоя-

»

ли из сухих, чистых дров, благовоний (сухих листьев или трав) и небольшого количества животного жира <...> Возливания жира совершали, видимо, тогда, когда в доме готовили мясо – огонь получал, таким образом, свою долю. От жира огонь горел ярче, растопившийся жир заставлял пламя вспыхивать еще ярче» (Бойс, 2003, с. 21, разрядка наша – В.С). Удивительно, но точно такого устройства алтарь был раскопан в Храме Тоголок- 21, относящийся к позднебронзовому времени (Сарианиди, 1990).

В известном Храме позднебронзового времени Тоголок-21 имелось две алтарные площадки. На западной располагались подземные, прямоугольной формы алтари, в которых горел «Вечный Огонь». В свою очередь на противоположной, восточной алтарной площадке рядом располагаются: большой и малый круглые алтари, в которых производились жертвоприношения. Удивительно, но в центре «Большого алтаря» этого храма устроен маленький очажок. На его полусферической поверхности была обнаружена плотная засохшая корочка, в том числе содержащая жировые включения. В расположенном рядом «Малом алтаре» находились сгоревшие, карбонизированные дрова с небольшим количестве «прикипевших» к ним фрагментов костей молодых животных (подробнее см.: Сарианиди, 1990). Специальные исследования в лаборатории Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова показали, что на полусферическую поверхность алтаря в древности выливали жирные жидкости (это могли быть: молоко, растопленное масло, жир), которые, стекая вниз, достигали маленького очажка с тлевшими в нем угольками, расположенного в самом низу в центре алтаря. Страбон сам наблюдал такой ритуал: огонь, соприкоснувшись с едва тлеющими угольками, вспыхивал ярче, а дым поднимался вверх к небу, где, по мнению молящихся, находились их божества (Воусе, 1982, с. 154).

Оба типа алтарей – прямоугольной и круглой форм – имеются в ранний период на Северном Гонуре, которые продолжают существовать на Южном Гонуре, а в позд-

небронзовым периоде – в Храме Тоголок-21 (Сарианиди, 1998). Поэтому мы можем утверждать, что оба этих типа бытовали у маргушцев с периода их первого появления в древней дельте р. Мургаб и вплоть до конца эпохи бронзы. Думается, что оба типа алтарей маргушцы принесли вместе с собой с далекой переднеазиатской прародины «в готовом виде». Важно подчеркнуть, что имеются свидетельства бытования подобных типов алтарей у парсов вплоть до современности. С каждым типом связываются особые обряды: круглые алтари Маргианы бесспорно предназначались для жертвоприношений, в то время как прямоугольные служили исключительно для ритуалов «Вечного Огня» и были, по-видимому, посвящены богу Огня. Следует отметить, что культ Огня и Жертвоприношения до сих пор являются основными в ритуальной практике зороастрийцев.

Хранилища священной золы

Рядом с прямоугольными алтарями Храмов Огня на Северном Гонуре и теменосе Гонура в материке были обнаружены вырытые в материке своеобразные контейнеры, обложенные изнутри сырцовыми кирпичами – условно названные узбекскими археологами «хранилищами священной золы». Все контейнеры в момент их раскопок оказались полностью заполненными чистой без посторонних включений белой золой. Таким образом, есть все основания считать, что древние маргушцы не выбрасывали бездумно золу из алтарей, а наоборот тщательно собирали ее и бережно хранили в специальных «хранилищах», как это практикуют и зороастрийцы до настоящего времени. И алтари, и контейнеры в последний момент жизни на Гонуре во избежание их разрушения и «осквернения» в будущем, для «консервации» были заложены сверху сырцовыми кирпичами. И алтари Вечного Огня, и «хранилища священной золы» едва выделялись на поверхности и полностью соответствуют древним зороастрийским обычаям, которые, по данным М. Бойс, обычно «...располагаются на уровне глаз сидящего человека».

Пави

В теменосе Гонура и, особенно, в храме Тоголок-21 рядом с прямоугольными алтарями располагаются парные прямоугольные же кирпичные «платформы» до одного метра высоты открытые сверху (т.е. изначально они были выстроены без кровли), близко напоминающие прочерченные ведические

*Пави в храме Тоголок-21.
Pavi in the Togolok-21 Temple.*

«pavi» или «чистое место» у современных зороастрийцев Индии (Воусе, 1989). На них, по поверью индоиранцев, незримо восседают боги, в честь которых горел огонь в вышеупомянутых алтарях. Судя по тому, что они встречены как на ранних (Гонур), так и на поздних памятниках

(Тоголок-21), пави существовали в течение всего протозороастрийского периода и принесены были в Маргиану с былой родины первых несельников уже «в готовом виде».

Культовые двухкамерные печи

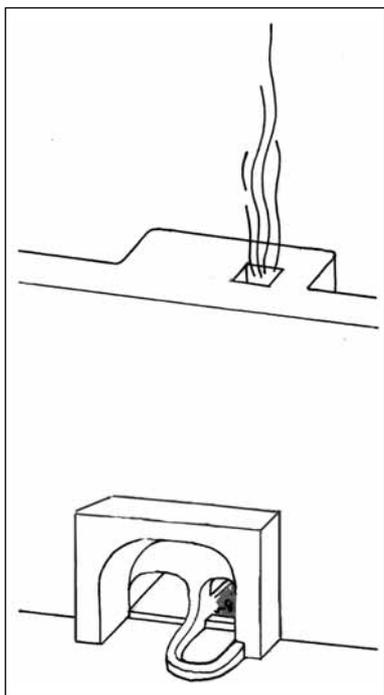
Обратим особое внимание на *культовые, двухкамерные печи*, чрезвычайно большое число которых (более 100) встречено было только на Северном Гонуре и которые отличаются своей конструкцией от обычных бытовых очагов. Как правило, внутри помещений имеется одна печь, но в единичных комнатах имеется три (Северный Гонур, раскоп 8, Храм воды, пом. 20), а в одной из комнат (Северный Гонур, раскоп 10, пом. 300) – четыре такие культовые печи. Все они двухкамерные, разделенные внутри специальной невысокой перегородкой на два отсека: один из которых – топка, а второй – духовка. Как правило, топки этих печей сильно обожжены изнутри, и нередко в них находится древесный уголь. Духовки же, как правило, обожжены более слабо; изредка они сохраняют внутри кости от жертвенных животных, возможно, в виде «посвятительной» жертвы богам. Такая конструкция печей

(т.е. наличие невысокой перегородки между топкой и духовкой) не давала возможности языкам пламени заходить из топки в духовку и напрямую касаться кровавого мяса, что являлось, видимо, по представлениям маргушцев, «великим грехом». Иными словами, сама конструкция печи предохраняла «чистую стихию» огонь от прямого соприкосновения с кровавым (и поэтому греховным) мясом. Это полностью соответствует законам соблюдения ритуальной чистоты Огня у зороастрийцев. Духовки упомянутых печей иногда имеют специальную керамическую выстилку, что указывает на их особое назначение.

Культовые печи Гонура в высшей степени показательны, т.к. в некоторых из них были обнаружены кости

Двухкамерный культовый очаг.
Double-chambered ritual hearth.

Двухкамерные культовые очаги с уступом в царской гробнице 3235 Гонура.
Ritual double hearths with a step in the royal sepulture 3235 at Gonur.

Грушевидная печь на раскопе 5 Гонур Деде.
Pear-form oven at area 5 of Gonur Depe.

жертвенных животных (лопатки, части ног и т.д. внутри), возможно, специально оставленные для богов. Важно подчеркнуть, что костный набор в таких печах почти всегда постоянен, что лишний раз может указывать на их особое, скорее всего жертвенное назначение. К сожалению, ни Авеста, ни особенно Вендидат, не сохранили до нашего времени информации о том, какие точно части тела жертвенных животных молящиеся посвящали Богу. Зато такие сведения имеются в рукописях Мертвого моря, где специально говорится, что «Они (т.е. молящиеся) пусть выберут для Бога (Яхъве) в качестве жертвы от барана и от агнцев правую ногу, грудь, челюсти, желудок и лопатку до верхней кости передней ноги». Затем они должны были вынести это «детям Израиля» (Martinez, 1994, Col. XX. P. 158), что во многом совпадает с ситуацией, обнаруженной при археологических раскопках на Гонуре.

Наряду с печами, в которых между топкой и духовкой устроены валики, существовали также двухчастные, явно культовые печи, обе камеры которых разделялись специально устроенными «уступами». Такие чрезвычайно редкие печи с уступом устраивались внутри сооружений культового назначения (внутри круглых алтарей, особых культовых помещений, в «дворцовом святилище»), что явно не было случайным.

Наряду с описанными, на Гонуре существовали, хотя и много реже, печи намного больших размеров, имеющие грушевидную форму. Они служили для приготовления жертвоприношений крупных домашних животных (бык-корова, верблюды, возможно, лошади), что доказывается находками внутри них черепов и длинных костей только этих животных. Аналогично обычным культовым двухкамерным печам, и эти «грушевидные» печи внутри также имеют перегородки, но с крупными сквозными круглыми отверстиями, через которые горячий воздух из топки мог свободно поступать в «духовку», где находилось жертвенное мясо.

КУЛЬТ ВОДЫ

Общеизвестно, что некоторые из законов очищения восходят к индоиранской эпохе, потому что они аналогичны и у зороастрийцев, и у брахманов (М. Бойс). По ее представлениям, человек как глава всех творений должен прежде всего содержать безупречно чистым себя и внутренне и внешне. Особые правила, составляющие отличие и своеобразие зороастризма, касаются не только Огня, но и Воды. Зороастрийцы прежде всего заботятся о чистоте самой Воды. Известно, что для них это – нравственный долг. Так, М. Бойс вполне справедливо предлагала называть их наряду с «огнепоклонниками» также и «водопоклонниками». Она пишет, что, хотя каждый акт богослужения, совершавшийся иранскими жрецами, посвящался одному из богов, сами обряды с регулярными приношениями огню и воде были, как кажется, всегда одними и теми же (Воусе, 1989). Указывается также, что зороастрийцы с утра не приступали к ежедневным работам, прежде чем не принесут жертв Огню и Воде и не прочтут священные молитвы, посвященные этим двум божествам. Характерно, что обряды очищения включают в себя омовения с головы до ног. Простейшие омовения могли совершаться мирянами в их собственных домах. Более тщательное, необходимое после серьезного осквернения, совершали жрецы с произнесением священных изречений» (Бойс, 2003, с. 77).

Маргушцы, также как и другие индоиранцы, обожествляли реки, озера, ручьи и, по-видимому, все источники и водоемы, совершая им (наряду с Огнем) ежедневные воз-

лияния и жертвоприношения. Не исключено, хотя доказать это непросто, что место для устройства «священного города» Гонура, подобно иранскому Чога-Занбилию, не было выбрано случайно: внутри города оказался расположен, по крайней мере, один из больших бассейнов.

В этом отношении, следует отметить, что почти около каждой «площади общественных трапез», где могли проходить празднества типа Науруза (см. далее), находились небольшие бассейны, которые наполнялись дождевой водой, поступающей с окружающих такыров посредством устройства длинных канав. Дождевая вода доставлялась в бассейны, создавая идеальные условия для совершения культовых омовений. Нами установлено, что все такие канавы снабжавшие бассейны дождевой водой, начинались за внешней «обводной стеной» Гонура, свидетельствуя о высокой ирригационной технике древних гонурцев. Почти все арыки были прорыты в самый поздний период, о чем свидетельствуют тот факт, что они часто перерезают пришедшие в руины былые здания Гонура.

Бассейны Гонура

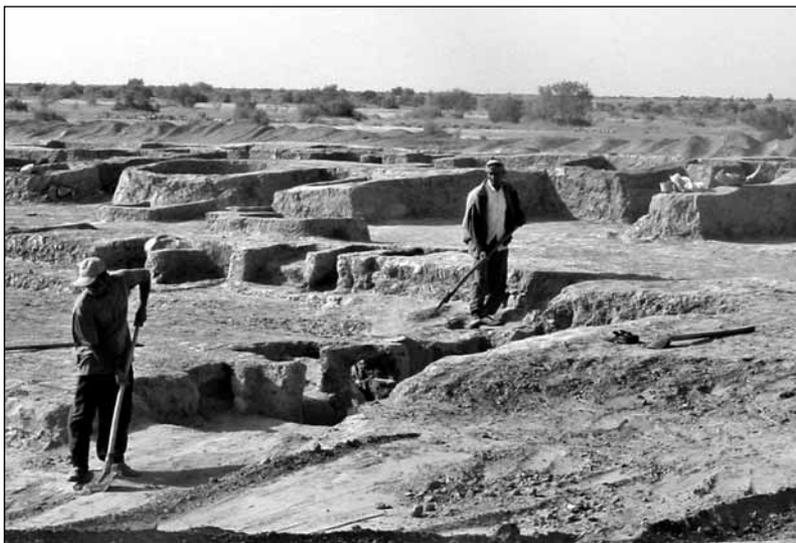
На южной окраине Гонура располагалось, судя по всему, естественное понижение, где был устроен «Главный бассейн» с приблизительными размерами 200 (с запада на восток) на 100 м (с севера на юг) при глубине около 3-х метров. При помощи специально прорытых каналов вода из древнего русла р. Мургаб подводилась к этому бассейну и через систему гончарных труб, проложенных под «обводной стеной», заполняла собой бассейн. Для того, чтобы вода из таких канав не размывала берег в месте ее поступления, древние ирригаторы укрепляли эту часть дна кусками битой керамики.

Как южный, так и северный берега этого «Большого бассейна» были застроены помещениями различного назначения, многие из которых имеют культовые двухкамерные печи и не имеют ни одного бытового очага. Имеющиеся археологические свидетельства о связи ряда этих помеще-

Пом. 20 Храма Воды с тремя двухкамерными культовыми печами.
Room 20 in the Temple of Water with three double-chambered hearths.

Двухкамерный очаг, вырубленный в материке в пом. 69
Храма Воды Северного Гонура.
*Double-chambered hearth, which has been cut down in the ground
in the room 69 of Temple of Water.*

ний с водой «Большого бассейна» дают возможность называть эти архитектурные сооружения «комплексами» или «Храмами Воды». Сами Храмы не выделяются монументальностью своих построек, т.к. относятся к последнему второму периоду.

Среди найденных на южном берегу комнат выделяется обширный, по-видимому, открытый сверху двор (пом. № 20) с тремя культовыми печами внутри, вытянутыми в цепочку и вознесенными на кирпичные платформы. Напомним, что число три священно у зороастрийцев, оно и сейчас является организующим началом во многих обрядах зороастризма и брахманизма. Показательно, что обширный «двор» пом. № 20 огорожен стенами лишь с трех сторон, а с четвертой, обращенной в сторону самого бассейна (или «водной стихии и водного изобилия»), он совершенно открыт. Тот факт, что двор смотрит в сторону бассейна, может указывать, что жертвоприношения в вышеупомянутых пе-

чах были посвящены водам самого бассейна, его водной шири и глади, водному изобилию, водной стихии.

О тесной связи культовых очагов в Храме Воды с водой указывает и то, что маргушцы устраивали береговые террасы до 10 м шириной, на которых также размещали помещения с культовыми двухкамерными печами внутри, в которых совершались культовые церемонии. Причем, стены таких помещений иногда возводились не из кирпичей, а вырубались в материке, также как и сами культовые печи вышерассмот-

Каменная фигурка борцов (25 мм), найденная в верхних слоях Храма Воды.
Stone figurine of fighters (25 mm) found in the upper layers of the Temple of Water.

ренного типа. Такие помещения найдены в юго-западной части Храма Воды. Очевидно, когда Большой бассейн со временем стал высыхать и мелеть, обитатели Гонура предприняли попытку остановить «убегающую» воду с помощью устройства ниже по береговому склону широких террас, где были сооружены «святотелища», имеющие внутри культовые, двухкамерные печи. Подчеркнем еще раз, что «приношения Огню и Воде составляли основу ежедневных утренних (разрядка наша – В.С.) богослужений, называемых у зороастрийцев *ясна*». М. Бойс считает, что «Некоторые из законов очищения восходят, очевидно, еще к индоиранской эпохе, потому что они аналогичны и у зороастрийцев, и у брахманов» (Бойс, 2003, с. 75).

В этой связи нельзя, забегая несколько вперед, не отметить, что рядом с каждой из четырех «площадок общественных трапез» Гонура, где могли проходить празднества типа Науруз, находились небольшие бассейны. В поздний период были прорыты длинные каналы (до 0,5 м ширины и около 0,5 м глубины), доставлявшие в них дождевую и особенно паводковую воду, собирая ее с окружающих такыров. Часть бассейнов расположена в северной, западной и восточной частях Гонура, куда было затруднительно выводить воду непосредственно из русла Мургаба. Все каналы, снабжавшие бассейны дождевой водой, начинались за внешней, «обводной стеной», на такырах, так что дождевая вода поступала на Гонур самотеком посредством устройства специальных гончарных труб (кобуров), уложенных в основание «обводной стены».

Следует отметить, что на Гонуре в «Малом бассейне» из сырцового кирпича был сооружен «отстойник» или иначе «фильтр», куда вода поступала из «Большого Бассейна» через специально устроенный «водопровод» или желоб. Внутри «отстойник» был заполнен срезанным камышом, так что вода, протекая через растения, очищалась и могла использоваться для приготовления пищи. Это сооружение еще раз свидетельствует, какое огромное значение придавали индоиранцы очищению. Хотя подобные «отстойни-

ки» не упоминаются в Авесте, они могли не дойти до нас. Конечно, в действительности могли существовать и иные свидетельства культа Воды, но пока они не выявлены археологическими раскопками.

Площади общественных трапез

Все рассмотренные далее «площади общественных трапез» не выходят за пределы «обводной стены», располагаясь внутри стольного Гонура. Судя по всему, оба южных бассейна (Большой и Малый) как и вся их система, включая сооружение канав-арыков, открытая на Гонуре, была связана с устройством т.н. «*площадей общественных (или коммунальных) трапез*». Возможно, такие бассейны были связаны с культовыми, очистительными омовениями, которые совершались во время функционирования подобных «площадей». Как известно, у индоиранцев существовали разного вида празднества и в том числе «семь празднеств» с главным праздником, называемым *Науруз*. После открытия круглого мавзолея-котлована № 3900, содержавшего необходимый инструментарий для проведения подобного праздника (см. далее), появились веские основания предполагать, что они также могли проходить именно на таких «площадах общественных трапез» при стечении большого числа участников.

Характерной особенностью Гонура является наличие нескольких последовательно существовавших «площадей», что указывает на стойкую традицию. Почти все они достигают огромных размеров. Так, самая большая из них, расположенная на юге Гонура, имеет площадь около 8500 кв. м при глубине черного зольного слоя почти один метр. Самая ранняя такая «площадь», видимо, была устроена на северном фасае столичного Гонура (раскоп 11), к востоку от центрального входа в Гонурский кремль. Все площади не содержат абсолютно никаких строений (алтарей или других подобных сооружений). В момент раскопок они представляли собой своеобразный «слоеный пирог», состоящий из чередующихся горелых, зольных слоев вперемежку с

костями животных и битой керамики, и прослоек чистого, предположительно речного, песка (толщина песчаных прослоев до 20-25 см). Песок мог насыпаться после очередных трапез, с целью избежать захламления всей городской территории и гниения пищевых остатков. Характерно, что и в Авесте, и в Ригведе говорится о «площадях общественных трапез», которые в Иране называются – Ида, а у ведических ариев – Иза (Воусе, 1982, с. 165).

Последовательно сменяя друг друга, такие «площади» складываются в разных частях Гонура, и можно полагать, что они существовали с самого начала до конца жизни в этом городе. Видимо не случайно рядом с такими «площадями общественных трапез» всегда расположены группы помещений, в большинстве которых имеются двухкамерные, ритуальные печи, в которых готовится мясо для коллективного поедания. Показательно, что наряду с прямоугольными, культовыми печами здесь начисто отсутствуют круглые, бытовые очаги на которых маргушцы могли готовить обычную пищу.

Особым образом приготовленное мясо поедалось маргушцами, как пишет М. Бойс по отношению к ритуалам зороастрийцев «с особой концентрацией ума и духа» (Воусе, 1989). Выше уже было отмечено, что перед подобными ритуальными трапезами и для того, чтобы очиститься от возможной скверны, зороастрийцы часто совершают различные ритуальные омовения для чего и служили такие культовые бассейны. Судя по рукописям Мертвого Моря (кумранские рукописи), в более позднее время участники таких трапез, не совершившие очистительных омовений, не допускались к совершению трапез в течение нескольких дней. Именно сходными ритуальными требованиями, существовавшими у маргушцев, можно объяснить присутствие бассейнов в непосредственной близости от таких площадей.

КУЛЬТ ЗЕМЛИ

Сохранилось немало свидетельств бытования Культа Земли у маргушцев, поэтому сомневаться в его существовании не приходится. Материалы, полученные при раскопках Гонура, достаточно убедительно показывают, что Земля у маргушцев, как и у зороастрийцев вообще, считалась священной или «чистой стихией», которую нельзя было осквернять ничем, и, в первую очередь, «смердным» разлагающимся трупом. Об этом, прежде всего, красноречиво свидетельствуют особенности похоронного обряда. Как известно, древние индоиранцы первоначально хоронили своих покойников в земле, но затем у индоариев погребальный обряд сменился кремацией, а у иранских арийцев – обычаем выставлять труп в пустынном месте на съедение хищным птицам (грифам) и специально обученным собакам. Еще позднее стали использоваться оссуарии или костехранилища. Как известно, погребальные обряды – наиболее консервативные в традициях древних, поэтому они могут свидетельствовать и о передвижении, миграции разных народов.

Погребальные обряды

Как известно зороастрийская религия за прошедшие тысячелетия выработала сложную систему погребальной обрядности. В ее основе лежало стремление оградить священные стихии (и в первую очередь Землю) от трупного осквернения. По данным В. Крюковой, соблюдение ритуальной чистоты имело у ее приверженцев едва ли не реша-

ющую роль, являясь неременным условием и средством достижения праведности, защитой от сил Зла. Осквернение считалось очень тяжким грехом, совершение которого расценивалось как ритуальная нечистота, смерть (Мейтарчиян). В Авесте сохранилось указание, что для погребения нужно выбрать место достоверно известное, что там есть пожирающие трупы собаки и пожирающие трупы птицы «Здесь пусть закрепят маздаяснийцы этого покойника за ноги и волосы чем-нибудь из металла, камня или рога, а если не сделают этого, то пожирающие трупы собаки растащат эту плоть к водам и растениям (перевод В. Крюковой).

Археологические раскопки почти 3 000 могил на Главном некрополе Гонура показывают, что у маргушцев существовало несколько типов погребальных сооружений. Но практически всех их объединяет тот факт, что тело покойного лежит в могилах на специальной подсыпке из песка или золы, в ряде случаев – на кирпичках, а в аристократических могилах (погребальные камеры наподобие цисты № 2900) на специальной гипсовой обмазке пола могилы или специального возвышения. Более того, людей с какими-либо физическими недостатками, хотя и хоронили на общем кладбище, но всегда с краю, а не в центре и в т.н. «обоженных ямах», чтобы не осквернить все ту же «чистую стихию» землю (Сарианиди, 2001, с. 18-19; Dubova, Rykushina, 2007). Перед погребениями таких трупов, могильные ямы предварительно сильно обжигались изнутри до появления красной корочки, и лишь затем в них помещалось тело усопшего.

Среди могил на некрополе 85% составляют т.н. «шахтные погребения», представляющие собой вертикальные ямы с подбоем в одной из стен, сделанным в самом низу. В подбой помещалось тело покойника в «спящей позе» на боку головой в большинстве случаев на север с согнутыми руками и ногами. Вход в подбой после погребения наглухо закладывался сырцовыми кирпичами. Таким образом, в подбое останки умерших не были засыпаны землей, а находились в «воздушном пространстве» (Сарианиди, 2001; Sarianidi, 2007). Необходимо отметить, что «шахтные мо-

гилы» были известны и были широко распространены в Аккадском государстве, на территории современных Сирии и Палестины. Но в Центральной Азии ранее они не были найдены и впервые появляются с появлением в старой дельте Мургаба племен из Передней Азии.

Наряду с «шахтными» погребениями в Маргиане практиковались захоронения «в простых ямах», а также «частичные» (или фракционные) захоронения. Изредка устраивались кенотафы, т.е. захоронения в память людей, умерших на стороне, далеко от дома.

Уже М. Гимбутас установила, что арийские племена хоронили своих высокородных, аристократических родственников в гробницах, представляющих собой модели домов в виде нескольких камер-комнат, к которым спереди примыкают обширные дворы. Царственные лица погребались в сложных кирпичных гробницах, представлявших собой «модели обычных домов» с комнатами и прилегающими к ним дворами, в которых использовался последовательный обряд захоронения. На практику использования такого типа могил указывает «Царский некрополь» Гонура.

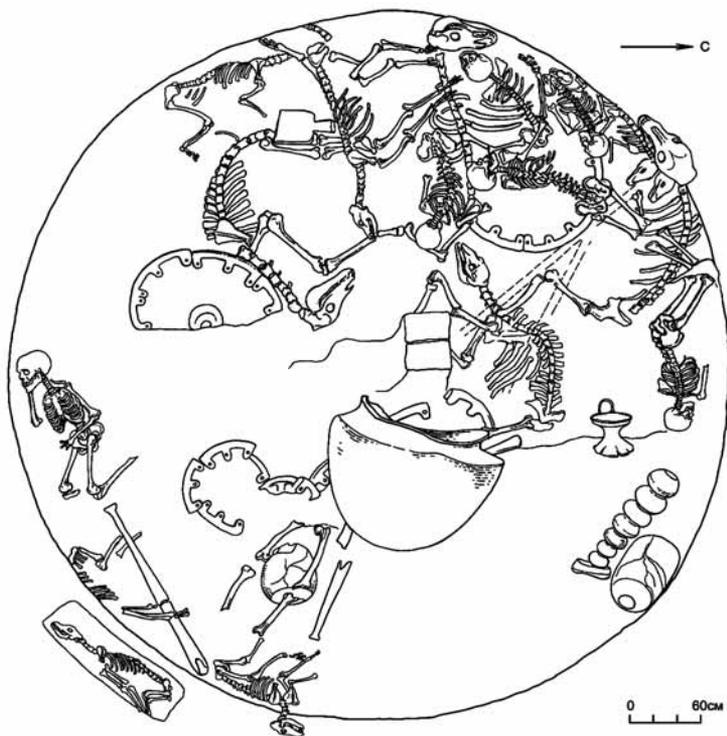
В каких-то не совсем ясных для нас случаях цари использовали т.н. дахмы, представляющие собой погребальные камеры с использованием коллективного обряда погребения. Богатых маргушских аристократов погребали в прямоугольных гробницах, представляющих собой модели домов или спальни, которые до удивления близко напоминают аналогичные гробницы типа Нуругаеум, распространенные по среднему течению р. Евфрат (могильник Талли-Туттул в Сирии и другие). На главном гонурском некрополе раскопано около 50 таких гробниц, изображающих собой спальни с лежанками, столами, стенными посудными шкапами, заполненными в момент раскопок целыми сервизами посуды (Сарианиди, 2001, рис. 6-9). Был возможен и другой вариант: аристократов хоронили в наземных цистах, всегда с богатыми погребальными приношениями (Strommenger, Kohlmeyer, 1998, p. 51). На большом некрополе Гонура найдено более 40 аналогичных цист.

В аристократических камерных могилах «Главного гонурского некрополя» устраивались коллективные захоронения, костные останки откуда по прошествии определенного времени переносились в другое место, так что в момент раскопок в них сохранилась лишь одна «костяная пыль». Думается, что это могли быть так называемые «временные могилы», упоминаемые в Авесте. В отношении таких «временных могил» В. Крюкова замечает: «тело оставляли во «временной могиле», которая представляла собой <...> камеру» (Крюкова, 2005, с. 242), что до определенной степени соответствует камерам Гонура (Hurogaeum) и возможно наземным цистам.

Таким образом, результаты археологических работ на некрополе Гонура, показывают, что у маргушцев погре-

План котлована 3900 на царском некрополе Гонура (2009 г.)
Plan of the huge pit 3900 at the Royal necropolis of Gonur (2009).

бальный обряд характеризуется поливариантностью. Но главной чертой всех погребальных сооружений является стремление предохранить «чистую стихию землю» от осквернения ее разлагающимся телом умершего: в шахтных могилах – сооружением подбоя и закладывания его сырцовыми кирпичами, в обожженных ямах – обжиганием стенок, во всех типах могил – сооружением возвышений из песка, золы, плотной глины, обмазанной гипсом и пр., на которые укладывалось тело умершего.

В сравнительно более позднее время для сохранения ритуальной чистоты земли стали использоваться оссуарии (или костехранилища), в которые собирались кости, очищенные в дахма от мягких тканей птицами или собаками. Они служат в этом смысле классическим примером (подробнее см.: Крюкова, 2005, с. 241-245). В Маргиане не было встречено ни одного оссуария, очевидно, в столь раннее время они еще не существовали вообще. Как замечает М. Мейтарчиян по поводу предохранения «чистых стихий» от загрязнения: «осквернять их при жизни считалось очень тяжким грехом <...>. Зороастрийцы доктринально объясняют выставление трупов как стремление предохранить от осквернения землю, воздух, воду и огонь» (Мейтарчиян, 1999, с. 5).

Дахма

Помимо перечисленных типов могил на Гонуре существовали своеобразные дахмы. Судя по всему, в этой роли выступает помещение, выявленное при археологических раскопках в резиденции много раз упомянутого выше Гонурского дворца. Дахма обнаружена внутри резиденции. В ней совершался обряд коллективных захоронений, и были найдены останки 10 человек. Один погребенный лежал прямо напротив входа в помещение, а скелеты других были сдвинуты в сторону и находились в самом хаотическом состоянии. Эта камера имеет на полу около стены явные следы дождевых глинистых натеков, что может указывать на существование какого-то специального перекрытия, которое

позволяло проникать внутрь специально обученным собакам. Это сооружение близко напоминает собой последующие зороастрийские дахма – специальные камеры с коллективными захоронениями, куда, вполне возможно, имели доступ обученные собаки и хищные птицы, наподобие грифов.

В полном согласии с древними иранскими обрядами, членов царской семьи на Гонуре погребали вблизи от родного дома, где они прожили свою жизнь. В Авесте сохранилось указание, что для погребения нужно выбрать место где «... достоверно известно, что там есть пожирающие трупы собаки и пожирающие трупы птицы»: «Здесь пусть закрепят маздаяснийцы этого покойника за ноги и волосы чем-нибудь из металла, камня или рога, а если не сделают этого, то пожирающие трупы собаки растащат эту плоть к водам и растениям» (перевод В. Крюковой).

По мнению акад. Б.А. Литвинского, «как сооружение дахма могла, по-видимому, быть в одних случаях местом для выставления, а в других – местом хранения уже очи-

Бронзовая печать из Бактрии из коллекции Р. Гарнера.
Bronze seal from the Ron Garner's collection.

Дахма во дворце Северного Гонура (вид с запада).
Dakhma in the Gonur Palace (view from the west).

Дахма во дворце Северного Гонура (фрагмент).
Dakhma in the Gonur Palace (fragment).

ценных костей» (Литвинский, Седов, 1983, с. 113). Среди большой и представительной коллекции печатей и амулетов Маргианы и Бактрии известна уникальная бронзовая печать из Бактрии переданная мне для ознакомления с правом публикации моим старинным другом по Афганистану Р. Гарнером (Сарианиди, 1998а). На лицевой стороне печати сохранилось изображение двух покойников, лежащих на спине со скорченными ногами, которых сверху расклевывают хищные птицы с длинными клювами, похожие на грифов. Всю эту довольно сложную композицию дополняет летящая (или отлетающая) птица и подбирающаяся к покойникам собаки (Сарианиди, 2001, табл. 27, № 1). Эта уникальная печать прямо соответствует практике выставления трупов на возвышенном месте, где их очищали от мягких тканей хищные грифы и специально обученные собаки.

Трупная муха Насу

Подчеркнем еще раз, что наиболее характерным признаком погребального обряда маргушцев является соблюдение ритуальной чистоты и восстановление ее после осквернения, что полностью соответствует погребальным обрядам зороастрийцев. По данным В. Крюковой, соблюдение ритуальной чистоты имело у них едва ли не решающее значение, являясь неременным условием и средством достижения праведности, защитой от сил Зла. Самым значительным и представительным по объему яв-

Syria

Margiana

Изображения мухи Насу.
Fly Nasu images.

ляется восьмой фрагмента «Видевдата», причем ритуальному омовению покойников посвящен девятый фрагмент, в котором говорится о том, что, как только душа покинет тело, на него набрасывается дэв смерти в облике отвратительной мухи Насу, которая поражает ближайших родственников, оказавшихся рядом, так что тело покойника следует положить на высочайшее место, и на трупе не следует оставлять никакую одежду. В этой связи следует отметить, что ни в одной из почти 3 000 могил Гонура не было обнаружено ни одной пуговицы от возможной одежды. «Соблюдение ритуальной чистоты и восстановление ее после осквернения играло едва ли не решающую роль в жизни древнеиранского общества, являясь неперемennым условием и средством достижения праведности, защитой от сил Зла и способами борьбы с ними; основой, позволяющей консервативной зороастрийской общине сохраняться тысячелетиями» (Рак, 1997, с. 96).

В этой связи специально остановимся на одной археологической находке, сделанной в Храме Тоголок-21. Там был найден маленький медно-бронзовый амулет с двухсторонним изображением. На одной плоскости этого амулета изображено центральное дерево, по обе стороны которого на задних ногах стоит пара рогатых козлов. На оборотной плоскости изображена более сложная композиция в виде огромного, предположительно крылатого, и явно рогатого чудища, набрасывающегося на пару людей, лежащих на земле (Сарианиди, 2001, рис. 28, № 2). То обстоятельство, что люди изображены в скорченной позе, без всякого сомнения, указывает на то, что это – умершие персонажи. В этом отношении большой интерес вызывает одна сиро-хеттская печать, опубликованная Контено, на которой двое сидящих на низких стульях людей пьют через трубки какой-то, по-видимому, опьяняющий напиток (типа сома-хаома), в то время как сзади на одного из них так же набрасывается чудище, близко напоминающее вышеописанное на амулете из Храма Тоголок-21. В высшей степени показательны что сиро-хеттское чудище, подобно

тоголокскому также рогатое, трехпалое и имеет на конце длинного хвоста шишечку, что прямо напоминает тоголокский образец, не оставляя никаких сомнений в их взаимном сходстве.

Есть все основания думать, что перед нами сцена, которая может быть связана с известной авестийской мухой смерти Насу. Показательно, что на тоголокском медном амулете она, в полном согласии с данными Авесты, набрасывается на трупы умерших, показанных находящимися в «позе мертвых» иначе говоря в скорченной позе. Насу – дэв осквернения, который заключен в мертвой плоти. Поэтому «огонь, ритуальные предметы (чаши, давила и хаому) <...>, само тело умершего следует вынести из дома» (Рак, 1998, с. 275). В полном согласии со своей «вредоносной сущностью», трехпалый дэв Насу мешает людям совершать ритуальный обряд, связанный с питьем сока Сомы-Хаомы.

Брешь или Пролом

При археологических раскопках «комплекса погребальных ритуалов» в гонурском дворце было установлено,

что кроме парадного входа в него рядом находился так называемый «пролом» или «брешь», через который покойника, скорее всего, выносили для погребения. Указание на вынос мертвого тела как хозяина так и хозяйки дома не через вход, а специально устроенные «проломы» или «бреши» имеется в «Авесте». Так, в Авесте прямо говорится: «И вот когда прилетят птицы, произрастут растения, растекутся лужи, ветер высушит землю, тогда пусть маздаяснийцы в

Брешь или пролом (показано стрелкой) в комплексе погребальных ритуалов дворца Северного Гонура в процессе консервации и реставрации памятника.

Справа – главный вход в комплекс.

The gap or break (shown by arrow) in the complex of funeral rituals of the North Gonur palace during conservation and restoration of the monument. The main entrance to the complex – on the right.

этом доме «брешь прорежут» (разрядка наша – В.С.). По Д. Дармстетеру, через дверь выносят всех членов семьи, а хозяина и хозяйку выносят через «пролом» в стене.

Ритуальные кирпичи

В комплексе «погребальных ритуалов», расположенном в дворце Гонура, в центре пом. № 48 с его 12 стенными нишами располагается неглубокий очаг, внутри которого находится слабообожженный чернозакопченный кирпич, напротив которого устроен камин со следами слабого обожжения. В этой связи следует отметить, что согласно зороастрийским погребальным обрядам, душа усопшего в течение трех дней находится около покойника в надежде «оживить» его. Она требует особой заботы и «кормления». Исследователи современной этнографии в Таджикистане (Джексон) отмечают, что зороастрийцы «на месте, где тело лежит перед выносом его из дома, обычно кладут три кирпичика...», а утром все это относят на могилу покойного. Другой исследователь добавляет, что, «когда мертвого выносят из комнаты, на его место кладут кирпич, на него – кусок мяса <...>, а утром все это относят на могилу покойного» (Крюкова, 1997, с. 222).

Душа-путешественница

Как известно, согласно данным Авесты душа умершего человека путешествует по миру, в связи с чем, в могилах Бактрии и особенно Маргианы обращают на себя внимание находки керамических и каменных моделей обуви типа галош, которые могут указывать на такие путешествия души-путешественницы.

Модели обуви из могил Гонура.
Shoes from Gonur tombs.

Площадки для закалывания животных

Как было показано выше, «чистую стихию» землю маргушцы оберегали от прямого соприкосновения (контакта ее) с «трупной скверной». Точно также маргушцы всяческими способами стремились избежать прямого соприкосновения земли с кровью жертвенных животных. Известно, что индоиранцы испытывали благоговейный страх и трепет, отнимая жизнь у животных. Они никогда не убивали без освяtitельной молитвы, благодаря которой душа животного продолжала жить. В этой связи важно обратить внимание на то, что при раскопках таких классических Храмов как Тоголок-1 и Тоголок-21 были встречены так называемые «площадки для закалывания животных», выложенные большими кусками битой керамики и даже гончарными шлаками, от которых в сторону, понижаясь, отходят специальные желоба, по-видимому, для стока крови и вывода ее за пределы поселения или храма.

Так, например, в Храме Тоголок-1, в южной части «крепости» в пом № 27 расположена небольшая возвышенная площадка для ритуального закалывания жертвенных животных, выложенная сверху пережженным керамическим шлаком такой же желоб. Кровь животных через желоб выводилась в пом. 14 и оттуда уже удалялась за пределы храма.

Такие «площадки» в обоих Храмах были построены не изначально, а тогда, когда сами «площадки» располагавшиеся, по-видимому, вне города, уже разрушились и пришли в запустение. Думается, что это были именно «площадки для закалывания жертвенных животных», т.к. их конструкция способствовала тому, чтобы воспрепятствовать прямому контакту между пролитой кровью животных с «чистой стихией» землей. В Авесте отмечается, что проливать кровь животных на землю заключает в себе своего рода преступление против жертвы, и потому было необходимо соблюдать особо предписанные ритуалы (Бойс 1987, р. 140).

Таким образом, нами получено много фактических археологических данных, доказывающих бережное отношение жителей страны Маргуш к Земле как к священной субстанции. Общеизвестно, что осквернение Воды, Огня, Воздуха и Земли у индоиранцев, так же как и у маргушцев, считалось величайшим грехом и было недопустимо. До археологических работ на Гонуре многие считали, что для очищения воды зороастрийцами применялась в основном коровья моча. Однако сейчас как будто появились данные считать, что древние маргушцы добывались той же цели путем устройства специальных «фильтров» или «отстойников», о чем было сказано выше. Не исключено, что для аналогичных целей ими использовалась и зола, о чем могут свидетельствовать находки в пом. № 88 на раскопе 16 (юго-западная окраина Гонура за пределами обводной стены) (Дубова, 2008).

Как мы показали, Культ Огня, Культ Воды, Культ Земли были основными культурами у маргушцев. Можно предполагать, что и четвертая стихия – Воздух – также обожествлялась ими. Но пока мы не имеем никаких археологических свидетельств такого культа. Если наши рассуждения верны, то следует признать, что пришедшие в конце III тыс. до н.э. в древнюю дельту р. Мургаб племена принесли вместе с собой существовавшие у них верования и ритуалы, которые до этого они практиковали на своей бывшей родине. Все эти культы по отдельности, бесспорно, были известны другим земледельческо-скотоводческим племенам древности, но все вместе они, как кажется, столь ярко выражены только лишь у индоиранских, арийских племен и теперь у маргушцев.

Но кроме этих, основных, культов, нам удалось обнаружить и существование других представлений, которые говорят о распространении среди жителей Маргианы протозороастризма. Они будут показаны и проиллюстрированы ниже.

ЦАРСКИЕ ГРОБНИЦЫ

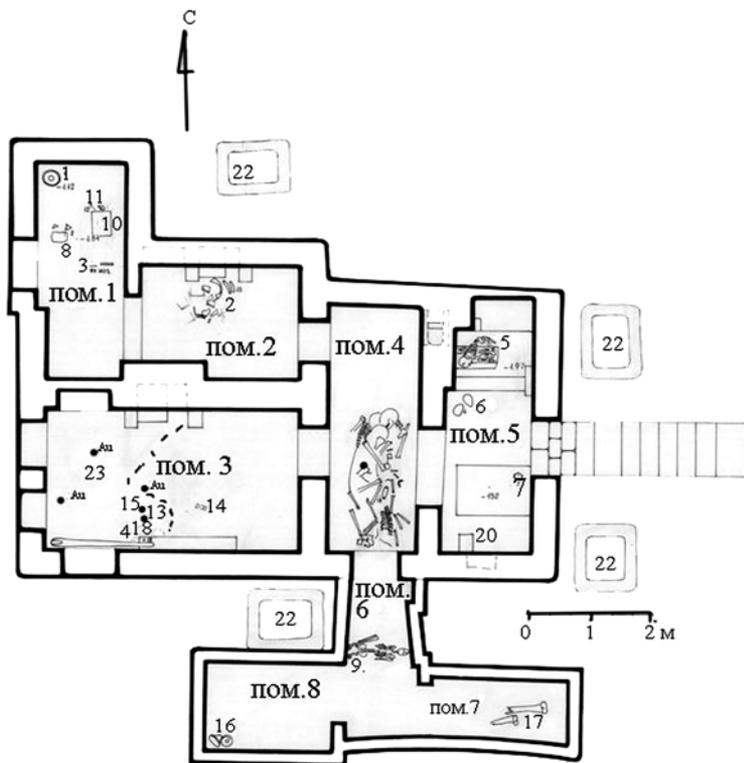
Исключительный интерес на Гонуре представляет «царский некрополь», и в особенности его кирпичные гробницы, в виде своеобразных соединяющихся камер, представляющие собой модели домов, фасады которых были богато украшены мозаичными, цветными фресками к которым с внешней стороны примыкают обширные дворы. Как выше было отмечено, они дали богатейший материал для изучения погребального обряда древних маргушцев и показали впервые для всей территории Средней Азии наличие в южном Туркменистане гробниц в виде моделей домов типа Нурогеум, которые (по мнению М. Гимбутас) были характерны исключительно для погребений арийцев. Как документально установлено, почти все царские гробницы имеют именно такую планировку и были раскопаны в вышеупомянутом царском некрополе (гробницы 3200, 3210, 3220, 3235, 3880, 3905, 3910 и 3915) причем в ряде случаев с севера к ним примыкают обширные дворы. Но эти же гробницы показали и очень тесные связи этого региона с передовым центром тогдашнего мира – ближневосточным. Передние фасады многих гробниц были украшены сложными сюжетными композициями. Совершенно очевидно, что практика украшения таких домов мозаичными панно до этого не была известна на этой территории и, скорее всего, была принесена племенам со своей переднеазиатской прародине, преимущественно из районов древней Сирии. Очень много общего прослеживается между сюжетами мозаичных композиций Гонура и настенными фресками си-

рийского дворца Мари. Кроме уже упоминавших аналогий в изображении одеяний персонажей, изображенных в Мари и мозаичными вставками, найденными в «царских могилах» Гонура, надо упомянуть и столь же показательных крылатых львов (или грифонов) Гонура. Грифоны изображены в противоборствующей позиции (Сарианиди, 2008а, рис. 117, 120-123) и сильно напоминают собой стенные росписи древне-сирийских дворцов.

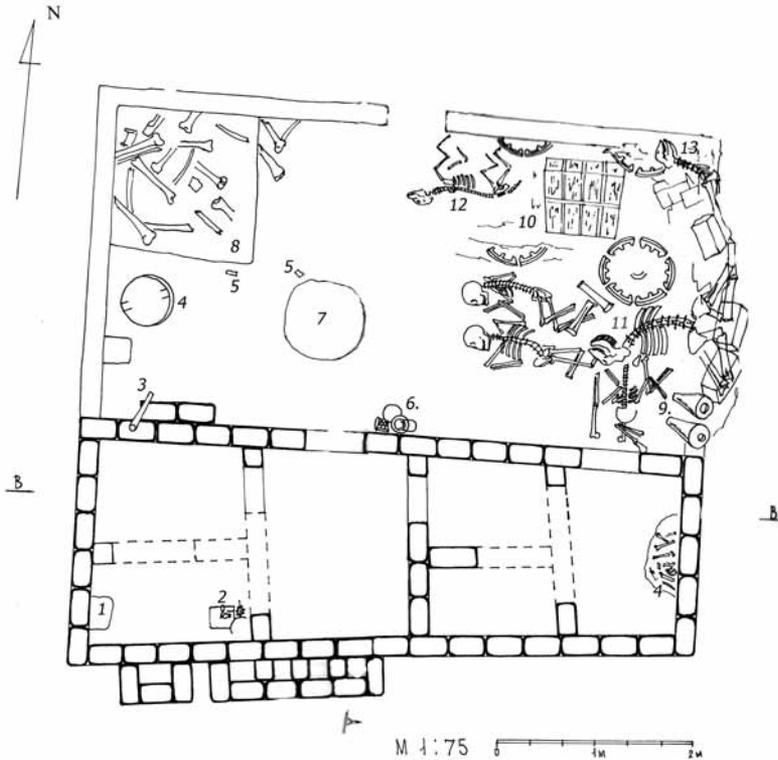
Не менее показательно сходство хищных птиц (предположительно орлов), изображенных в геральдической позе с распростертыми крыльями и с большими, изогнутыми клювами из Гонура с птицами и животными Мари. Нельзя не упомянуть и ветвистые рога оленей из Мари и точно та-

План царской гробницы 3235.
Plan of the royal sepulture 3235.

кие же фаянсовые мозаичные вставки из гробницы 3880 в Гонуре. В этой связи напомним, что горные козлы, живущие на Копетдаге, имеют преимущественно небольшие, слегка загнутые рога, решительно отличные от ветвистых, мозаичные вставки в идее которых найдены в царской гробнице 3880. Обращают на себя внимание и керамические пифосы удлиненно-вытянутой формы абсолютно неизвестные на других памятниках в системе всей Средней Азии, исключая «царские гробницы» Гонура. Точно такие удлиненно-вытянутой пропорций пифосы известны еще только на египетских памятниках, например, в Храме для ритуальных возлияний (Древнеегипетский храм..., 2002, рис. 60, 61). Все вышеприведенные аналогии не оставляют

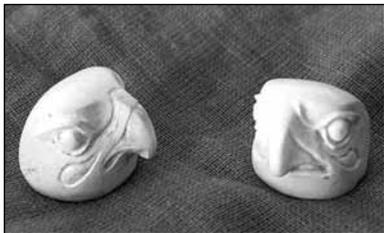
План царской гробницы 3200.
Plan of the royal sepulchre 3200.

никаких сомнений в том, что между гонурскими и сирийско-египетскими находками существует прямое родство, обусловленное общим (возможно, генетическим) переднеазиатским происхождением.

На такое же направление связей указывают изображения на маргианских амулетах и печатях, в особеннос-

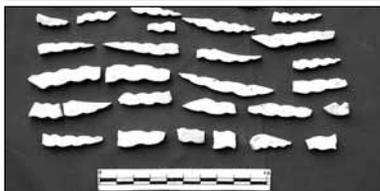
Мраморные головки от фигурок соколов из царской гробницы 3200.
Marble falcon's heads from figurines from the royal sepulture 3200.

Каменная мозаичная вставка из царской гробницы 3235.
Mosaic inserts from the royal sepulture 3235.

Каменная мозаичная вставка из царской гробницы 3235.
Mosaic inserts from the royal sepulture 3235.

Каменные мозаичные вставки из царской гробницы 3210.
Mosaic inserts from the royal sepulture 3210.

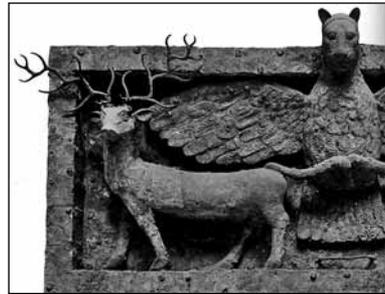
Фрагмент печати со сценой охоты
из Тоголок-21.
*Fragment of the seal with the scene
of the hunt from Togolok-21.*

Цилиндрическая печать «Охота в
горах» (по: Frankfort, 2006, fig. 18).
*Cylinder seal "Hunt in the mountain
landscape" (by: Frankfort, 2006, fig. 18)*

Каменные мозаичные вставки «рога»
из царской гробницы 3880.
*Stone mosaic inserts "horns" from the
royal sepulture 3880.*

Фрагмент композиции из кости
из Телль Убейда (Лондон, Британский
музей; по: Parrot, 2006, s. 182).
*Fragment of image from Tell Ubeid (London,
British museum; by Parrot, 2006, s. 182).*

ти хорошо известная аккадская печать со сценой охоты людей с собаками на убегающих от них горных козлов, с композициями, нанесенными на печать в виде двугорбого верблюда, происходящей с Тоголок-21 (Сарианиди, 1990, Табл. 44, №1), что с бесспорностью указывает на их местное, маргушское изготовление, хотя и под сильным аккадским влиянием.

62

Семь божеств и семь празднеств

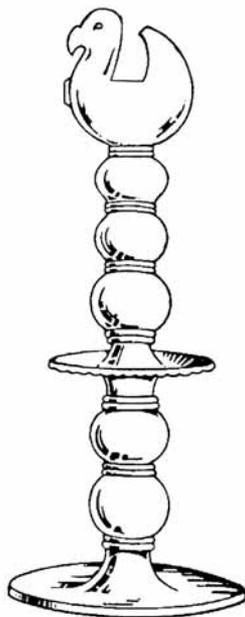
Весной 2009 г. были раскопаны еще несколько гробниц в дополнение к найденным в 2004 г. на территории «Царского некрополя» Гонура. Среди всех вскрытых погребений выделяется один круглый «котлован-мавзолей

диаметром почти 5 м и глубиной около 2 м (№ 3900) (более подробное описание см.: Сарияниди, Дубова, 2010). Судя по всему, в вырытый котлован в древности сверху была сброшена четырехколесная повозка. Рядом с ней поместили тела двух ослов и двух верблюдов, огромный закопченный медно-бронзовый котел емкостью свыше 200 л. Рядом с ними располагается светильник, близко напоминающий собой аналогичный из гробницы № 3200 этого же «царского некрополя», а также из так называемого «кветтского клада», и бронзовая совковая лопата. Последняя удивительно близко напоминает современные изделия того же назначения. Лопата могла служить для разравнивания площадки, где совершалось празднование типа главного у зороастрийцев праздника «Науруз».

Около северной стенки могилы на полу этого круглого «котлована», находился медно-бронзовый предмет, состоящий из семи спаянных между собой пустотелых шаров, возможно, каких-то зороастрийских «символов». Здесь же были похоронены семь убитых рабов (слуг) и семь собак, располагавшихся по периметру котлована в разных позах. Как известно, сам праздник «Науруз» является центральным событием зороастрийского религиозного календаря и отмечается в первый день нового года. По этому поводу М. Бойс замечает: «Именно поэтому он празднуется очень радостно, со множеством красивых обрядов, символизирующих обновление и блаженство <...>, так что возникло семь празднеств в честь семи тво-

Символ власти езидских общин – медное изображение павлина (санджак или таус) (по: Святой Лальш, 2008, с. 11).
Symbol of the power – copper figurine of the peacock (sunjak or tawus) (by: Holi Lalish, 2008, p. 11).

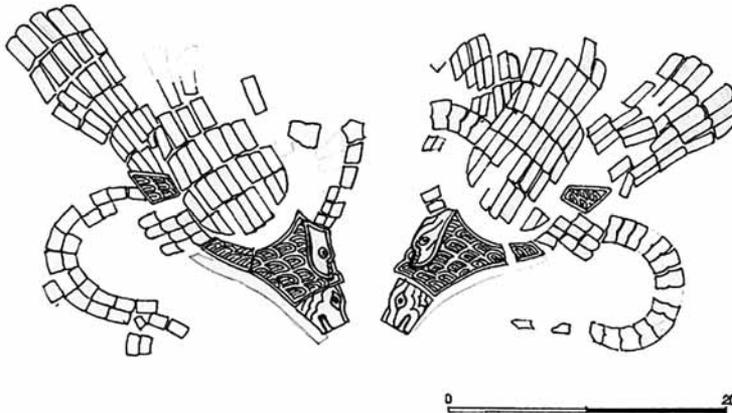
62

рений и покровительствующим им Амэша Спэйтам» (Бойс, 2003, с. 61). По ее же данным, каждая зороастрийская община отмечала эти праздники тем, что утром все прихожане присутствовали на праздничном богослужении, а затем собирались на веселое угощение, где вместе ели пищу, благословленную во время богослужения. На празднества собирались богатые, и бедные – это было время всеобщего расположения; прекращались раздоры, возобновлялись и укреплялись дружеские отношения. Эти семь празднеств в честь Семи божеств считались столь важными, что соблюдение их вменялось в религиозную обязанность верующим» (Бойс, 2003, с. 62). Все сказанное выше о семи праздниках явно напрямую перекликается с семью убитыми рабами, семью убитыми собаками и семью шарами – «символами» веры, о которых говорились выше.

Думается, что рассматриваемый котлован-мавзолей представляет собой не столько мавзолей, сколько собрание инструментария для проведения ритуального праздника типа «Науруз» (главного праздника), который существовал у ранних зороастрийцев. Как известно, этот праздник считается до сих пор наиболее важным у зороастрийцев и отмечается с большой пышностью. О том, что он и в древ-

64

Прорисовка мозаичной композиции из царской гробницы 3880
(худ. И. Максимова).
Drawing of the mosaic composition from the royal sepulchre 3880 (art. I Maksimova).

ности имел глубокое символическое значение и являлся центральным событием года, свидетельствует вышеупомянутый огромный котел, явно рассчитанный не на индивидуальное, а коллективное, общественное назначение. По всей видимости, его использовали для трапез целого рода или общины. В этой связи следует отметить, что число «семь», хотя и имеет магическое, сакральное значение у многих народов мира, в том числе у зороастрийцев, в данном случае оно не случайно, а глубоко символично.

Отметим тот факт, что в этой могиле похоронено значительное число собак – семь, а восьмая находилась у верхнего края могилы, как бы охраняя все, что находилось в ней. И это в то время, когда собака занимала такое высокое место в шкале творений (см. далее). В связи праздником «Науруз» М. Бойс замечает «Каждая зороастрийская община собиралась на веселое угощение, где вместе ели пищу, благословленную во время богослужения праздника “Нового Дня”, который праздновался очень радостно, с множеством красивых обрядов, символизирующих обновление и блаженство» (М. Бойс, 2003). Здесь нельзя не вспомнить интересную цилиндрическую печать, найденную на Тоголок-21, с выгравированной праздничной композицией, где мы видим прыгающего акробата и музыканта, играющего на огромном тамбурине. Не могла ли подобная сцена изображать празднество в честь «Науруза», посвященного «Семи божествам», которое, возможно, проходило на вышеупомянутых «площадях общественных трапез»?

Думается, что рассмотренный котлован-мавзолей №3900 представляет собрание инструментария, необходимого для празднования Науруза, а столь характерное для него число семь было, конечно, не случайным, а глубоко символическим и заслуживает своего осмысления в ближайшем будущем.

КУЛЬТ СОБАКИ

По представлениям современных зороастрийцев, собака – важное существо. Ее смерть, как и смерть человека, обладала высокой оскверняющей силой. Смотреть на мертвую собаку запрещалось. В случае смерти собаки зороастриец обязан был сразу же провести омовение. В Вендивдате прямо говорится, что будет тому, кто убьет собаку: «Пусть ему нанесут тысячу ударов конской плетью» и далее: «Должен понести наказание и тот, кто причинит вред любой другой собаке» (Рак, 1998). Собака одна, а сравнима с семью существами: «у нее характер священника (*атравана*); у нее характер воина; у нее характер скотовода; у нее характер раба; у нее характер вора; у нее характер зверя; у нее характер ребенка; у нее характер потаскухи» (Рак, 1998, с. 288, 289). Не связано ли семь собак, найденных в могиле 3900, с семью перечисленными характерными признаками? Кроме собак, как уже говорилось, в разных местах котлована, но в основном в западной его части, находились скелеты семи молодых людей (возрастом до 35 лет – определение антропологов Н. Дубовой и В. Куфтерина). Поверх человеческих скелетов лежали семь больших собак-алабаев (туркменские овчарки). Останки восьмой, преднамеренно убитой собаки с бесспорно особым образом проломленной головой, находились на самом верху рассматриваемого котлована, у его верхнего края, создавая впечатление собаки-охранительницы всего этого своеобразного котлована-мавзолея.

Судя по археологическим находкам как внутри котлована-мавзолея, так и еще в ряде погребений на территории Се-

верного Гонура, собака занимала почетное, но вместе с тем и двойственное место в верованиях как маргушцев, так и зороастрийцев с самого раннего времени. Собаку не почитали, но считали, что она создана из земли, подобно человеку. Собаку должны были хоронить в саване. Здесь необходимо сказать, что, по свидетельству Н. Дубовой, в одной из царских могил (№ 3210) была обнаружена собака, погребенная в специальной попоне, расшитой гипсовым бисером (Дубова, 2004), что весьма показательно. С одной стороны, к ней относились почти как к человеку, собака приравнивалась к человеку даже как юридическое лицо (Рак, 1997, с. 19). За ее членовредительство и за убийство полагалась едва ли не смерть самого человека. Установлено, что кормление собаки, в том числе ритуальное, имеет в зороастризме большое значение: «пища, данная собаке, предназначается для душ умерших родственников и близких». Точно также общеизвестно, что без собаки не совершалось ни одного погребения умершего зороастрийца (обряд *sagdid*). Но, с другой стороны, к ней относились как к низшему существу. Авеста говорит о собаке: «Угодливая как раб, коварная, как раб... В этом она как раб. Ждущая темноты как вор, промышляющая ночью как вор,

Скелет первой убитой собаки, найденный в верхнем слое могилы 3900.
The skeleton of the first killed dog found on the top of the burial 3900.a

Северозападный угол могилы 3900 с останками собак и людей.
The north-west part of the burial 3900 with dog's and human remains.

вслепую хватающая пищу как вор, ненадежная как вор... Угодливая как потаскуха, коварная как потаскуха... В этом она как потаскуха» (Рак, 1998, с. 289). Иначе говоря, к собакам зороастрийцы относились, как современные индусы к касте «неприкасаемых» – без них не может обойтись ни одно человеческое погребение, в то же время «неприкасаемые» в Индии – одна из низших каст.

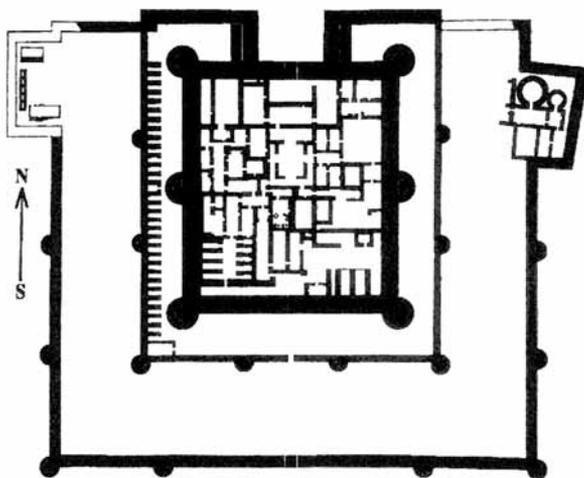
Нельзя не отметить, что кроме погребения собак с «большим уважением» (циста 3600 на западном фесе Северного Гонура и только что упоминавшиеся семь собак в котловане 3900), на «Главном некрополе Гонура» имеются единичные обожженные внутри могилы с захоронениями собак, как бы небрежно брошенных на край могильной ямы. Этот факт лишний раз подтверждает, что такие захоронения не были случайными, а напротив, они глубоко символичны (Сарианиди, 2001).

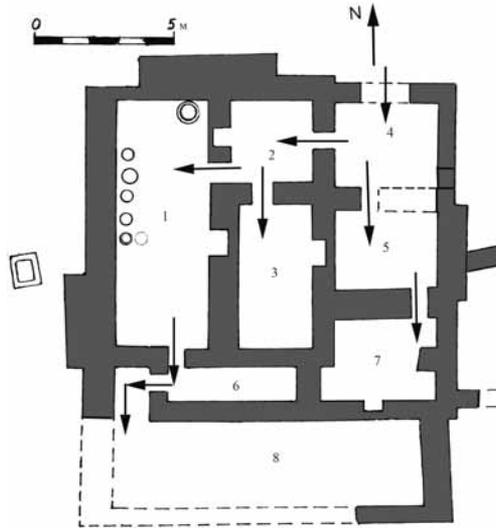
КУЛЬТ СОМЫ-ХАОМЫ

В Индии (в Ригведе) – Сомы, в Иране (в Авесте) – Хаома. Этот тонизирующий напиток пользовался большой популярностью среди древних местных племен. По поверьям древних, такой божественный тонизирующий напиток дает силу и здоровье, исцеляет от недугов. В зороастрийской традиции Сомы-Хаома триединый образ: растение, из которого его изготавливают, божество – персонификация растения, – и алкалоидный напиток. Как показали археологические раскопки у индоиранцев-протозороастрийцев, тонизирующий напиток типа Сомы-Хаома имел исключительно важное значение. Важное значение напиток имел у

План Храма Тоголок-21.
Plan of Togolok-21 Temple.

План Храма Сомы-Хаомы на раскопе 15 Северного Гонура.
Plan of Soma-Haoma temple at the area 15 of North Gonur.

План Храма Сомы-Хаомы Тоголок-1.
Plan of Soma-Haoma temple Togolok 1.

Храм Сомы-Хаомы в Теменосе Гонура (Южного Гонура) (аэрофото Г. Давтяна).
Soma-Haoma temple in Gonur Temenos (South Gonur) (photo by G. Davtian).

народов Центральной Азии (Абдуллаев, 2009). Доказательством этого служат в том числе и несколько храмов, посвященных этому напитку, в Маргиане.

Описание процесса изготовления Сомы-Хаомы и поклонения этому божеству в Авесте и Ригведе показывает, что «среди иранских божеств, вряд ли найдется еще одно, характеристика которого в иранской и индийской традиции совпадала настолько, как это имеет место с авестийской Хаомой и ведической Сомой» (Дрезден, 1977, с. 351).

В этой связи показательно, что из нескольких раскопанных Храмов Маргианы четыре (Северный Гонур, раскоп № 15 на юго-востоке комплекса, теменос южного Гонура, Тоголок-1 и Тоголок-21) использовались для изготовления именно культового напитка наподобие Сомы-Хаомы. Этот факт указывает на то, какое большое значение имело это

растение, и какой популярностью у древних маргушцев пользовался изготавливавшийся на его основе культовый ритуальный напиток (Сарианиди, 2008а).

Тонизирующий сок Сома-Хаома

К сожалению, Авеста сохранила лишь скудные намеки на этот счет, но в Ригведе можно найти много больше данных о том, как приготавливался этот культовый напиток. Растения, из которых готовился тонизирующий сок Сома-Хаома, имели дурной запах и были очень жестким. Поэтому перед изготовлением самого сока веточки алкалоидных растений (эфедра, конопля, мак) надо долго отмачивать в воде, чтобы они набухали и становились более мягкими (определение проф. МГУ Н.Р. Мейер-Меликян – см. Meyer-Melikyan, 1998; Meyer-Melikyan, Avetov, 1998).

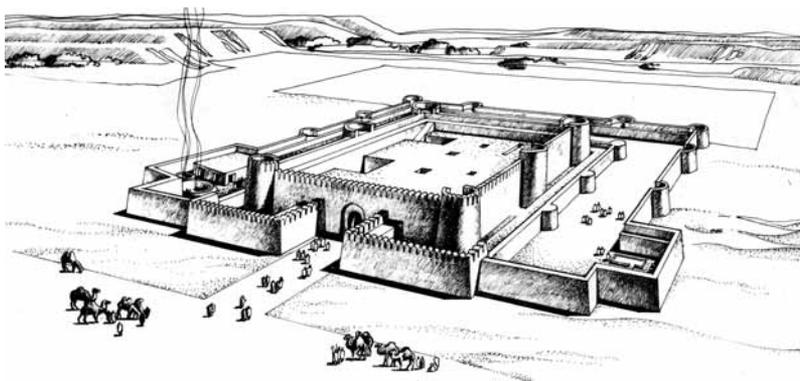
Использование такого процесса подтверждается существованием уже упомянутых чанов, «ванночек», больших конических корчаг, всегда обмазанных изнутри толстым слоем гипса. В результате долгого отмачивания упомянутых растений в керамической посуде, гипсовая обмазка часто трескалась, крошилась, так что приходилось делать все новые ремонтные обмазки. Благодаря таким повторным гипсовым обмазкам, между отдельными слоями сохранились как бы «законсервировались» зерна алкалоидных растений, которые и были определены как конопля и эфедра на месте, в поле проф. Н.Р. Мейер-Меликян. После отмачивания, на специальных давяльных камнях (с плос-

Давильный камень с Гонура.
Stone press from Gonur.

кими, с полусферическим выступом в центре, встречаемыми в теменосе Гонура), из этих растений выдавливали сам алкалоидный сок. Важнейшим моментом ритуала было очищение полученного сока Сомы-Хаомы от сухих стеблей. Для этого сок процеживали через специальную

Храм Тоголок-21 (реконструкция).
Togolok-21 temple (reconstruction).

цедилку (своеобразное сито со сквозными отверстиями на дне), прикрытую куском овечьей шерсти. В теменосе Гонура в одном помещении было обнаружено около десяти таких целых и частично целых сосудов, предназначенных для отцеживания, полученного сока от сухих стеблей (Сарианиди, 2008а, рис. 200). Такие воронки-ситечки, нередко сделанные из серебра и даже золота, найдены многократно в аристократических могилах.

Полученный сок смешивался с водой, молоком (в том числе кислым) и ячменным зерном, в результате чего начинался процесс его брожения. Следует отметить, что приготовление напитка занимало большой срок, примерно несколько недель, если не месяцев. Процесс отмачивания растений происходил в специальных, т.н. «белых комнатах», раскопанных, например, в теменосе Гонура и много меньше в руинах Храмах Тоголок-1 и 21. Там же были найдены «керамические подставки», которые устанавливались над маленькими сосудиками, куда сцеживался готовый сок. Так, в храмах Маргианы впервые в археологической практике был обнаружен полный набор инструментария для изготовления сока типа Сомы-Хаомы (каменные терки и давяльные камни, ситечки и др.).

Столь же показательны, что при археологических раскопках во всех этих Храмах Маргианы (и более ни на од-

ном другом памятнике в системе Центральной Азии!) были встречены полные наборы инструментария, необходимого для изготовления сока типа Сома-Хаома.

Общеизвестен факт, что культ Сомы – Хаомы и обычай его ритуального употребления связывается исследователями с индоевропейской общностью. Именно здесь, в переднеазиатском центре распространены культовые сосуды со скульптурными фигурками по венчику, костяные трубочки с лицевыми изображениями, так что имеются специалисты, которые полагают, что сначала Заратустра резко отвергал культ сомы-хаомы (этого «омерзительного питья»), но, в конце концов, перед угрозой потерять своих адептов, он был вынужден признать его употребление. Правда, другие специалисты считают, что культы и обряды, посвященные Хаоме, не преследовались никогда. Согласно Авесте и Ригведе, растение Сома-Хаома растет в предгорьях, куда, судя по всему, маргушцы устраивали специальные экспедиции. В настоящее время существует много версий по поводу того, из какого конкретно растения выжимали сок для приготовления ритуального напитка. Проф. МГУ им. М.В. Ломоносова Н.Р. Мейер-Меликян, проведя анализы серии образцов из теменоса Гонура и особенно Тоголок-1 и Тоголок-21, вполне определенно доказала, что маргушцы готовили это культовое питье в основном из эфедры и конопли (Мейер-Меликян, 1990; Meyer-Melikyán, 1998; Meyer-Melikyán, Avetov, 1998).

Очевидно, есть все основания считать, что пришлые племена еще до своего прихода в страну Маргуш, были уже знакомы с культовым, тонизирующим соком типа Сома-Хаома, который они затем использовали на своей новой родине, прибыв в Маргиану.

Питье типа Сомы-Хаомы было отлично от обычного, бытового пьянства. Этот напиток чаще всего употреблялся для культовых, ритуальных, прежде всего тонизирующих целей. Археологическим подтверждением этой мысли служат многочисленные каменные амулеты с изображением алкалоидных растений типа мака, эфедры и конопли в Бактрии

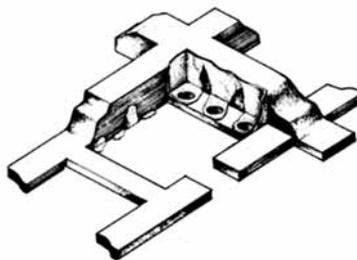

и Маргиане, а также такие, где выгравированы персонажи, пьющие какое-то питье из длинных трубочек. Чаще всего такие предметы встречаются в сиро-анатолийском регионе. Две такие медные трубочки с мелкими отверстиями на глухом конце и длиной около 40 см были найдены среди погребальных приношений в могилах «главного некрополя Гонура». По всей видимости, они употреблялись для культового питья тонизирующего сока типа сока Сомы-Хаома. В храмах Сомы-Хаомы обнаружены и костяные трубочки с выгравированными личинами для питья самого сока, не оставляя никаких сомнений в связи этих предметов между собой, а всех вместе с культом Сомы-Хаомы этого растения и напитка.

Храмы, посвященные Соме-Хаоме

На восточной окраине города Гонура, за «обводной стеной» на раскопе № 15, был обнаружен небольшой храмик Сомы-Хаомы – самый ранний из всех известных, в котором, производился тонизирующий напиток. О производстве в этом храме (и других подобных) напитка свидетельствует присутствие в нем хумов, обмазанных изнутри толстым слоем гипса, чтобы воспрепятствовать просачиванию приготовляемой жидкости сквозь стенки. На полу центрального помещения храма стоят вкопанные в ряд пять больших пифосов, густо обмазанных изнутри толстым слоем белой гипсовой обмазки. Подобная ситуация была отмечена в теменосе Гонура, где было найдено более 30 помещений, в которых имеются пифосы, своеобразные «ванночки» и чаны, также обмазанных изнутри толстым слоем гипса.

Несколько позже основания Северного Гонура, рядом с ним был построен так называемый «теменос Гонура», который был полностью свя-

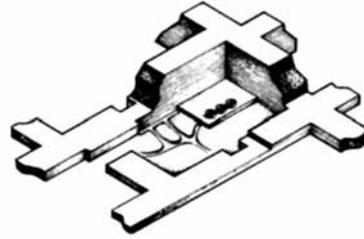

Белая комната, где стены и пол покрыты гипсом в Теменосе Гонура.
"White room" which walls and floor were covered by gypsum in Gonur Temenenos.

зан с изготовлением тонизирующего напитка типа Сом-Хаома. Там были раскопаны специальные помещения, связанные с подготовительными процессами по изготовлению этого питья. Сам процесс приготовления проходил в так называемых «белых комнатах», где археологическими раскопками были расчищены три сосуда, вкопанные в небольшую и невысокую кирпичную платформочку, густо обмазанную сверху толстой гипсовой обмазкой.

Белая комната, где стены и пол покрыты гипсом в Тоголок-1.
"White room" which walls and floor were covered by gypsum in Togolok-1.

Рядом с «белой комнатой» в теменосе Гонура имеется обширное помещение № 5. На его полу и на пристенных лежанках было обнаружено около десятка целых и фрагментированных конических сосудов с отверстиями в центре дна. Прикрытые куском овечьей шерсти они в наилучшей степени служили своеобразными фильтрами, для отцеживания полученного сока Сом-Хаома от сухих обломков стеблей алкалоидных растений (эфедра, конопля, мак и др.).

В Тоголокском ирригационном оазисе были раскопаны два храма, связанные с изготовлением сока Сом-Хаома – Тоголок-1 и Тоголок-21. Огромный и величественный Храм Тоголок-21 типа «кафедрального собора» состоит из центральной «крепости», застроенной внутри помещениями, связанными исключительно с процессом изготовления сока типа Сом-Хаома. Вся планировка центральной «крепости» рядом узких, длинных помещений делится на две половины, в центре которых располагается обширный «двор», в окружении больших, преимущественно прямоугольных коридоров («двор в обводе коридоров»). Среди них выделяется святилище с невысоким подиумом Т-образной конфигурации, сплошь покрытым белоснежной гипсовой обмазкой. На полу этого святилища впервые была найдена так называемая «миниатюрная колонка» с крыш-

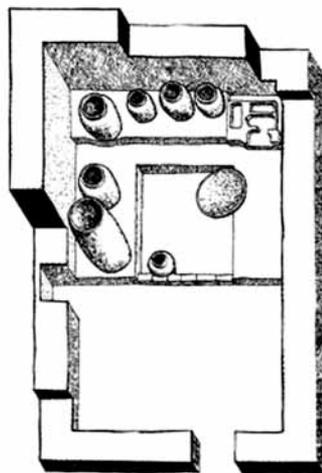

кой, а также тщательно заполированная бычья головка, служившая навершием ритуальной булавы или жезла.

Рядом, в центре второй половины «крепости» располагается «белая комната» с глубоко вкопанными в материк пифосами, обмазанные изнутри толстым слоем белого гипса. Рядом, с восточной стороны устроены миниатюрные «ванночки», также связанные с процессом изготовления тонизирующего сока. Следует отметить, что в юго-западной части той же «крепости» находится небольшой «комплекс келий» с «колодцем» в середине не совсем ясного назначения.

Вышеописанная «крепость» вписана внутрь прямоугольного каре стен, которая имеет вдоль западной стены свыше 30 узких келий, причем на полах некоторых из них сохранились органические остатки, напоминающие собой плохо сохранившиеся кошмы желтого цвета.

Если Тоголок-21 выступает перед нами как своеобразный величественный «кафедральный собор», то следующий храм Тоголок-1, расположенный в одном километре от описанного, рядом с огромным столичным поселением Тоголок-1, представляет собой небольшой «сельский храмик», рассчитанный для нужд этого поселения. В центре рассматриваемого «сельского храма» Тоголок-1 помещена почти квадратная «крепость», а рядом – огромный двор, обнесенный крепостной стеной с боевыми башнями (Сарианиди, 1998, рис. 51). Внутри «крепости» располагаются большие, подпрямоугольные помещения с центральным «двором в обводе коридоров» (пом. № 59), соединенным с ним сквозными проходами. Ря-

Белая комната, где стены и пол покрыты гипсом в Тоголок-21.
"White room" which walls and floor were covered by gypsum in Togolok-21.

дом с востока находится прямоугольной формы помещение № 9 с пристенной кирпичной платформочкой, с вкопанными в нее тремя небольшими сосудами, обмазанными изнутри толстым слоем белого гипса. Есть все основания предполагать, что здесь находилась небольшая «белая комната», где и происходил процесс производства тонизирующего питья типа Сомы-Хаома.

В связи с этим, кстати будет отметить, что близкую картину еще раньше обнаружили французские археологи при раскопках дворца в Мари (Сирия), где, по всей видимости, также изготавливали сок типа Сомы-Хаомы: на платформе находились 4 ямочки, обмазанные битумом (Parrot, 1967.

Сводная таблица инструментария для изготовления культового напитка Сомы-Хаомы и семена конопли, найденные в обмазке сосудов.

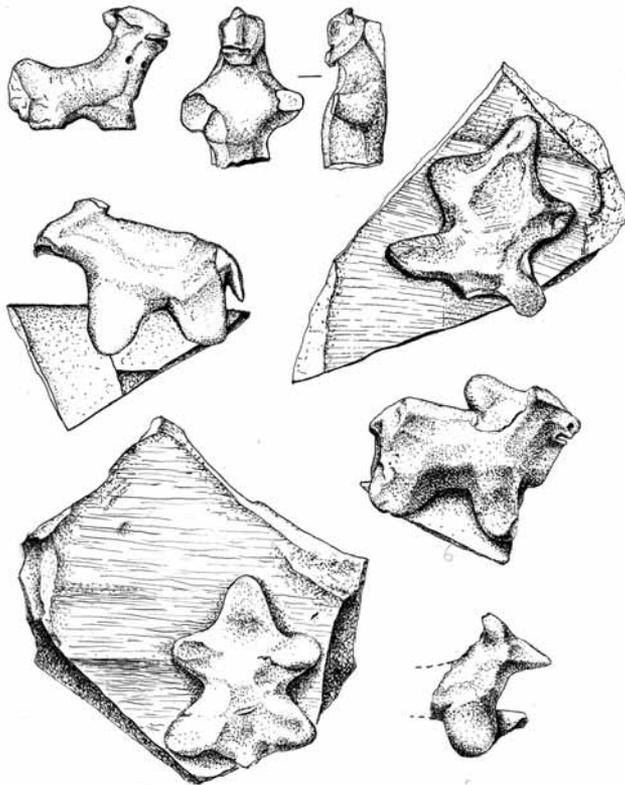
Instruments for Soma-Haoma production and hemp seeds found in the vessel's plaster.

Fig. 12) – точно также, как это было отмечено в «белых комнатах» Тоголок-1 и 21 где они вместо битума были обмазаны изнутри белоснежным гипсом.

Культовые сосуды

Керамика – массовый тип археологических находок. Но среди керамических изделий встречаются сосуды индивидуальных форм, которые резко отличаются от всех остальных. Так, среди погребальной керамики Гонура резко выделяется сосуд в виде полого круга типа «бублика» с выделенным горлом, поддоном и ручкой. Этот сосуд известен в единственном экземпляре не только в Маргиане, но и во

Налепные фигурки от культовых сосудов из храма Тоголок-21.
Stuck on figurines from the cult vessels from Togolok-21.

Сосуд в виде «бублика»
с Гонур Депе.
*Vessel in a form
of "a donut" from Gonur Depe.*

Сосуды из некрополя Гонура,
напоминающие аналогичные
(но с ручками) из Анатолии.
*Vessels from Gonur necropolis like the
same from Anatolia.*

всей Центральной Азии, что явно не случайно. Точно такая форма хорошо известна среди культовых сосудов Анатолии 2500-2000 гг. до н.э. Исключительный интерес представляет другой подобный сосуд, происходящий из Сирии и относящийся к 3500-3300 гг. до н.э., который, по вполне справедливому мнению Е. Стромменгер, уникален и возможно использовался для возлияний во время культовых церемоний (Strommenger, 1985, p. 114, fig. 33). Возможно не случайно, точно такие же сосуды встречаются в Кикладах и в соседнем Египте. Среди индивидуальных форм сосудов следует упомянуть находку в некрополе Гонура четырех небольших кубков с фигурными венчиками в виде гофров, «оттянутых» наружу, которые близко напоминают аналогичные (но с ручками) из той же Анатолии, как, например, из Канеша и Алишара, где они достаточно часты в могилах.

Но в Маргиане были найдены и другие сосуды, которые использовались для культового питья. Как теперь становится понятно, готовый сок разливался в культовые сосуды со скульптурными фризами по венчику, которые состояли из фигурок людей, животных и птиц. Центральное место среди скульптурок занимает пара людей. Одна фигурка – явно мужская – держит в объятиях младенца, в то время как вторая фигура стоит в приниженной позе, с опущенной головой и заведенными за спину руками. Эта композиция,

возможно, напоминает миф, имеющийся в Ригведе, где Бог грома забирает у своей жены их общего младенца, которого затем поднимает на небо и делает его богом Сомы-Хаомы. Внутри одного такого культового сосуда со скульптурным фризом по венчику, происходящему из Храма Тоголок-1, находилось пять миниатюрных сосудиков, в которые разливался сам сок.

Второй тип культовых сосудов, также использовавшийся в возлияниях, составляют такие, у которых имеются трубчатые сливы, оформленные в виде рогатых бычьих или коровьих голов с наклепными миндалевидными глазами и изогнутыми рогами. Такие сосуды, как по технике изготовления, так и по общему стилю удивительно близко напоминают аналогичные, происходящие из Малой Азии. Большая их часть украшена рисунком в виде центрального дерева с парой козлов, стоящих (иногда на задних ногах) по бокам этого дерева. На некоторых из таких сосудов, как было уже отмечено, внутри имеются наклепные лягушки, между которыми извиваются змеи, выползающие на бортик сосуда.

По зороастрийским поверьям, посреди мирового океана Ворукаша растет дерево бессмертия, мировое дерево или «Древо всех семян» – Хаома. Согласно мифу, лягушки и предположительно пресмыкающиеся подбираются к корням этого дерева с целью обглодать его корни. Сторожить Хаому от дэвовских исчадий – лягушек и, по-видимому, от

Керамические подставки
с Северного Гонура.
*Ceramic stands
from the North Gonur.*

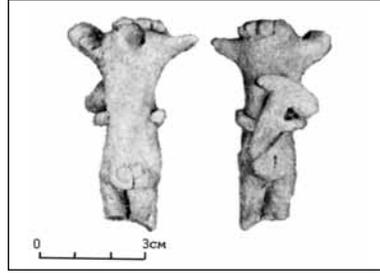

Культовый сосуд из верхнего слоя
некрополя Гонура.
*Cult vessel from the upper layer of the
Gonur necropolis.*

Культовые сосуды из погр. 2538
некрополя Гонура.
*Cult vessels from the tomb 2538
of the Gonur necropolis.*

Скульптурка бога-громовержца
от бактрийского культового сосуда.
*Figurine of Thunder God
from the Bactrian cult vessel.*

других пресмыкающихся и рептилий должна была рыба Кара. При раскопках храмов Сомы-Хаомы были найдены культовые сосуды средних размеров всегда с одной композицией: в центре композиции процарапано «мирового дерева», по обеим сторонам которого помещены два наlepные козла (нередко стоящие на задних ногах). Кстати отметить, что козлы, предстоящие на задних ногах по бокам «мирового дерева», достаточно широко представлены в искусстве древней Сирии (Parrot, 2006). В этой связи в высшей степени показательно, что внутри таких маргушских культовых сосудов встречаются наlepные фигурки распластанных лягушек и рыб, возможно, изображающие авестийскую рыбу Кару (Сарианиди, 1990, с. 34, № 7, 10).

Оба вышеописанных типа культовых сосуда употреблялись при различных культовых обрядах, но, как кажется, всегда связанных с тонизирующим питьем сока Сомы-Хаома. В этой связи следует отметить, что только на Северном Гонуре были встречены отдельно стоящие пифосы, обмазанные внутри толстым слоем гипса. Позднее такая практика прекращается, и на смену приходят храмовые сооружения типа Тоголок-1, 21 и теменос Гонура. Встает закономерный вопрос: не связано ли с этим то обстоятельством, что сок Сомы-Хаомы первоначально маргушцы изготавливали в отдельно расположенных хумах, обмазанных изнутри гипсом, и только потом перешли к его централизованному из-

Фрагменты культового сосуда с фигурками лягушек
и змей из храма Тоголок-21.
*Fragments of the cult vessel with frogs and serpents figurines
from the Togolok-21 Temple.*

готовлению в небольших храмах исключительно для нужд жрецов, а не для всех маргушцев, что указывает на вышеупомянутый запрет на практику бытового пьянства.

В настоящее время подобного рода культовые сосуды в Передней Азии не известны, хотя при раскопках в Алалахе были найдены фрагменты, по-видимому, подобной посуды, на венчике которой имеется сохранившаяся наклепная фигурка отдыхающего льва и ползущая к венчику сосуда змея (Woolley, 1955, Pl. LVII C, LVII F), точно напоминая аналогичные маргианские.

Саки-хаумоварга

В ахеменидских надписях саками называются все скифы, среди которых выделяются саки – хаумоварга (букв. – чтущие или изготавливающие Сому-Хаому). По-гречески эти же скифы называются еще амюргийскими, как это показали в свое время акад. В. Струве и М. Дандамаев. Они предположили, что эти саки обитали в древней дельте Мургаба и находились в тесных контактах с маргушцами. Подтверждением этого мнения служит лепная, нередко валиковая орнаментированная керамика, всегда встреченная в помещениях, связанных с изготовлением Сомы-Хаомы (например, в башенном комплексе теменоса Гонура). Имеются веские основания предполагать, что амюргийские саки, если и приходят в контакт с древними маргушцами, то не

раннее середины – второй половины II тыс. до н.э. Причем эти контакты, скорее всего, в основном ограничиваются торговыми связями, связанными с распространением тонизирующего напитка типа Сома-Хаома. Единичные поселения саков располагаются в окрестностях Гонура и мы можем только представить себе, с какой завистью кочевники, жившие в землянках, смотрели на высокие монументальные здания столичного Гонура.

В этом отношении показателен только что упомянутый т.н. «башенный комплекс» теменоса Гонура, который относится к самому позднему периоду существования этого памятника (Сарианиди, 1989, рис. 11). В одном из помещений, на полу «башенного комплекса» находился почти целый пифос, три каменные терки, половинка «миниатюрной колонки», а на самом полу – целый лепной сосуд андроновского типа и костяная трубочка с выгравированным лицевым изображением (подробнее см.: Сарианиди, 1989). Судя по всему, амюргийские саки проживали на востоке Средней Азии, так что прослеживаемые фонетические особенности их языка говорят, что они находились неподалеку от древней р. Мургаб. Кроме того, Геродот и Ктесий, упоминают амюргийцев вместе с бактрийцами, т.е. неподалеку от Маргианы.

Хотя акад. Б. Литвинский, а вслед за ним И. Пьянков в этой связи замечают, что хотя «трудно определить соотношение “амюргийских скифов” и “саков”», они все же отмечают, что «саки были первыми из скифских племен, с которыми столкнулись персы». В заключение своего исследования авторы приходят к выводу, что саки *Naumavarga* – это и есть *Amurgioi* греческих авторов, и действительно они обитали на востоке Средней Азии (Литвинский, 1960, с. 91-97; Пьянков, 1968, с. 14-16), скорее всего на берегах древнего Мургаба (Cattani, 2004, р. 303-347). В таком случае, очевидно, кочевники принимали активное участие в древней истории Маргианы, но это было на ее позднем этапе, где - то, во второй половине II тыс. до н.э., но не раньше.

ПЕЧАТИ И АМУЛЕТЫ БАКТРИИ И МАРГИАНЫ

Глиптика и сфрагистика страны Маргуш и Бактрии занимают чрезвычайно важное место в системе Передней Азии (Сарианиди, 1998). Особо обращают на себя внимание каменные амулеты, на которых изображены различные животные (в том числе фантастические). На них часто изображены мирные змеи или наоборот злобные змеиные драконы с головами, всегда тянущимся к задним ногам птиц и животных. По мнению такого крупного специалиста как П. Амье, подобный ярко выраженный «фаллический символизм» отражает идею похищения «живительного семени», от чего зависело продолжение жизни на земле. Глиптика Бактрии и Маргианы буквально пронизана композициями, где реальные змеи и фантастические змеиные драконы находятся в противоборствующей позиции за право обладания «живительным семенем».

Эта генеральная тема сотнями, если не тысячами образцов тиражировалась на все новых экземплярах глиптики и в меньшем количестве на каменных амулетах и медно-бронзовых печатях. Змеиные драконы изображаются с широко раскрытыми пастью, зло вытаращенными глазами, нередко с крыльями и рогом на носу. Их взаимная борьба олицетворяет собой генеральную идею борьбы добрых и злых сил, или иначе борьбу Добра и Зла, что является, как мы знаем, основополагающей идеей в дуалистической концепции зороастрийской философии. Особенно часто как в Бактрии, так и в Маргиане встречаются амулеты с выгравированными композициями, где по обеим сторонам центрального дерева

1.2.

2.

3.

8.

9.

10.

11.

12.

13.

14.

15.

16.2.

17.

18.2.

19.

20.

1549.

1550.

96

Печати, амулеты Бактрии и Маргианы и их оттиски. Сидящие фигуры.
 Здесь и далее, если не указано специально, все номера печатей соответствуют
 таковым в книге Sarianidi, 1998 (до № 1340 – Бактрия, остальные – Маргиана).
Bactria and Margiana seals, amulets and their prints. Sitting figures.
 Here and than, if it's not mention specially, all numbers are the same as in the book:
Sarianidi, 1998 (up to #1340 – from Bactria, other – from Margiana).

предстоят рогатые козлы, иногда стоящие на задних ногах, которые часто изображаются на керамике (см. выше).

Следует сразу же отметить, что в целом глиптика и сфрагистика Бактрии и Маргианы несет на себе сильное сиро-хеттское влияние, чему была посвящена специальная статья (Сарианиди, 1999). Среди большой коллекции древних печатей и амулетов из Бактрии и Маргианы выделяется вышеупомянутая цилиндрическая печать, происходящая из могилы с поселения Тоголок-1. На ней глубокой, сочной резьбой выгравирована целая праздничная композиция, персонажами которой являются люди с обезьянь-

Печати, амулеты Бактрии и Маргианы и их оттиски.

Двуглавый бог (№ 22.1). Боги-драконоборцы.

*Bactria and Margiana seals, amulets and their prints. Two-headed divine (№ 22.1).
Divines-dragon-fighters.*

58.2.

61.

62.

Gomul Area 3 room 48

63.I.

66.

1785.I.

917.I.

Печати, амулеты Бактрии и Маргианы и их оттиски.

Коленопреклоненные фигуры.

Bactria and Margiana seals, amulets and their prints. Figures on the knees.

ими головами (кроме одного, имеющего бычью голову). В центре этой композиции два персонажа вдвоем держат шест, через который прыгает акробат, а сзади него прямо на земле сидит и играет на огромном тамбурине музыкант. В верхней части этой же печати изображено божество с двумя жезлами, украшенными шарами, которые символизируют собой идею «стабильности» (более подробно см.: Sarianidi, 1998). Перед ним показана убегающая собака, а более вероятно волк. Особенно показательно, что такие композиции, состоящие из пары сидящих (реже стоящих на задних ногах) козлов, между которыми располагается центральное дерево, или пары людей, держащих в руках жезлы с шарами, особенно часто встречается в сиро-хеттской глиптике (Schaeffer-Forrer, 1983, Pl. XXXIV, N 12, 14,

224.I

225.

265.I.

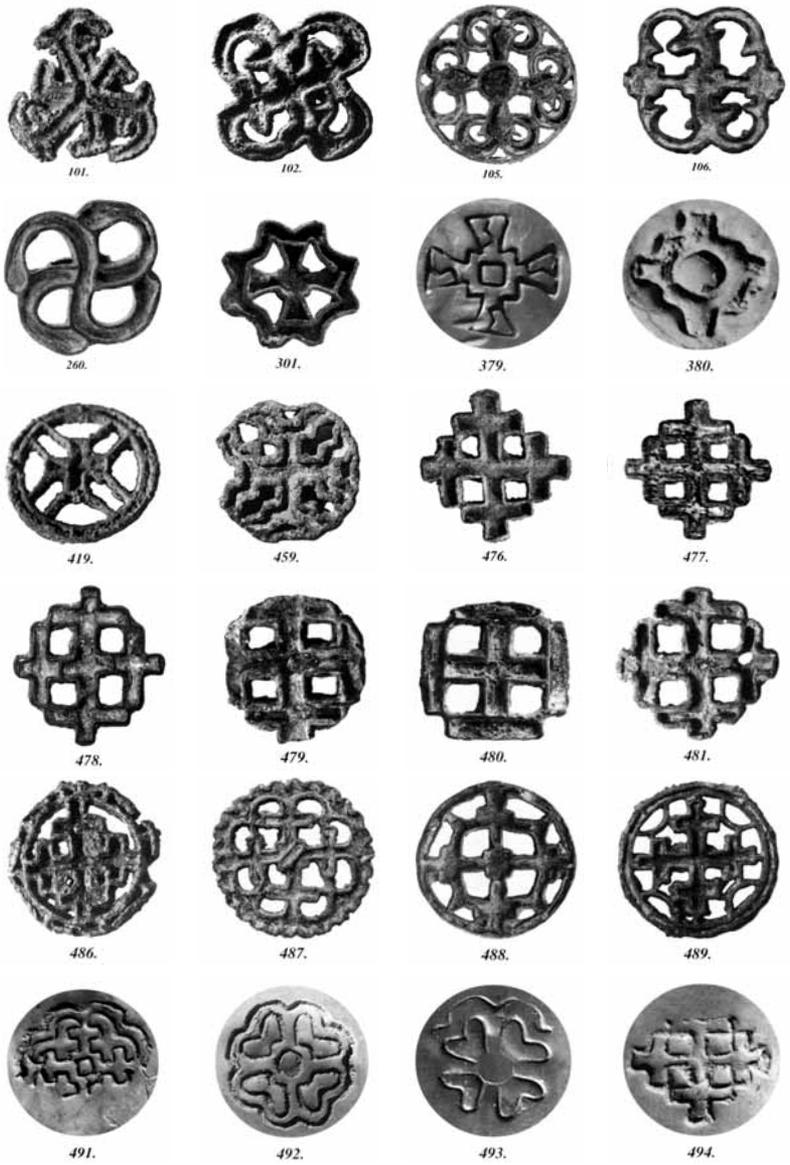
266.

Печати, амулеты Бактрии и Маргианы и их оттиски.

«Сфинкс». Змей с головой человека.

Bactria and Margiana seals, amulets and their prints. "Sphinx". Snake with human head.

Печати, амулеты Бактрии и Маргианы и их оттиски.
 Изображения крестов.
*Bactria and Margiana seals, amulets and their prints.
 Crest images.*

Печати, амулеты Бактрии и Маргианы и их оттиски. Изображения крестов.
Bactria and Margiana seals, amulets and their prints. Crest images.

15; Contenau, 1922, Pl. XXX, N 201, 205, Pl. XXXIV N 240, 241, Pl. XXXVII), что явно не случайно.

В литературе уже было отмечено, что антропоморфные персонажи с головами животных составляют характерную черту сиро-хеттского искусства, также как божества с птичьими головами были широко распространены в искусстве Маргианы и Бактрии. Только волк (или собака) маргианского цилиндра находит свои местные, прототипы, остальные же изображения обнаруживают далекие, но вполне четкие сиро-хеттские аналогии. Необходимо подчеркнуть, что «жезлы с шарами» (Порада, Франкфорт), являются митаннийскими эмблемами, а Б. Брентъес вообще высказал

63.2.

230.

905.2.

906.2.

924.2.

925.2.

926.2.

1622.2.

930.1.

930.2.

941.1.

949.1.

949.2.

950.1.

962.2.

964.1.

965.1.

966.1.

967.1.

990.2.

1067.2.

1068.1.

1073.1.

1073.2.

Печати, амулеты Бактрии и Маргианы и их оттиски. Животные и змеи,
 стремящиеся к обладанию живительным семенем.
*Bactria and Margiana seals, amulets and their prints. Animals and snakes,
 aspiring to possession by a vivifying seed.*

1098.2.

1237.

1238.1.

1238.2.

1616.2.

1625.2.

1627.1.

1628.1.

1628.2.

1631.3.

1635.2.

1635.4.

1640.1.

1642.1.

1642.4.

1643.3.

Печати, амулеты Бактрии и Маргианы и их оттиски. Животные и змеи, стремящиеся к обладанию живительным семенем.
Bactria and Margiana seals, amulets and their prints. Animals and snakes, aspiring to possession by a vivifying seed.

идею о связи «бактрийских бронз» с митаннийским стилем в искусстве. В этом отношении необходимо отметить, что в сирийско-митаннийско-анатолийской глиптике весьма широко распространен вышеупомянутый мотив маргианской посуды с однотипной композицией: пара козлов, стоящие по бокам «Мирового Дерева» (Schaeffer-Forrer, 1983, PL. XXVI). Иногда это – сидящие фигуры (Schaeffer-Forrer, 1983, p. 49), реже стоящие (Schaeffer-Forrer, 1983, p. 59). Сходство настолько очевидное, что не оставляет сомнений в близости маргианской печати с аналогичными митаннийскими изображениями.

888.3.

966.2.

998.2.

1017.1.

1017.2.

1018.1.

1019.1.

1019.2.

1020.1.

1021.1.

1022.1.

1023.1.

1036.1.

1050.2.

1104.2.

1122.1.

1124.1

1126.1.

1152.1.

1181.1.

1182.2.

1182.3.

1340.2.

1659.2.

Печати, амулеты Бактрии и Маргианы и их оттиски.
 Изображения предположительно алкалоидных растений.
Bactria and Margiana seals, amulets and their prints.
Images of presumably alkaloid plants.

Печати, амулеты Бактрии и Маргианы и их оттиски.

Изображения предположительно алкалоидных растений.

Bactria and Margiana seals, amulets and their prints. Images of presumably alkaloid plants.

На цилиндрических печатях этого региона достаточно часто встречаются композиции, на которых пара сидящих человек держит вместе один жезл с пятью шарами (Schaeffer-Forrer, 1983, p. 142, 152, 156). Кроме того, известны единичные бактрийские печати, на которых имеются коленопреклоненные персонажи, птичьи головы которых украшены зубчатыми гребешками, одна рука опущена вниз, а другая поднята вверх. Они изображаются всегда в сопровождение извивающихся змей. Бесспорно, что арийцы Митанни сыграли важную роль в бактрийско-маргианском искусстве, что находит свое подтверждение на примере вышерассмотренного маргианского цилиндра.

Среди сиро-хеттских композиций выделяются также каменные изображения коленопреклоненных фигур, причем одно колено у них всегда согнуто и выставлено вверх (Schaeffer-Forrer, 1983, p. 31 i, k, m), что до определенной степени напоминает каменные индийские статуэтки с поднятым вверх коленом. К сказанному следует добавить антропоморфные

божества с крыльями вместо рук или в окружении хищных птиц и животных, составляющих бактрийско-маргианский пантеон и, вместе с тем, напоминающие сиро-анаатолийские божества. Заклячая обзор печатей и амулетов Бактрии следует обратить особое внимание на одну из них происходящую из грабительских раскопок в Афганистане, на которой коленапроклоненный человек с птичьей головой хищной птицы, по-хозяйски, держит за хвосты семь крылатых драконов, находящихся в явно подчиненном к нему положении (Сарианиди 1998). Думается такая печать с подобной композицией отражает сложные отношения, которые существовали между миром людей и злобными потусторонними силами.

Кэрсаспа

Среди маргианских и особенно бактрийских амулетов выделяется небольшая группа с изображением одного и того же персонажа. Он очень сильно напоминает героя древнеиранского эпоса – Кэрсаспу, которого М. Бойс характеризует

Изображения Кэрсаспы на печатях и амулетах Бактрии и Маргианы.
Kersaspa images on the Bactria and Margiana seals and amulets.

так: «у него торчащие, изогнутые волосы, свирепый звериный вид» (Воусе, 1989, с. 97). На редких маргущских и бактрийских амулетах, имеются однотипные рисунки Кэрэсасы, где он показан с характерно убранными волосами, разделенные на две изогнутые пряди. Кэрэсаспа имеет длинные бакенбарды и по-звериному зло вытаращенные глаза. Тот факт, что такие амулеты Кэрэсасы имеются как в Бактрии, так и в Маргиане, указывает на распространение древних эпических сказаний о нем в обеих этих исторических областях. Он прославляется в Авесте, как «величайший герой», который побеждает многочисленных врагов рода человеческого (в том числе таких больших как лошади). В высшей степени показательно, что такие персонажи с волосами на голове разделенные на две пряди распространены были как в Бактрии, так и в Маргиане, что указывает на широкое распространение этого образа в этих двух исторических областях, что лишней раз подтверждает факт близкого родства и тесных связей бактрийских и маргианских племен.

Навершие головы быка от булавы

Выше уже было отмечено, что при археологических раскопках Храма Тоголок-21 на полу пом. № 32 была найдена мраморная головка быка с несохранившимися вставными рогами, сделанными предположительно из другого камня (лазурит, сердолик) или даже из золота. В месте облома по линии шеи головка заполирована до блеска, а сбоку по кра-

ям имеются три сквозных отверстия для крепления этого навершия на ручке-основе. В этой связи следует отметить, точно такого рода булавы употребляются до настоящего времени современными зороастрийскими жрецами при посвящении молодых людей в зороастрийскую религию (Бойс 2003, с. 288).

96

Навершие булавы в виде головы быка из Храма Тоголок-21.
Mace-head in a form of bull's head from Togolok-21.

КУЛЬТ ЖИВОТНЫХ. РИТУАЛЬНЫЕ ЗАХОРОЩЕНИЯ ЖИВОТНЫХ

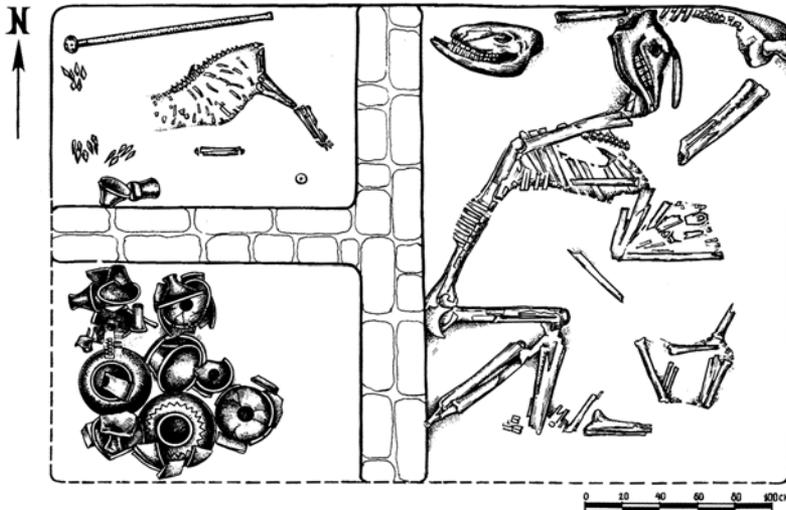
Археологические раскопки в Маргиане показывают наличие захоронений различных домашних животных, молодых особей лошадей, молодых баранов, коз, собак. На Гонуре зафиксировано два их типа. Первый – погребения животных, которым придана человеческая поза (на правом боку, скорченно с согнутыми конечностями, головой на север), все имеют погребальные приношения (подробнее см.: Сарияниди и Дубова, 2007, 2008; Дубова, 2008; Сатаев, 2008, 2008а). Другой тип представляют собой захоронения баранов, козлов, собак, телят, лошадей в ногах покойника или в непосредственной близости от цисты, но в отдельной могильной яме. По данным Н. Дубовой, практически почти во всех могилах, где основным погребенным являются животные, всегда имеется один-два сосуда, которые содержат остатки погребальной пищи. Почти 90% из таких захоронений составляют погребения молодых баранов, что с бесспорностью указывает на то, какую большую роль они играли в хозяйстве и местном обществе. В этом отношении нелишне вспомнить, что согласно легендарным сведениям, когда Заратуштра был младенцем, его злые враги (и в первую очередь завистники и жрецы) приказывают ему подбросить в волчью нору убитых ими детенышей-волчат. Но в этот момент с гор спустились овцы и дали младенцу в рот соски вымени полного молока (в другом варианте волки уголяют свой голод овцами), и тем самым они невольно спасают Заратуштру.

Особое место среди захоронений животных занимает «погребение агнца» (Sarianidi, 1996, p. 33-48), совершенное на Северном Гонуре в пору финальной бронзы и почти полного запустения этого памятника. Также весьма показательное коллективное ритуальное погребение было найдено на юго-западной оконечности Северного Гонура, за пределами «обводной стены». В три прямоугольные кирпичные, специально построенные для этой цели камеры были заботливо уложены три барана (подробное описание см.: Сарианиди, Дубова, 2008. Приложение). На небольшом возвышении рядом с берегом одной из протоков Мургаба был выкопан специальный котлован, в котором сделаны две перегородки, делящие его на три прямоугольные камеры, в каждую из которых был уложен один молодой баран. В оставшемся в котловане пространстве с юга, перед заложеными «всухую» входами в первые две камеры, было устроено погребение осла.

В северной стене каждой гробницы сохранились «сервизные шкафчики», в которых находились по 3-4 целых

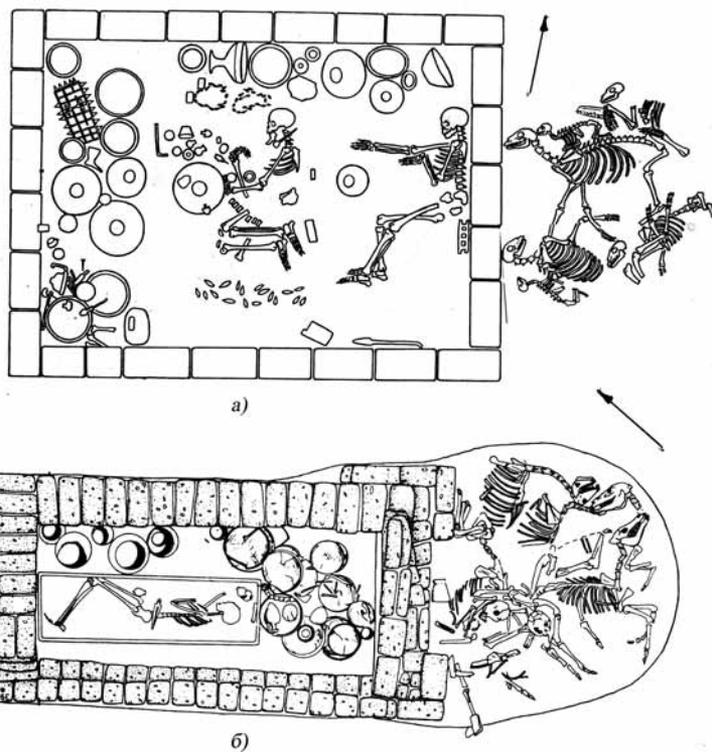

План «погребения агнца» на Северном Гонуре.
Plan of the lamb burial at North Gonur.

сосуда, а рядом на полу каждой из камер располагалось более 10 гончарных сосудов. Внутри каждой камеры устроено возвышение (или выстилка) из 3-4 кирпичей и плотно утрамбованной земли, перемешанной с глиной. На этой выстилке, на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на север располагаются три туши трех баранов. Все три барана были погребены с согнутыми ногами, головой на север. Погребальные приношения во все трех бараньих захоронениях однотипны. Каждое из них, кроме керамических изделий, включает бронзовые булавки в области шеи, бронзовые сосуды (в том числе в одной из могил

План цисты 2900 на Северном Гонуре (наверху) и погребения в Аварисе (дельта Нила; по: Bietack, 1996) (внизу).

Plan of the cist 2900 at the North Gonur (up) and burial in the Avaris (by: Bietack, 1996) (down).

– кубок на ножке), каменные бусы из полудрагоценных камней, кремневые наконечники стрел, бронзовые ножи, а поверх погребальных сосудов в каждой могиле положены каменные «миниатюрные колонки». Рядом с сосудами лежат специально согнутые медно-бронзовые ножи, и т.н. косметические флаконы. В нескольких керамических сосудах находились косточки молодых ягнят. Также в каждой могиле находились модели т.н. медных «лесенок», которые обычно указывают на военную принадлежность при жизни похороненного. Перед грудной частью баранов на полу располагается по одному бронзовому четырехзубчатому навершию жезла, символизирующему собой силу и власть. В области грудной клетки первого барана находилась бронзовая булавка с каменным (наборным) навершием и пуговица из белого камня, а у шеи – бусины (из сердолика, бирюзы, лазурита и белого камня). Перед скелетами первого и третьего баранов найдены скопления мелких обработанных камушков разных форм.

Следует отметить, что средний из трех погребенных в этих могилах баранов, лежит в той же позе, что и два остальных, но не имеет головы, которая по всем данным была предварительно отсечена. По мнению Н. Дубовой, перед ритуалом обезглавливания, животное было сначала обездвижено введением в поясничную часть позвоночника бронзовой пластины, которая и была найдена на этом месте. Особый интерес представляет т.н. «игральная доска» и «миниатюрная колонка», всегда находимые в аристократических могилах Гонура.

В третьей могиле барана помимо большого количества погребальной посуды находится небольшой медно-бронзовый котелок с прямыми стенками, рядом – «игральная доска» и раздавленный свинцовый(?) сосудик. В четвертой могиле, расположенной перпендикулярно всем остальным, как уже было отмечено, похоронен осел. Он лежит на правом боку, с повернутой назад головой. Из погребальных приношений она содержит только бронзовый сосуд типа котелка. В ногах осла были помещены три маленьких яг-

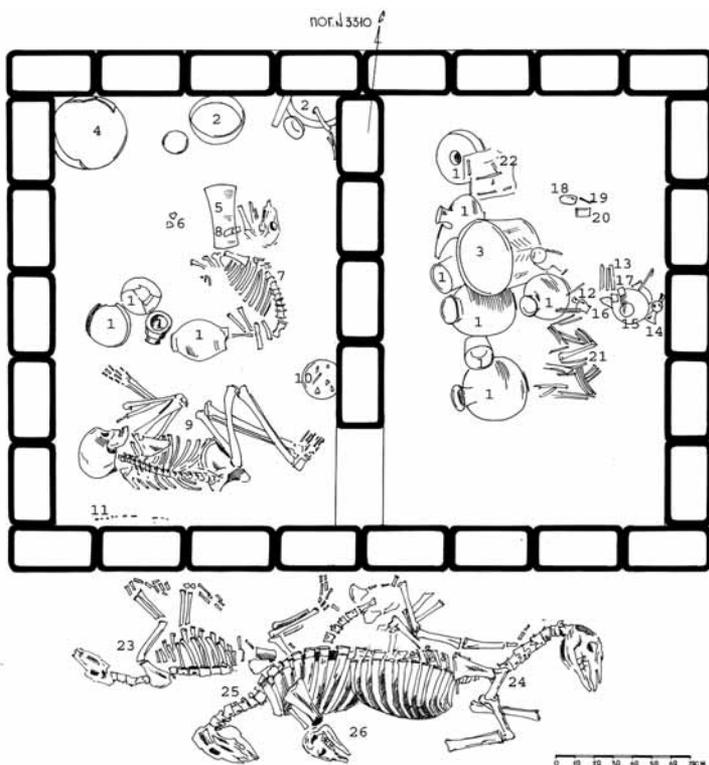

ненка. По данным Н. Дубовой, сначала были произведены захоронения баранов и только после них – осла.

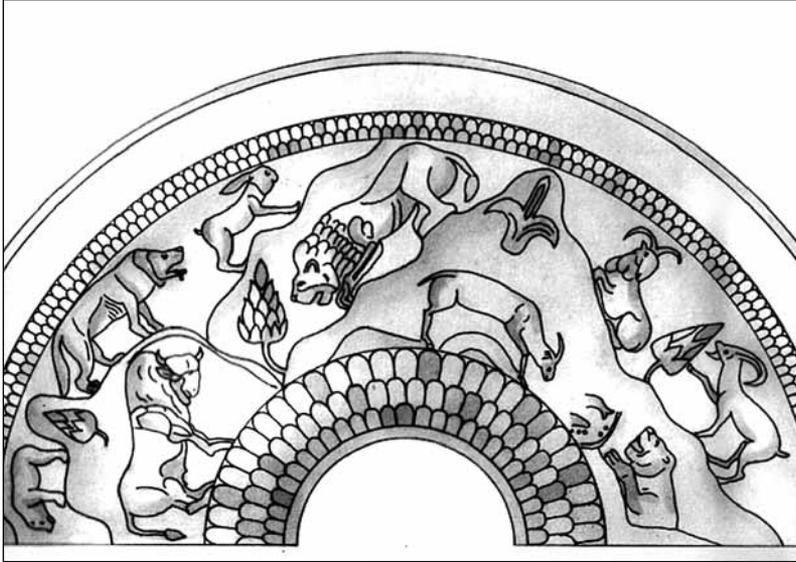
Представляется, что все упомянутые могилы первоначально были пустотелыми. Их перекрытия, состоявшие из камышовых циновок(?), с течением времени рухнули внутрь самих могил с животными. На высокий «военный ранг» захороненных в этих могилах животных, кроме жезлов с четырехзубыми навершиями, указывают «игральная доска» и «каменные миниатюрные колонки».

В настоящее время трудно судить с уверенностью, что обозначали собой эти коллективные захоронения, но думается, что почти полное отсутствие погребального инвентаря у осла намекает на разную роль, которую они играли в

План цисты 3310 на Северном Гонуре.
Plan of the cist 3310 at the North Gonur.

Прорисовка изображения на серебряном сосуде из царской гробницы 3235.
Drawing of the image on the silver vessel from the royal sepulture 3235.

Фрагмент изображения на серебряном сосуде из царской гробницы 3235.
Fragment of the image on the silver vessel from the royal sepulture 3235.

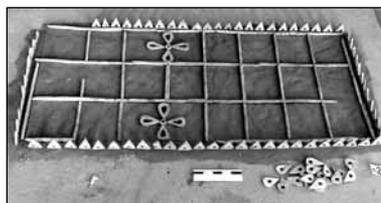

жизни маргушских племен. Вместе с тем, наличие остатков трех ягнят у его ног может говорить об его особой роли среди остальных животных.

Заметное погребение «жрицы и погонщика» было раскопано на Тоголок-1. Почти в середине двора на этом памятнике найдена прямоугольная циста, к которой находились скелеты женщины, мужчины и двух быков. В северо-восточной стороне погребения сохранились кирпичные ступеньки, по которым быки и их погонщик спустились в самую могильную яму. В противоположном углу большой кучей были сложены несколько десятков сосудов, среди которых находилось два целых культовых сосуда со скульптурными фигурками по венчику. Выше, в земляной засышке могилы был обнаружен медный сосуд средних размеров и «ситечко» для очищения тонизирующего сока типа Сома-Хаома от мелких обломков былых стеблей. Здесь же находился обломок черного «миниатюрного сосуда» и выпавшие из своих гнезд вставки из белого камня (более подробно см.: Сарияниди, 1998, с. 108, рис. 55-56). Нет никаких сомнений в том, что в этой могиле была захоронена жрица со своими аксессуарами («миниатюрная колонка», два культовых сосуда) с двумя быками и погонщиками. Часть приношений могла быть разграблена грабителями.

Всего на разных фасах Северного Гонура к настоящему времени найдено не менее 20 погребений баранов и козлов и более 10 могил собак. Все они достаточно богатые и содержат во многом сходные погребальные приношения. Обращает на себя внимание полное отсутствие специальных захоронений верблюдов. Кости этих животных найдены исключительно в царских могилах, где они, скорее всего, использовались толь-

Игральная доска из цисты 2900
Северного Гонура.
*Game-board (reconstruction) from
the cist 2900 of the North Gonur.*

Каменные конусы из храма Тоголок-21.
Stone cones from the Togolok-21 Temple.

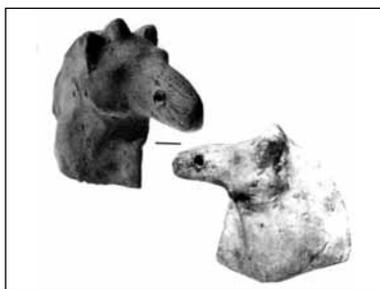
ко как жертвы для обеспечения удобств захороненных в потусторонней жизни. Это обстоятельство позволяет нам предполагать, что пришлые в древнюю дельту Мургаба племена впервые познакомились с верблюдом только тогда, когда они появились в Маргиане и Бактрии. Наличие в могилах баранов и коз символов высокой военной власти, могут указывать на то, какую большую роль они играли у новых жителей Маргианы (Н. Дубова допускает даже практику человеческих жертвоприношений этим животным).

ДОМАШНЯЯ ЛОШАДЬ

Среди обнаруженных на Гонуре более 50 погребений животных выделяются находки останков нескольких молодых лошадей, хотя до первого появления их в дельте реки Мургаб для БМАК (Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса) лошадь в Туркмении с достоверностью вообще не была ранее отмечена. По данным археозоолога Р. Сатаева, на Гонуре к настоящему времени найдены достоверные останки шести особей домашних лошадей, что весьма показательно.

Использование методов молекулярной биологии привело многих специалистов к выводу, что лошадь, скорее всего, была одомашнена в разных местах в интервале 9000-2000 до н.э. (Иванов, 2004, с. 48-50). В настоящее время считается доказанным, что самое раннее ритуальное захоронение одомашненной лошади, вместе с колесницей имеется в культуре Синташты, хотя на ту же роль с большим основанием может претендовать целый скелет молодой лошади из царской гробницы № 3200 того же Гонура, которая имеет радиоуглеродную датировку 2250 до н.э. В связи с вопросом об одомашнивании лошади в высшей степени показательны изображения колесниц на печатях в Канеше (Малая Азия), что можно сопоставить с ролью лошади в древне-

Голова лошади из Алтын Депе
(Туркменистан).
*A horse head from Altyn Depe
(Turkmenistan).*

хеттских и лувийских текстах. В них имеются изображения божества Пирва, сидящего на лошади. Приведу слова акад. Вяч.В. Иванова, относящиеся к данной теме: «Эбла (Сирия), Уркеш и Каниш группируются вокруг сирийско-анатолийско-малоазийского ареала, и на рубеже III-II тыс. до н.э. можно видеть результаты предполагаемого движения на восток – на севере в Синташте-Аркаице, на юге – в Маргиане <...> Но откуда бы не пришло это новшество, индоевропейцы быстро и успешно его внедрили. Складывается представление, что после освоения лошадей и на рубеже III и II тыс. до н.э. колесных повозок и колесниц <...> некоторые группы индоевропейцев стали распространяться с большой скоростью из предполагаемой нами прародины» (Иванов, 2004 с. 51).

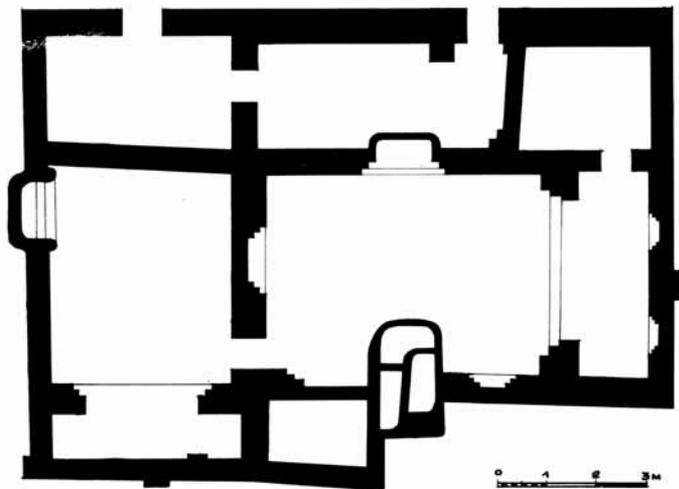
Как видно из вышеприведенных данных, восточная часть Малой Азии вместе с древней Сирией являются наиболее вероятным центром одомашнения лошади. Именно из этого центра могло начаться распространение одомашненной лошади, что означало собой для того времени настоящую революцию. Не доказано, но в высшей степени вероятно, что это были арийцы или иначе индоиранцы, которые вскоре уже приспособили лошадь «под верх» и отправились далее на восток, в поисках новой родины. Показательно, что колеса повозок (сбитые из трех плах), известные по аккадским мозаикам, удивительно близко напоминают аналогичные колеса, сделанные в Бактрии и Маргиане и найденные в «царских» могилах Гонура. Иначе говоря, север Средней Азии вряд ли имеет отношение к появлению коневодства в южных районах. Основной центр его был расположен много западнее и южнее. Он уходит своими истоками в арийское государство Митанни и вообще в ближневосточный мир. По этому поводу акад. В. Иванов вполне справедливо замечает: «В то время, когда греки обитали на западе Анатолии, на ее востоке можно предположить местонахождение арийцев», что находит свое подтверждение со стороны современной археологии и, в частности, в находках вышеупомянутых типично малоазийских, возможно импортных, предметов, сделанных в далекой Маргиане.

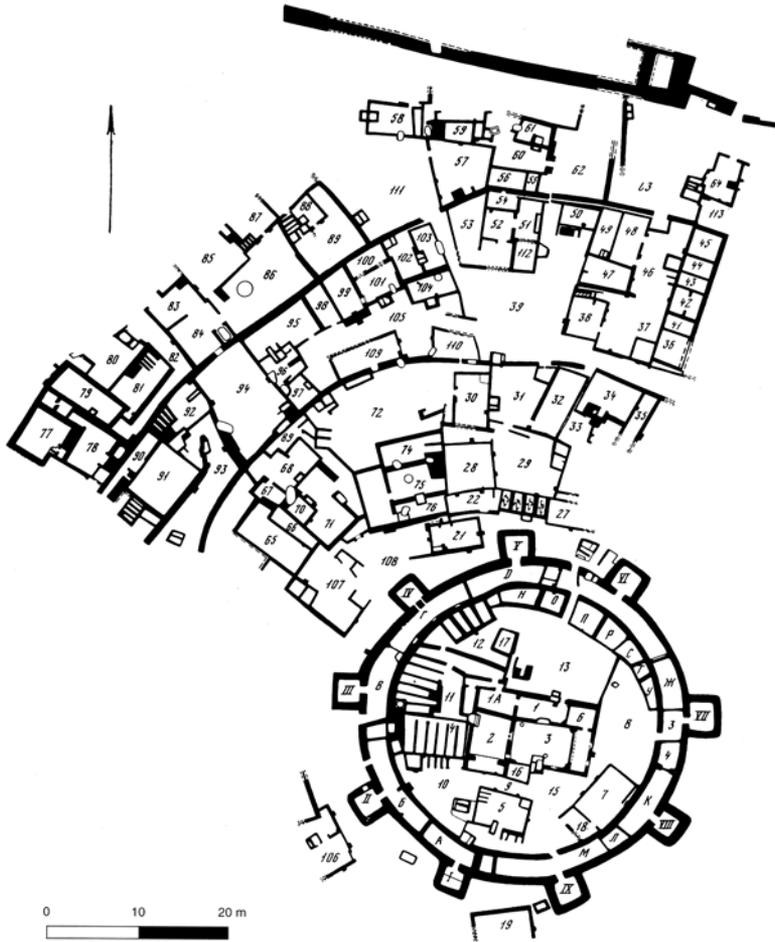
ВАРА

Упомянутая в Авесте Вара (поселение, усадьба) традиционно считалась четырехугольным поселением, пока профессора Б. Брентъес и К. Йеттмар независимым путем не пришли к выводу, что Вара была круглым поселением. Это мнение подтвердило и новое прочтение данных Авесты акад. И. Стеблин-Каменским. В Авесте по поводу Вары говорится «В переднем круге (Вара) сделай девять проходов, в среднем – шесть, во внутреннем – три. В проходы переднего круга принеси семя тысячи мужчин и женщин, среднего – шестисот, внутреннего – трехсот

Центральная часть Бактрийского Храма Дашлы III.
Central part of the Bactrian Temple Dashly III.

План круглого храма Дашлы-3 в Северном Афганистане.
Plan of Dashly-3 in North Afghanistan.

<...> И вот Йима сделал Вар размером в бег на все четыре стороны <...> Туда он принес семя всех самцов и самок, которые на этой земле величайшие, лучшие и прекраснейшие» (Рак, 1997, стр. 80-81). Судя по всему, рассказ этот близко напоминает миф о «Всемирном Потопе», откуда, возможно, он и был позаимствован. Т.е. Вара была скорее круглым в плане сооружением с тремя кольцевыми стена-

ми, а не прямоугольным поселением. Первая стена имела девять проходов, средняя – шесть, а последняя – три. Это описание до деталей близко напоминает устройство древне-бактрийского поселения Дашлы-3 (Северный Афганистан), которое также окруженное тремя круглыми кольцевыми стенами, имеющими соответственно девять и шесть проходов, причем последняя внутренняя стена имеет только три прохода (Сарианиди, 1977).

Уже проф. Дж. Туччи высказал мнение, что другое здание, расположенное рядом с круглым Храмом Дашлы-3, и имеющее Т-образные коридоры по всем своим четырем фасадам, чрезвычайно близко напоминает древнеиндийскую мандалу, где проходила коронация индоиранских правителей. Такие монументальные сооружения, расположенные в пункте Дашлы-3, со всей убедительностью свидетельствуют, что они не случайно расположены в одном месте и указывают на его особое культовое назначение.

(СВЯЗИ С ДРЕВНЕЙ ИНДИЕЙ

В самые последние годы появляется все больше свидетельств, указывающих на наличие бактрийско-маргианских находок на Индийском субконтиненте, по преимуществу найденных в позднехараппских слоях (Г. Поссел, Р. Мэдоу). Это, например, шапочка или парик (Р. Мэдоу) от каменной составной статуэтки. В Маргиане имеется много предметов, сделанных из слоновой кости, аналогичных таковым, найденным на памятниках цивилизации долины р. Инд. Известны коленопреклоненные стеатитовые статуэтки, у которых одно колено выступает вверх, причем аналогичная каменная статуэтка была найдена в «царском святилище». Все подобные находки в Маргиане могут указывать на интенсивные взаимные контакты жителей этих двух областей в древности, задолго до предполагаемого «арийского завоевания». Об таких же связях свидетельствует и находка типичной хараппской печати с изображением слона в ранних слоях Гонура. По мнению известного индолога А. Парполы, эта печать имеет бесспорное хараппское происхождение. В ходе археологических раскопок в Маргиане были встречены орнаментированные гребни для волос, ручки кинжалов, различные булавки и разнообразные накладки из слоновой кости, а также один фрагмент необработанного бивня слона (погребение № 3245). Обнаружение части необработанного слоновьего бивня в этой могиле может с уверенностью свидетельствовать, что слоновья кость привозилась в Маргиану из Индии в качестве сырья,

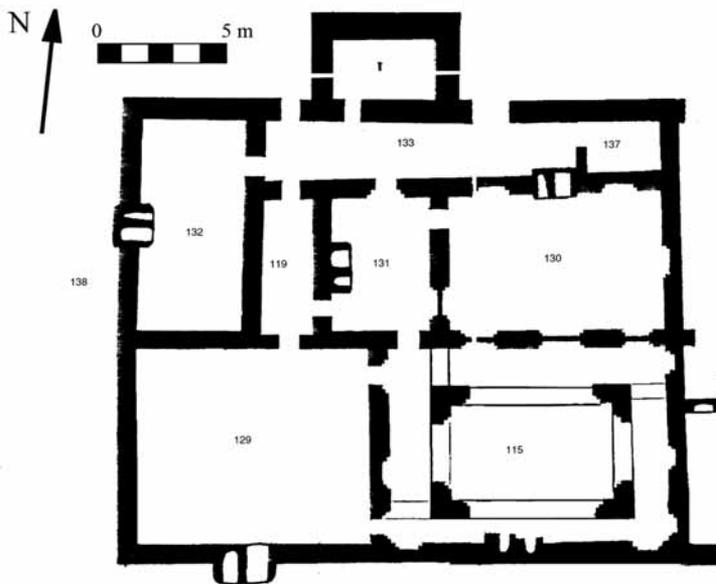
где из нее местные умельцы изготавливали все вышеперечисленные готовые изделия. Особенно выделяются т.н. «игральные доски» (все найденные исключительно в аристократических погребениях), разделенные палочками, выточенными из слоновой кости на квадратики. Орнаментированные квадратные или круглые игральные фишки и так называемые «игральные (бывшие «гадательные») палочки» к таким «игральным доскам» составляли полный набор для игры. Все эти предметы могли попасть на территорию Маргианы только из далекой долины р. Инд (Г. Поссел даже говорит о присутствии бактрийцев в Индии). Во всяком случае, сейчас есть все основания предполагать оживленную торговлю между этими двумя историческими областями в древности.

Другое, западное направление культурных и торговых связей маркирует найденная в одной из могил «главного некрополя Гонура» цилиндрическая печать из Месопотамии с полустертой месопотамской же надписью.

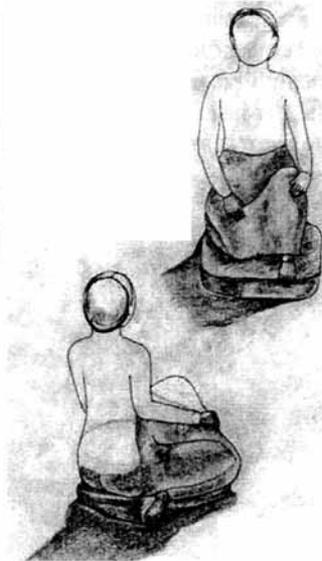
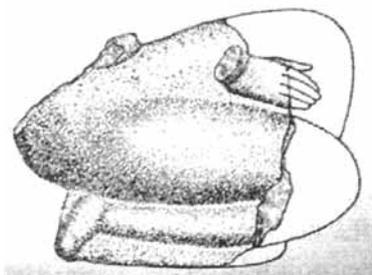
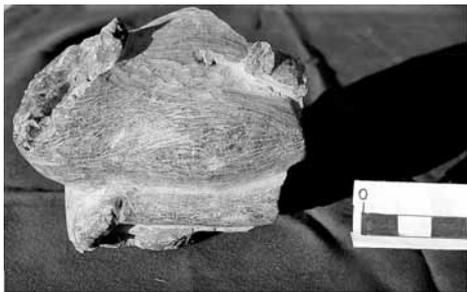
«ЖИОСЖ»

Подчеркнем очень яркий пример предполагаемых связей Маргианы с цивилизацией долины Инда. К западу от главного (северного) входа во дворец Гонура, внутри вышеупомянутого каре располагается небольшой микрокомплекс, состоящий из нескольких помещений, связанных общими проходами из двух коридорообразных комнат (№№ 115, 129-132, 110, 133), центральным из которых, безусловно, было пом. № 115. Оно представляет собой обширную комнату,

План «царского святилища» на северном фасе Гонур Депе.
Plan of the royal sanctuary on the north of Gonur Depe.

Фрагмент стеатитовой статуэтки из царского святилища, ее прорисовка (худ. И. Максимова) и вариант реконструкции (худ. А. Шайымова).
Fragment of the steatite statuette from the royal sanctuary, its drawing (by I. Maksimova) and variant of reconstruction (by A. Shaiymova).

тщательно обмазанную глиняной тонкоотмученной штукатуркой. Характерная особенность этой комнаты – наличие десяти «слепых окон» (Сарианиди, 2005, с. 116), а также сооружение внутри нее своеобразных «угловых устоев», между которыми устроены широкие невысокие пороги, в центрах которых поставлены столбы. Между угловыми устоями стен нет. Подобные сооружения (условно называемые *киоски*) нигде на Ближнем Востоке пока не известны. Единственная аналогия – пом. XXIII в Мохенджо Даро, которая вопреки Маршаллу два индийских археолога Джаваликар и Арте достаточно убедительно определяют как вполне необычные постройки типа храмов огня (Dhavalikar and Arte, 1989, P. 196), что однако требует своего дальнейшего обоснования и окончательного решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время основная часть исследователей отрицательно относится к предположению, что маргушцы были индоиранцами и появились здесь, в пустыне Каракум из Малой Азии или Сирии и государства Митанни, включив в свой состав местными племена, жившие в предгорьях Копетдага. Необходимо отметить, что все выдающиеся находки Гонура, исчисляемые многими десятками и сотнями экземпляров, имеют сильное аккадское и эламское влияние, одновременно, отмечая путь невольных иммигрантов, двигавшихся из Передней Азии дальше на восток. Встреченные на Гонуре, безусловно импортные, месопотамские и хараппские печати не оставляют никаких сомнений в существовании культурных связей и торговых контактов маргушцев с Передней Азией, а не с кочевым миром Евразии. Первые представители кочевого мира степей – саки-хаомаварга (или амюргийские саки), которые были известны приготовлением, а главное употреблением тонизирующего напитка Сомы-Хаома – появляются на берегах Мургаба лишь в середине II тыс. до н.э.

Археологи доказали, что эти андроновские племена, кочевавшие около Гонура, были уже в то время известны тем, что употребляли тонизирующий сок Сомы-Хаому, почему и получили название «саки, хаому варящие». Они поддерживали с горожанами Гонура вполне мирные отношения и, проживая в землянках по соседству с горожанами и с завистью взирая на монументальную архитектуру Гонура в виде дворца и многочисленных храмов.

Среди языковедов распространены две взаимоисключающие точки зрения. Согласно одной из них, арийцами были скотоводческие индоиранские (андроновские) племена, обитавшие на севере Средней Азии, в то время как, согласно второй теории, это могли быть бактрийские и маргианские, оседло-земледельческие племена или иначе (БМАК). Андроновцы жили в степях, разводили лошадей и рогатый скот, использовали колесницы и занимались земледелием, которое имело в их жизни сравнительно небольшую роль (Сарианиди, 1989, рис. 11). Вместе с тем, начиная с периода Тахирбай-3 в той же Маргиане, относящегося к концу II тыс. до н. э., встречено большое количество лепной фрагментированной керамики и даже сохранившиеся жилища бывших поселений кочевников. Иначе говоря, гонурцы «разминулись» во времени с «тахирбайцами», и когда андроновцы появились на берегах Мургаба, жизнь на Гонуре пришла уже в полный упадок. А. Лубоцкий считает, что жители Гонура были «кочевниками-скотоводами» <...>, у них были десятки слов, имеющих отношения к лошадям, упряжи, колесницам, всевозможные обозначения скота и при этом очень ограниченная земледельческая терминология <...>, а о словах типа, «дворец» или «храм» и говорить не приходится. <...> Арийцы просто были не в состоянии построить город типа Гонура <...> такой город им был просто не нужен». Свою статью А. Лубоцкий заканчивает словами: «Язык коренного населения Пакистана и бактро-маргианский язык близкородственны. Возможно, основатели Гонура были родом именно из Пакистана, что неожиданно как будто бы находит свое подтверждение со стороны современной антропологии и археологии» (Лубоцкий, 2006).

Второй взгляд на проблему активно развивает наш крупнейший лингвист, академик В.В. Иванов, который предполагает существование малоазиатского ареала коневодства на рубеже III-II тыс. до н.э. Он, в частности пишет: «можно видеть результаты предполагаемого движения на севере – в Синташте-Аркаиме, на юге – в Маргиане»; и про-

должает: «Но откуда бы ни пришло это новшество, индоевропейцы быстро и успешно его внедрили» (Иванов, 2004, с. 51). Очевидно, что пришельцы в древнюю дельту р. Мургаб (откуда бы они не пришли) были теми арийцами, которые и создали цивилизацию Маргианы с ее чрезвычайной высокой культурой и искусством. Далее этот крупнейший исследователь прямо отмечает, что после одомашнивания лошадей и изготовления колесных повозок и колесниц «на рубеже III-II тыс. до н.э. некоторые достижения индоевропейцев стали распространяться с большей скоростью из предполагаемой нами прародины» (Иванов, 2004) из районов, которые группируются вокруг малоазийско-анатолийского региона (Эбла, Уркеш, Каниш).

С другой стороны, можно полностью согласиться с акад. В.В. Ивановым, что «Лингвистическое тождество названий и обрядов, отраженных в Авесте и Ригведе, не позволяет сомневаться в том, что употребление этого вещества (Сомы-Хаома) встало в центре комплекса основных религиозных ритуалов еще в общеарийский период», о чем прекрасно свидетельствует Маргиана с ее четырьмя раскопанными Храмами Сомы Хаомы (В. Иванов, 2004, с. 56), которые... можно считать маркерами миграции индоиранцев. В этом в частности состоит значение последних открытий <...> в Маргиане» (В. Иванов, 2004, с. 56).

Подведем основные итоги настоящей работы. Как теперь стало известно, зороастрийская религия существует непрерывно по крайней мере около трех тысяч лет на Ближнем и Среднем Востоке, и важнейшие ее положения были позднее заимствованы иудаизмом, христианством и исламом, а также другими религиями мира. В настоящее время небольшие общины зороастрийцев проживают в Иране и Индии. Но, надо сказать, зороастризм был уже стар, когда появились первые упоминания о нём. Практически совсем неизвестен предшествующий ему период, который можно назвать протозороастрийским или раннезороастрийским, когда еще не родился сам Зороастр. Благодаря результатам

археологических раскопок в Маргиане и частично в Бактрии, можно утверждать, что задолго до рождения самого Зороастра уже существовали многие ритуалы, обычаи, традиции обряды и ряд представлений, которые затем легли в основу, и вошли в главные положения зороастрийского учения, его ритуальную практику, а так же в культ.

Многолетние археологические работы в Маргиане привели к открытию того, что население этой страны, бесспорно, поклонялось одновременно Огню, Воде, Земле и предположительно Воздуху. У них были сложные культы священных животных, в частности, баранов и домашних лошадей. Огонь занимает важное место в ритуалах множества древних народов мира. Земля является священной до наших дней в разных концах света, начиная с появления древнего земледелия. Но поклонения всем этим «чистым стихиям» вместе и одновременно никогда еще не было отмечено, кроме Маргианы. Изготовление тонизирующего напитка типа Сомы-Хаомы и обожествление одноименного растения, из которого он изготавливался, восстанавливаемое нами по археологическим находкам, сделанным опять же в Маргиане, находят свое продолжение, пожалуй, только в первой мировой религии – в раннем зороастризме.

Повторю еще раз, что по отдельности все эти признаки могут быть отмечены почти в любой археологической культуре, но все вместе они встречены, кажется, только в Маргиане и, возможно, Бактрии, в том числе на одном из самых ярких ее памятников – на Гонур Депе. Как мною давно было показано, материальная культура объединяет население широкой области, охватывающей Переднюю и Малую Азию вплоть до Шахдада и Гиссара в Восточном Иране, южной Туркмении, включая Маргиану, до Кветты и Мергар-Сибри в Белуджистане. Это сходство, бесспорно, указывает на большие миграционные процессы, которые охватили эту обширную территорию в период Ур III и аккадское время.

Важно отметить, что сенсационные открытия с бассейне р. Тарим в Китае привели крупнейшего специали-

та по арийской проблеме Дж. Маллори к заключению, что «БМАК является сильным кандидатом для культуры ранних индоиранцев и поэтому язык его носителей может быть сопоставлен с главной языковой группой, с которой мы столкнулись в бассейне Тарима» (Mallory, Mair, 2000, p. 305). В этой же связи вспомним «гирию» из так называемого ферганского клада с изображением пары извивающихся змей, чтобы убедиться в справедливости такого предположения. Кроме того, в литературе уже были отмечены в том же Китае в местечке Янбулак древние могилы со скорченными захоронениями, положенными в кирпичные цисты, которые, по мнению американских археологов, напоминают маргианские и бактрийские могилы в кирпичных цистах. Если учесть, что погребальные обряды у многих, если не всех народов мира являются наиболее консервативными и существующими длительное время, то станет ясно огромное значение этих аналогий. Таким образом, есть веские основания надеяться, что продолжение археологических работ в северном Китае принесет новые археологические факты, свидетельствующие о продвижении индоарийцев, по крайней мере, вплоть до бассейна р. Тарим, а, возможно, и далее.

Повторю еще раз, что полученные благодаря раскопкам в Маргиане и Бактрии материалы показали высочайший уровень культуры, искусства, архитектуры, ремесел древнего народа. Очевидно, сейчас мы имеем полное право говорить о том, что здесь, на территории современного Туркменистана и в частности в Маргиане (а также Бактрии) в ныне пустынных районах Каракумов четыре тысячи лет назад процветала жизнь, и находился высокоразвитый центр мировой цивилизации древневосточного типа. Одним из связующих звеньев между творцами этой цивилизации были идеологические и религиозные представления, которые мы с большой долей вероятности можем назвать раннезоострийскими или протозоострийскими. На основе таких или очень близких традиций, ритуалов и верований в более позднее время сложился знакомый нам по современ-

ности зороастризм. Будущие исследования древней страны Маргуш должны внести ясность во многие оставшиеся темными вопросы и до конца выявить корни зороастрийской религии. В заключение вспомним слова, который свыше полувека назад сказал великий английский археолог Гордон Чайлд в своей книге «Арийцы»: «Археология в союзе с антропологией может пролить яркий свет на более поздние стадии этого процесса (процесса становления цивилизации – ВС); она может определить те материальные ресурсы, благодаря которым определенные культуры возникли и достигли стадии процветания, а также направления торговых путей и миграций населения, которые способствовали их росту» (Чайлд, 2008, с. 11-12). В этой своей работе я и попытался рассмотреть данные археологии, которые свидетельствуют о сложении идеологии, объединявшей разные народы – такой, на основе которой позднее сложился зороастризм.

NEAR THE SOURCES OF THE ANCIENT WORLD RELIGION - ZOROASTRIANISM¹

Foreword

The tremendous archeological finds made on southeast suburb of Kara Kum desert in the latest decades have led to opening here under sandy barchans the ancient “Margush” country which is mentioned in an inscription on the well-known Behistun cliff about 100 meters off the ground in Iran. “Margush”= Margiana and Bactria together with Mesopotamia and Egypt, India and China are one of five centers of a world civilisation. During excavation have been received actual proof that religion of the people living in Margiana and Bactria were that basis on which later a first of world religions (i.e. religion, which was распространена not among one people but uniting many ethnoses) – Zoroastrianism was formed.

In the Free encyclopaedia of Wikipedia it is underlined that Zoroastrianism (*Avest.* Mazda-Yasna, literally: «Honouring Wise», *Pers.* beh din, cp. *Avest* vaṇuhī- daēnā) – one of the most ancient world religion of revelation. It has developed on the basis of revelation of prophet Spitama Zarathustra (*ancient Greek* – Ζωροάστρης, “Zoroástrēs”), received by it from God — Ahura-Mazda. But neither a place where this religion (most likely Iran or Middle Asia) has arisen, nor the time of birth of the prophet and dogma occurrence (it is possible VII-VI centuries BC) are not defined precisely till now. It is known only that the Zoroas-

120

¹ Translation from Russian by Inna Sarianidi.

trian religion has been extended in Iran, in the part of the Near East and Transcaucasus already in VI-V centuries BC. The conquest of the Achaemenid Empire greatly contributed to that in many aspects.

The name of Zoroaster was known to Europeans from an extreme antiquity when it has been mentioned Xanthus Lidien who wrote in a Greek. Pythagoras asserted that were repeatedly meeting and talking to Zarathustra. Nevertheless, till now the big disputes are caused also by a reality of the person of the prophet, and his name. In Avestan, *Zarathuštra* is generally accepted to derive from an Old Iranian **zarat-uštra*-. While the first half of the name “zarat-” is strongly referenced to mean “golden,” from the old Eastern-Iranian (and Modern Persian) *zar-* زار-, meaning “gold,” it does not itself appear in Avestan. The second half of the name – I.e. *uštra* – is universally accepted to mean ‘camel’. This name most likely was original “obereg”, should “save” its owner from every possible vital misfortunes.

In this regard the findings in Bactria and Margiana of copper-bronze amulets, on which a little boy - a shepherd, leading to the large camel is engraved (Sarianidi, 1998) should be noted. These archaeological findings allow strong reasons to assume that on similar amulets the future prophet is represented.

Before Zoroaster reform of religion of Iran (and probably of the large parts of Central Asia) represented aggressive ceremonial and as it is considered orgiastic cult, probably, having already at that time some common features with Vedic cult of India. Since VII c. after a gain of the Near and Middle East by Arabs Zoroastrianism has been superseded from Iran and Central Asia, and the considerable part of its adherents has moved to India which was more tolerant country. The Yezidis of Iraq adjoins to Zoroastrians. As it is considered, Yezidis borrowed at from Zoroastrians the same elements that Islam and Christianity have included.

According to the legend, Zarathustra occurred from a genius of Spitâma and was the third son from five children of local

official Pourushaspa. From childhood Zarathustra begins to understand the priesthood and to learn sacrificing and at age of 15 he became a clergyman and writer of mantras. At twenty years' age it has left the house and ten years wandered on the native land in search of the true. So proceeded until he has not met with Ahura-Mazda and then revelation has come to him. After that he has returned to the native village and became there to teach.

Initially Zarathustra became known on the hymns composed by him. He acted as the preacher of new faith, as the professional priest, as struggling and suffering man. He was married, had two daughters and on one of versions was rather poor. Some specialists write about the certain person promising to him of one camel and ten horses. But other version according to which Spitâma genius was very rich is known. As writes V. Kryukova, «the name of the prophet of ancient Iranian religion became a subject of gamble still in the ancient time. Behind a mask of Zoroaster «magicians» – the astrologists whose compositions for the first time have been testified in the Mediterranean..., writing basically in Greek and in Aramaic, Syrian, Copt and in Latin by lips of Zoroaster spoke about secret knowledge» (Kryukova, 2005, p. 8). with disappeared Ancient Greek. As notices Viktorya Kryukova this writing can be connected with many doctrines and cults – ancient Egyptian, Chaldean, Greek. But at the same time new dogma, Zoroastrianism, essentially differed from modern to it religions of Mesopotamia and Egypt.

Zarathustra was the first who has divided Good and Harm without supposing their mixture among themselves. The personification of Good steel Ahura-Mazda (Ohrmazd in Pahlavi), of the “Negative” – Anghra Mainyu (Ahriman in Pahlavi). Both of them were sons of “Infinite time» and the person had the right of a free choice between Harm or Good. As writes V.Yu. Kryukova, «Zarathustra was the first who has admitted arrival of the Savior and corporal revival of dead, and as requital both paradise pleasure to righteous persons and infernal torments to sinners». Zarathustra saw the injustice of the world and feeling the powerlessness to alter it, has decided to create another, fair world order.

As myths and legends narrate, once he has gone to small river to take water for Soma-Haoma cult drink preparing. Going to the river and entered into it, he scooped up a pure water from the middle of the river. Returning to the shore, Zoroaster saw a shining creature, which led him to Ahura Mazda and to Six light emitting deities, from whom he received his first revelation. Zoroastrianism became the first religion (i.e. the belief received from God by a prophetic enlightenment) of revelation in the history.

Zoroaster has lived 77 years and 40 days. Knowing that he will die a violent death Zarathustra has spent last 40 days in a continuous prayer. Under the legend he was killed by a priest who adhered to old religion which was rejected by Zarathustra. As Zarathustra was the uncommon person his given biographies have sprouted different hearings and legends and not always represent the facts. Zoroaster has stood three terrible inhuman tests and then the true became clear to him. When he began to preach new religion in native village, local priests have been surprised and angered and were going to execute already him. But local governor Vishtaspa has stood up for him having released him from execution. At first Vishtaspa has not believed in the new doctrine too, but eventually and he has been turned in Zoroastrianism. So, Zarathustra, becoming the adviser, has persuaded Vishtaspa to write down Avesta on cowhides by gold letters. As speak, he has collected the whole treasury from such 12 000 skins which were ostensibly burnt by Alexander the Great during the well-known East campaign. Zoroaster simultaneously became both the cleric and the prophet, and Avesta (literally «the first message») became the sacred book of Zoroastrianism. It is recognised now hardly probable not the most ancient book of mankind.

The outstanding place among researchers of Zoroastrianism undoubtedly is occupied young French researcher *Anquetil-Duperron* (Abraham Hyacinthe) who has gone to India in 1755 where has lived together with Parses (local Zoroastrians) about 13 years. There he, having become interested, collected books and manuscripts of running from Persia former Zoroastrians.

Having returned to Paris he has translated Avesta into French and for the first time has acquainted Europeans with this book. It was the first European translation. But instead of gratitude from contemporaries translation of Avesta has caused set of disputes and even abuse to the author. At first authenticity of Avesta has been called into question, but nevertheless already to the end of XVIII century it has been finalised.

As we will see further, Margiana people similarly to Zoroastrians worshipped to Fire, to Water, to the Earth and quite possibly to Air together that is noted at only one nation of the world. So Margiana and Bactria can be rightfully carried to those countries where already on boundary of the third and second Mil. BC “roots” of Zoroastrianism “have sprouted”, after extended in Persia and India.

A series of received radiocarbon dates gives all grounds to consider that people in Margiana have appeared in the end of III mil. BC (about 2300-2250 BC), testify that migrants in ancient delta of Murghab river have brought together with themselves from former Forward Asian ancestral home their old religious representations which substantially may be named as Protozoroastrianism. The population of Margiana continued to profess these cults, to improve and develop them on the new native land. I believe that we have all bases to consider that for far from their Forward Asian ancestral home newcomers had close Protozoroastrian cults. Therefore we have the right to search the sources of Protozoroastrianism in Forward Asia. Words of the dead M. Boyce who exclaimed are in this respect indicative: «It is surprising if to consider that native land of Zoroastrianism is Midia why the very first and most ancient mentions about Indo-Arians appear in Forward Asia that is fixed on cuneiform tablets from Babylonia, Egypt and Asia Minor».

* * *

Before turning to the topic of this work I need to tell, that it's an advanced variant of my article “Archaeological evidence of Protozoroastrianism in Bactria and Margiana», which has

been published in the «Transactions of the Margiana Archaeological expedition» (Vol 2. M., 2008).

The present work deals with the archaeological discoveries made in the last decades in the Kara-Kum, one of the largest deserts of the world. Here, in the eastern part of modern Turkmenistan the ancient Margush country (according to the name mentioned in the famous Behistun inscription) was found. The first unsuccessful attempts of the local South Turkmenistan tribes to settle down in these areas date back to the fourth mil. B.C. (Sarianidi, 2002). The next attempt was made a thousand years later, in the end of the third mil. B.C. (or perhaps in the period of Ur-III and Sargon Akkadian) by a new set of tribes. They consisted of farmers and cattle-breeders that came from the territories of Near Asia to the ancient delta of the Murgab river. They've already been familiar with different skills, and had a highly developed art and culture of the Asian Minor type.

According to American and Russian scholars approximately in the mid of the third mil. B.C. the so called xerothermic period struck the world and resulted in a sharp drop in rainfall and in spring river floods that in its turn caused the process of the mass migrations of tribes. This is proved by a large number of abandoned fields and ancient settlements, their ruins stretched from Greece to India. True, the xerothermic period didn't affect all traditional ancient farming areas, just some of them, but still these were huge areas and large masses of population were forced to abandon their homes and set forward in search of new lands. Since in the Near East all the lands had already been occupied the migrants had to move farther to more remote areas. Soon these tribes of farmers and cattle-breeders reached the boundaries of the Akkadian kingdom. But again, as it was in Asia Minor, they found out that in Mesopotamia also most historical lands were already overpopulated. By this time only Central Asia was comparatively population free and the migrants streamed there. In the long run they reached the territory of modern South-Western Iran (ancient Elam) and settled there temporarily. The migrating populations grew so rapidly that finally some tribes were again forced to move in

the search of new free lands. Along almost the entire route of this tribal movement that took place in the Late Bronze Age, archaeologists discovered ruins of abandoned settlements, remarkably none of them had any traces of military invasions or any major battles. In general, it was a rather peaceful distribution of farming and cattle-breeding tribes that according to the apt expression of I. Diakonoff slowly “spread” in the foreign territory and cultivated lands suitable for farming. Aryan Mitanni, Akkadian kingdom and ancient Elam – these are the points where their presence is mostly noted.

Long before our days G. Child said about this migration: “The established fact is that periodical draughts in the inner regions of Asia could cause mass migrations. Such draughts could have initiated the migration process of the Indo-European tribes and their isolation and later on this process was finished by the Mongolian invasion” (G. Child, 2008, p.122). Thus, the North-Mesopotamian tribes moved in the general eastern direction and finally reached Eastern Iran where they founded large settlements of the upper layer of Hissar III, Shahdad and probably Elam types as well as a number of small sites and irrigated oases. At that time Mesopotamia had already well developed commercial contacts with Syria, coastal area of the Persian Gulf, Elam, Iran, and also India which supplied it with constructional wood (cedar, pine), gold, carnelian and lazuli.

The newcomers crossed the border mountains of the Kopet Dagh that separate modern Iran from Turkmenistan and entered this ancient land where the settled farming way of life was well known already in the fifth-fourth mil. B.C. One may assume that emigrants met settled-farming tribes that were in a way related to them and with which they soon assimilated. But the movement of newcomers did not stop here, they continued their way farther to the East. In the end, the new tribes had settled in a huge zone that included the whole modern Eastern Iran, most part of Afghanistan, Pakistan (Balujistan including), southern regions of Turkmenistan and Uzbekistan, part of Tajikistan down to North-Eastern China and the Indian peninsula. In any case the material culture of those tribes which

lived in the territory from the southern shore of the Caspian Sea down to the Arab Sea was very similar.

So, in the end of the third mil. B.C. at the foothills of the Kopet Dagh an ancient country was flourishing. But as well as western countries this area also suffered greatly from draughts of the xerothermic period. Here too, archaeologists found ruins of abandoned ancient settlements in such a state that shows that life at these sites was either entirely stopped or just glimmering. In some cases the newcomers have either reoccupied the abandoned sites or built new settlements next to the old ones (for example, Tekkem-Depe near Namazga, Elken Depe near Kaushout and so on).

After the areas of the Kopet Dagh foothills became overpopulated too, the migrants resumed their way farther to the East, namely they went along the ancient bed of the river Murgab down to its delta. The migrants walked together with their herds of sheep, goats, probably horses too and cattle. In a little while the fertile lands in the ancient delta of the Murgab were occupied first by dozens and then hundreds of settlements surrounded with rich fields where they cultivated such grains as wheat and barley. The rich meadows in the delta of this river provided excellent food for numerous sheds of domesticated cattle. Gradually a new country of Mouru or Margush, a country of an ancient Eastern type with highly developed civilization has been forming.

Perhaps, its central, capital settlement was the city whose ruins now are named Gonur Depe (Grey Hill). But this was not a usual city, it reminds us of Choga Zambil, a city in neighbouring Iran, which is probably not accidental. In the center there stood a monumental palace – a residence of a ruler and his family. Remarkably, the ceremonial entrance to the palace had two passages and strongly reminds us of the entrance to the throne hall of the Knossos palace at Crete, an indication of the influence of Greek islands on the art of Near Asia (Sarianidi, 2002). Through the inner yards one could get first into the double “audience hall”, then to the “inner hall” and then into a huge “throne hall” and the ruler residence that was surrounded

with “auxiliary buildings” and spacious parks for strolling. “A complex of funeral rituals” was also located in the palace and was the place where complex funeral rituals were performed to dead members of the ruler’s family. Next to the funeral complex in the western part of the palace staircases were built that led into rooms filled up to the top with sand, either brought by wind or taken from river.

Opposite the residence was the palace’s “sanctuary” used by rulers and their families for their everyday prayers. Placed on the platform in the middle of the sanctuary’s central room was a large double-chambered cult hearth that was most probably used for bloody sacrifices. Among the rooms of the “sanctuary” one room stands out. It has no walls, only “corner stands” similar to those of one of the palace rooms, which will be discussed below. One may assume that at Gonur such “pavilions” without walls had a special “sacred” purpose (see below). In the “ruler’s residence” there was also a “funeral room” made of sun-baked bricks and used for collective burials. It contained ten human skeletons in a chaotic state (from an infant and up to an old man) that were carefully moved aside. The general picture of this burial reminds us of a future Zoroastrian dakhma. Academician B.A. Litvinsky was the first to suggest that in such an early time dakhma was used not only as a tomb, but also as a place where specially trained dogs and birds of prey cleaned the bones of flesh. Now this supposition is archeologically proved by the finds of Bactrian seals decorated with scenes that show how such dogs and birds clean the corpses (Sarianidi, 2001. Tabl. 27, # 1).

In the eastern auxiliary part of the palace administrative buildings were located and next to them, private houses of those who served the palace. It seems that before moving to the palace the rulers of Gonur lived on the eastern bank of the “main pool” in a temporary residence and a “royal necropolis” was located next to it. The rulers were buried in stone tombs that represented models of houses and according to M. Gimbutas this was a clear Indo-Iranian, Aryan feature.

Some tombs of the necropolis had walls decorated with coloured mosaic panels of an Akkadian type. The same kind of wall decorations was found in the Mari palace. There in the fourth register the royal robes were ornamented with slightly curved rectangles, which is analogous to the coloured mosaics of the snake-dragons of Gonur. Their bodies were decorated with absolutely similar rectangular and slightly curved details.

The palace and administrative buildings were surrounded with mighty walls that were strengthened with strong rectangular towers and arrow-like embrasures. The kremlin and palace were surrounded only with ritual buildings that were strengthened with an additional square of defensive walls with fighting towers and thus represented the first line of defense. The defensive walls were surrounded with large and small pools, temples, sanctuaries. And finally all these buildings and walls were encircled by another, third, the so called “encircling wall” which obviously had no military significance since it was thin (up to 1 m) and had no towers whatsoever. As pointed out earlier, on a whole, the Gonur settlement closely reminds us of the Choga-Zambil monument, though the latter dates to a much later period.

The large scaled archaeological works that lasted for over thirty years have proved that the culture of ancient country of Margush has much in common with the ancient Eastern world and like Mesopotamia, Egypt, China and India may be considered as the fifth center of the world civilization. Funeral rituals, cult rites, signs of local beliefs helped to raise the curtain over the past of the Margush country. They also helped to find many common features with the first world religion, the Zoroastrianism. Archaeological discoveries in Margush make one believe that the religious beliefs, rituals, customs of its ancient population could have been this blessed soil where one thousand years later the Zoroastrian religion was born. Hence, we can rightly name the religion of the ancient people of Margush as early-Zoroastrian, or proto-Zoroastrian one. Now let us start the study of the archaeological material that allowed us to make our supposition.

CULT OF FIRE

Fire is the son of Akhura Mazda. According to M. Boyce “the early Zoroastrianism had a great variety of religious dogma and numerous rites, but it also demanded a lot of material sacrifices on the part of its followers” (Boyce, 2003, p.104). Excavations of the capital settlement of Gonur gave us quite enough evidence to believe that the cult of fire was very important in the religious life of the local population. The excavations of the palace showed that outside the eastern part of the kremlin wall a Temple of Fire was built, the first one discovered in Central Asia. It was built in the first period of Gonur and had survived at least three constructional stages. The most ancient Temple of Fire was built in the first period of life at Gonur, stood on the soil and consisted of a number of large rooms (Sarianidi, 2008, figs. 19-20). The centre of the temple was occupied by a large sanctuary with its interior completely covered with white gypsum layer. In close vicinity to the sanctuary a long chain of four rectangular altars of fire was located.

All of them were made in the virgin soil and covered inside with adobe. Thick layers of smoke residue on the walls prove that fire in the altars was burning almost constantly, a kind of an “eternal flame” (Sarianidi, 2006). At last we seem to find archaeological facts that give basis to theoretical discussions of archaeologists and linguists on the problem of the existence of the cult of Fire.

All the altars were situated behind a blind wall, the fact that proves that as far back as in the proto-Zoroastrian times they were specially “hidden” in secret places from the sight of non-initiated. This tradition survived up until our days and can be traced in modern Zoroastrian temples of Fire. The same type of rectangular altars hidden behind the walls were found at the Gonur temenos and in the Temple Togolok-21.

The excavations of the “Temple of Sacrifices” at Gonur have revealed altars of a round type. The first round, or “large” altar (diameter over 11 m) has an inside large rectangular room with a cult hearth and in the later period other two similar hearths

were added. Next to the main room some diminished copies of the so called “complex of cells” were excavated similar to those found in the eastern part of the Gonur palace mentioned above as well as in other temples of Margiana (Fire Temple at Northern Gonur, temenos of Southern Gonur, Togolok-21) and Bactria (both temples of Dashli-3). Remarkably, similar cells were excavated in the Hittite kingdom where they got the name “shops”, and though their real purpose remains unknown their ritual function seems to be most appropriate. The excavated altar remarkably reminds us of Dashli-3 with its ritual hearths and “complexes of cells”.

Another round altar, about 7 m in diameter, dug for half a meter into the virgin soil, was found inside the square of the “complex of Sacrifices”. The excavated walls of this altar were 1,3 m high and clay plaster covered them inside and outside. Its slightly concaved floor was well rammed, covered with thick layer of clay and topped with a layer of ashes. In the eastern side of an altar was a passage with two downwards steps and in its southern part was a cult double-chambered hearth with light traces of fire. The character of these traces makes one assume that aromatic herbs instead of woods were burning in this hearth. According to some scholars Zoroastrians believe that gods do not always wait for meat sacrifices and that in some cases they can be fully satisfied with only a smell of aromatic herbs (Boyce, 2003, p.23). At Gonur the traces of burnt aromatic herbs were found only inside of some cult hearths: in the “royal sanctuary” and inside of the large altar, in other words in clearly ritual structures.

When this altar fell into decay and was falling apart another, smaller altar (diameter 5 m) also with an inward passage was built next to it. On the floor of this altar was found a big fragment of a semi-spherical cup of onyx and also a cylinder seal with an image of a female deity that had an “aura” and was flanked by “deities of vegetation” with cereals growing out of them (Sarianidi, 2004, fig. 25).

Another round altar of a considerably smaller size (up to 3 m in diameter) was found in the southern part of the square

surrounding walls, in the “Temple of Sacrifices” with its northern side strongly smoked by movable braziers. This altar had no ritual hearth inside.

Thus, at North Gonur two types of altars were used in the proto-Zoroastrian period: 1) round altars for sacrifices to various gods of the Margiana pantheon and 2) rectangular ones with an “eternal flame” burning in them. M. Boyce wrote: “Offerings consisted of dry clean woods, incense (dry leaves or herbs) and some animal fat <...>. The fat offering was probably done when they cooked meat – the fire in this way got its share. Fat made the fire burn brighter and the melted fat made the flame more strong” (Boyce, 2003, p.21). On the floor of a large round altar in the Togolok-2 temple a thick “crust” was found, while in a small one – burnt small branches with carbonized remains of bones of young animals. Special analyses made in the Moscow State University named after M. Lomonosoff showed that in ancient days they used to pour some melted fat on the surface of an altar which streamed down to the bottom where a small hearth with smoldering coal was burning. When fat reached the hearth the fire began to burn brighter and then the smoke streamed up to the sky where gods could enjoy it. It is interesting that Strabo has watched and described a similar process: Zoroastrians placed pieces of fat meat right on top of burning coals, the flame blazed up and smoke streamed up to the sky (Boyce, 1982, p. 154).

Thus, both types of altars, round and rectangular ones, were found in the early period, first at North Gonur, and then later – in the Temple Togolok-21 (Sarianidi, 1990). It seems rather probable that the immigrants who settled down in the ancient delta of the Murgab river introduced both types of altars, round and rectangular ones, in their new homeland and used them exactly in the same way as they did it in their old places, in other words they brought these ideas in the “ready form” which lasted up until the end of the Bronze Age. Remarkably, the modern Parses also use two types of altars. Each type is used for a certain ceremony. The round altars seem to be used for sacrifices while the rectangular ones

served exclusively for praying the “eternal Fire” (in other words, the god of Fire).

CONTAINERS OF SACRED ASHES. Next to the altars of the Temple of Fire at North Gonur as well as at the Gonur temenos some containers with white ashes were found. They were deeply dug into the soil, had the inside walls covered with adobe and got the name “depositories of sacred ashes”.

By the time of excavations all containers were filled with clean white ashes without any admixtures. In the last stage of Gonur all altars and containers were capped with med bricks to protect them from any possible breach in future. The altars as well as the “depositories of sacred ashes” were raised only a little above the ground surface which fully corresponds to the Zoroastrian custom. As M. Boyce wrote, usually altars were “built on the level of the sight of a seated man”.

PAVI. In the Gonur temenos and especially in the temple of Togolok-21 some open-air paired rectangular brick platforms (originally built without roofs) were found next to rectangular altars. They closely remind of the Vedic “pavi” or a “clean spot” of modern Zoroastrians (Boyce, 1987, p.166). Indo-Iranians believed that gods were seated on these platforms unseen for anyone and enjoyed the fire that was burning in their honour.

RITUAL DOUBLE-CHAMBERED HEARTHES. The ritual double-chambered hearths deserve our special attention since only at the Gonur site a great number of them (over 100!) were found. Their construction differs greatly from that of ordinary cooking hearths. As a rule one room had one hearth, in some cases – three, and in the room #300 (North Gonur, Excavation area 10) there were found four ritual hearths. They all consisted of two chambers, out of which one served as a furnace and the other as an oven, and had a low partition between them. Furnaces were usually strongly burnt inside and often contained remains of charcoal. On the contrary, ovens bore slight traces of fire and sometimes animal bones were found in them. The construction of these hearths obviously served one purpose: to prevent direct contact of the “pure nature” of fire with bloody (“sinful”) meat and thus to avoid the profanation of the sacred

fire. This fully corresponds to one of the basic principles of the Zoroastrian religion, the care and preservation of the divine clearness of fire. Some ritual hearths instead of cross-section platen had special very low ledge between the two chambers.

Alongside usual ritual hearths the excavations at Gonur have yielded pear- form hearths of much bigger sizes. The skulls and long bones that were left in their ovens, probably for the gods, make one suppose that they were used for sacrifices of big animals, such as bulls-cows and camels. The separation between a furnace and an oven in a pear-form hearth had a number of large perforations so that the hot air from the furnace could easily reach and cook the sacrificed meat placed in the oven. The large number of ritual double-chambered hearths at Gonur probably reflected the local belief that only those who did rich sacrifices could have a good life in the after-death world.

CULT OF WATER

The archaeological excavations proved that Murgush tribes as well as the Indo-Iranians in general, worshipped Water everywhere: in rivers, lakes, streams, ponds, springs and so on. It is generally accepted that water and fire were equally valued and respected by Zoroastrians and this made M. Boyce suggest that they should be called not only fire- but water-worshippers as well.

In the rituals of ancient Margush tribes water played an exceptionally important role. It is not accidental that on the southern outskirts of Gonur archaeologists found a large reservoir (most likely, a natural one) that stretched for about 150 meters from the West to the East and 80 meters from the North to the South and was called the “main pool”. Specially dug canals and a system of ceramic pipes laid under the foundation of the encircling wall supplied the reservoir with water from the Murgab river. Ancient irrigators made their best to prevent the deterioration of the banks of the reservoir and with pieces of broken ceramics they strengthened the bottom of the canal

at the spot where the water from the Murgab river was pouring into the pool. The northern and southern banks of the “main pool” were built up with various buildings, many of them being supplied with ritual double-chambered hearths. On the southern bank of the pool the attention is attracted to a large room in the eastern section of the complex (room # 20) where a row of three ritual hearths was placed on the platform. Zoroastrians regarded figure three a sacred number and it is still one of the main figures in modern Zoroastrian and Brahman rituals. The ovens in the hearths under discussion sometimes had a special ceramic bottom, which may signify their special use. Remarkably, the “court” of the room #20 has walls only on three sides while its fourth side was open to the pool. The fact that the “court” overlooked the pool enables us to suggest that sacrifices performed in these ritual hearths were devoted to the pool, to the water source, to the nature of water in general.

On the banks of the pools there were arranged terraces up to 10 m wide on which buildings with ritual double-chambered hearths were constructed, another proof of close connection of cult hearths with water. The walls of these rooms were dug in the soil instead of being built of brick. The cult hearths of the type mentioned above and found in these rooms also bear signs of ritual ceremonies. The excavations showed that when the water in the “main pool” was decreasing and the pool got shallow they started to arrange terraces on the lower level in order to keep closer contact with the water surface. The rooms built on these terraces had ritual hearths which were used for worshipping the water. This may serve as an illustration to the fact that “sacrifices to Fire and Water made up the basis of everyday rituals that Zoroastrians call Yasna”.

POOLS FOR ABLUTIONS. It is known that some forms of ablution appeared in the Indo-Iranian period and Zoroastrians and Indian Brahmans have analogical ablution customs (M. Boyce). Zoroastrians believed that a human being crowned all the living creatures and should be clean inside and outside. It was a moral duty of every Zoroastrian to make ablutions and wash himself from top to toe. Also, M. Boyce notes that they

were very anxious to keep the cleanness of the water itself. It is remarkable that next to each of four “squares of communal eating” there were located small pools that through the later built trenches were filled with rain water that was accumulated in takirs during rain falls. Most pools of Gonur were located in the northern section of the site where water from the Murgab river could reach with great difficulty. All the gutters that supplied pools with water were dug outside the encircling wall, in takirs, so that rain water reached Gonur through special ceramic tubes (koburs) that were always placed at the basement of the encircling wall. Almost all gutters were built in the later period since they cut the former rooms that were ruined by that time.

One cannot but mention a water filter made of brick and placed in the “small pool” at Gonur. Through a special gutter the water from the “main pool” got into this filter which was filled with cane and other plants. The water passed through the filter and then the clean water got into the “small pool” and could be used for different purposes, cooking including.

CULT OF EARTH

The archaeological excavations at Gonur prove that the Earth was equally sacred for ancient Margush tribes. This is especially evident when we study the funeral rites of the local people. They did everything they could to protect the sacred “pure” nature of the earth from the filth of decomposing corpses. Suffice to notice that almost all the dead in their tombs were placed on special sand layers and in some rich ones (like a funeral chamber #2900) they first plastered the pit floor with gypsum layer and then placed a dead on it. More so, though the people with some kind of physical handicaps were buried at the common graveyard the inside walls of their burial pits were preliminary burnt with fire for the same purpose: to avoid the profanation of the “pure” earth (V. Sarianidi, 2001, p.18). Also the earth had to be protected from being polluted by the water used for cleaning of corpses as well as by the blood of such animals as cows-bulls used for sacrifices.

SQUARES OF COMMUNAL EATING. Apparently, both pools (the main and the small) as well as the system of gutters were used not only for ablutions. They played a certain role in the ceremony of communal eating. Indo-Iranians had different kinds of festivals including the “seven festivals”, among which the “Nauruz” was the main. In the round mausoleum #3900 we found a whole set of objects that was necessary for arranging such festivals and thus came to the conclusion that these festivals could have taken place in the “squares of communal eating” with a lot of people involved in them.

At Gonur several “squares” were arranged at successive periods of its existence. These were huge squares, the largest of them (8500 sq.m) situated on the South of Gonur was completely free of any buildings (no altars or any other ritual structures). The squares were covered with ash layers up to one meter thick. The earliest, northern “square of communal eating” looked like a kind of a “puff-pastry” that consisted of alternating burnt layers mixed with animal bones and broken ceramics and layers of pure, presumably river sand (sand layers were 20-25 cm thick). One may suggest that at the end of each meal the square was covered with sand in order to preserve the left-over bones from decomposition and to keep the territory clean. Characteristically, the Avesta and Rigveda contain references to “squares of communal eating”. In Iran they are called *Ida* and the Vedic Aryans refer to them as *Iza* (Boyce, 1982, p.165).

Next to these “squares” archaeologists found small pools where ritual ablutions were most likely performed before the beginning of “communal eating”. Such “squares” were consequently arranged in different parts of Gonur during the whole period of life of this city. Probably it is not accidental that compounds of rooms were always found next to the “squares of communal eating” and most of them were equipped with double-chambered ritual hearths used for cooking meat for collective eating. It should be stressed that all the hearths in these rooms had a rectangular shape and were used as ritual ones. No round hearths for usual cooking had ever been found there.

We believe that Margush people ate this specially cooked meat with a “...special concentration of mind and soul”, in the same way as Zoroastrians do it nowadays (Boyce, 1985, p.163). Before such ritual meals Zoroastrians made ritual ablutions in order to clean themselves from filth and for this purpose they used the cult pools arranged in the vicinity of the “squares of communal eating”. Judging by the Kumran manuscripts from the area of the Dead Sea those who avoided the ritual ablutions were restrained from participation in “communal eating” for several weeks (certainly the manuscripts date to the period much later than the one under discussion but the reference seems rather logical).

SEVEN DEITIES AND SEVEN FESTIVALS. The excavations of spring 2009 showed that the “royal necropolis” of Gonur has not been limited to the already found graves and that it stretched farther in the southern direction outside the “encircling wall”. Among the newly excavated graves one pit grave (# 3900) stands out. This round tomb is almost 5 m in diameter and about 2 m deep. In ancient days a four-wheeled cart with two donkeys and two camels was thrown down into the pit and next to it a huge copper and bronze cauldron was placed. The capacity of this smoked cauldron was 200 liters. Next to it were found a lamp similar to that from the grave #3200 and a kind of a scoop-formed shovel that probably was used for leveling the square after the festivals of the “Nauruz” type.

Not far from there, on the floor of this round grave a copper and bronze “symbol” that consisted of seven spherical balls and looked like some “vessels” soldered together, was found.

Remarkably, in different parts of the large pit, but mainly in its western section there were found skeletons of seven people (different ages and sex) together with seven big dead dogs like modern Turkmenian sheep-dog “alabays”. At the upper edge of the pit there was a skeleton of the eighth dog that bears signs of deliberate murder, its head was undoubtedly broken and the impression is formed that it was carelessly thrown down the last moment. It is worth mentioning that at the “main necropolis” of Gonur we found pits burnt inside that contained

dead dogs carelessly thrown down at the edge of a grave, that makes us believe that it was most probably not just an accidental position but on the contrary had a deep symbolic meaning (Sarianidi, 2001).

The excavation material proves that Zoroastrians had a dual attitude to a dog. On the one hand they respected it as a human being and for the murder of a dog there was a very severe punishment (it could even be a death penalty), and on the other – they treated it as an inferior creature. We know that feeding a dog had a ritual significance because the “food given to a dog was meant for the souls of the dead relatives and close people”. We also know that a participation of a dog (*sagdid*) was an integral part in every Zoroastrian burial ceremony. In the Avesta we find diverse definitions of a dog such as: “...she has a character of a priest; she has a character of a warrior; she has a character of a cattle-breeder; she has a character of a slave; she has a character of a thief; she has a character of an animal; she has a character of a child; she has a character of a strumpet... She is obsequious like a slave, insidious like a slave... She is like a slave. As a thief she waits for darkness, acts in the night, grabs food and unreliable. She is obsequious as a strumpet, insidious like a strumpet” (Rak, 1998, p.289).

The festival “Nauruz” is a central one in the Zoroastrian religious calendar and is celebrated on the first day of a new year. M. Boyce said that they cheerfully celebrated this festival, using many beautiful customs that symbolized rebirth and felicity... on the occasion of seven festivals in honour of seven creations of Amesha Spetamen who patronized them (Boyce, 2003, p.61). She also notes that every Zoroastrian community celebrated this festival and all parishioners participated in the festive divine service and after that all together they enjoyed the rich food that was earlier blessed during the service. Everyone, rich and poor, got together, all disputes seized, friendly relations renovated and strengthened... The celebration of the great “New day” was performed in the honour of the seventh and the last creation – the Fire... These seven festivals in honour of Seven Deities were considered so important that their

celebration was looked upon as a religious obligation of every believer (Boyce, 2003, p. 62).

One can't but pay attention to figure "seven" that is repeated many times (seven corpses, seven killed dogs, seven "vessels" of the "symbol"). The figure "seven" seems to be sacred for proto-Zoroastrians in the same way as nowadays it is among many peoples of the world. The finds in the mausoleum seem to be somehow related to the main ritual festival of Zoroastrians (and proto-Zoroastrians as well) of the "Nauruz" type. This supposition is also supported by the cauldron that obviously had a communal, not an individual, use and logically could have been used during communal eating and festivals. As far as the festival of "Nauruz" is concerned M. Boyce said: "Each Zoroastrian community gathered together for a cheerful entertainment to eat together the food that was blessed during the public worship of the festival "New Day" that was celebrated happily, with many beautiful customs that symbolized rebirth and felicity". Festivals of "Seven deities" probably took place in the "squares of communal eating" mentioned above. The cylinder seal found at Togolok-21 can serve as an illustration to this kind of festivals. Its composition showing a jumping acrobat and a musician playing a big tambourine reflects the atmosphere of joy and entertainment.

The seven killed slaves, seven killed dogs and seven balls found in the course of our excavations in the round tomb seem to be surprisingly linked with these festivals.

FUNERAL RITUALS. The materials of the Margush excavations definitely prove that the local tribes treated the Earth as a "pure nature", just in the same way as modern Zoroastrians do. The funeral rites expressively speak in support of this statement. It is known, that ancient Indo-Iranians buried their dead in the earth, later Indo-Aryans began to cremate the dead and the Iranian Aryans introduced the custom of leaving a corpse in a deserted place where birds of prey (griffins) and specially trained dogs cleaned the flesh from the body of the dead. Still later ossuaries and bone-keepers began to be used. The archaeological excavations at Gonur showed that Margush

people had various types of funeral rites. Rulers buried their relatives in complicated med brick sepultures in which they used a collective way of burial. Besides, there existed the so-called dakhma, or in other words special chambers with collective burials, where probably specially trained dogs and birds of prey like griffins were admitted.

According to ancient Iranian customs members of a ruler's family used to be buried close to the houses where they formerly lived. As B. Litvinsky believes "in the early Zoroastrian times in some cases such constructions as dakhma served for the exposition of dead bodies and in some others – as a place for keeping cleaned bones" (B. Litvinsky, Sedov, 1988, p.113), which seems quite possible.

Rich Margush people were buried in rectangular tombs built like bedrooms which very closely remind us of analogical graves of the Hypogaeum type used in the territory along the middle part of the Euphrates River (necropolis of Tall Tuttul in Syria and others). At the main Gonur necropolis about 50 such tombs were excavated and inside of them sofas, tables and walled cupboards filled by sets of cups had been preserved by the time of excavations (Sarianidi, 2001, figs. 6-9).

These rich tombs were also used for collective burials. Most of them preserved only "bone dust" which remained from the corpses that were replaced in a farther spot of the grave in order to free some place for a new dead. These could have been "temporary tombs" mentioned in the Avesta. Regarding these "temporary tombs" V. Krukova says: "the body was left in the "temporary tomb", which was in fact <....> a chamber" (Krukova, 2005, p.242), the definition that fully corresponds to Gonur chambers (Hypogaeum) and probably to cists. Another variation of tombs for rich were cists that were placed on the ground surface (Strommenger, Kohlmeyer, 1998, p. 51) and always contained good funeral offerings.

The archaeological excavations of the "complex of funeral rituals" in the Gonur palace showed that next to the official entrance to the "complex" was a hole made in the wall which was apparently used for taking the dead out of the "complex".

Remarkably, according to the Avesta, the body of a host or a hostess should be taken out of the house not through the official entrance but through a special hole in the wall. This is another archaeological proof of what was written in the most important source of Zoroastrians, the Avesta.

According to the statistics, the 85% of the dead of the main necropolis of Gonur were buried in the so called “shaft graves”. They were dug in the soil as vertical pits with a sort of a side-chamber dug on the bottom level of the pit. The dead was placed inside this side-chamber on the side, in a crouched position, with the head North-oriented. The entrance into the side-chamber was capped with sun-dried bricks. This type of graves was popular in the Akkadian kingdom, Palestine including. One thing is common for all the tombs: the dead body never directly contacts the earth. The dead is placed in an empty isolated space, often on top of a sand or an ash and garbage layer. In such a way the main task was achieved: the “sinful” decomposing corpse had no direct contact with the “pure nature” of the Earth.

The Avesta contains directions of how to chose the place for a burial. It should be there where “...it is known that there are dogs that eat corpses and birds who eat corpses. Here, with some objects made of metal, stone or horns the Mazda-Yasna people should fix the dead body by his feet or hair and if they do not do this then the dogs who eat corpses would carry the flesh away to water sources and plants” (translation into Russian by V. Krukova). As it was mention above, one funeral chamber of the dakhma type that was excavated in the palace of the royal residence of Gonur may serve as an example to this. There, over ten human skeletons in a chaotic state were discovered. On the floor by the walls of the tomb clear rain spots were found which can testify that either the structure had no roof or probably the roof was made in such a way that not only rain but also dogs and birds could get through it inside the room.

Still more remarkable is the fact that people with some physical or mental disabilities were buried in special pits with the inside walls strongly burnt by fire. Such “burnt burial pits”

(195 in number) were found at the main Gonur necropolis. No doubt this was done with only one purpose: to avoid the contamination of the “pure” nature of the Earth with a decomposing dead body. As V. Krukova rightly notices the fear of the death and contamination linked with it can be traced in all Zoroastrian scripts. The Zoroastrian funeral rites really prove that a corpse had almost no connection with walls or bottom of a grave pit, since the bottom was first covered with some isolation material (sand, ashes, garbage, or plaster) and only after that the dead was lowered into it. As we said most of the dead were buried in this type of “shaft pits” which were not known in Turkmenistan earlier. In the later period ossuaries (or bone-keepers) were used for preserving the “pure” nature of the Earth (for more details see: Krukova, 2005, pp. 241-245). In Margiana not a single ossuaries was found, a proof that at that early period they didn't exist.

“ROYAL” NECROPOLIS OF GONUR

Most tombs at the “royal necropolis” of Gonur were made of brick and represented models of houses with the walls decorated with coloured mosaic frescoes. As it has been mentioned before according to M. Gimbutas this type of tombs in the shape of houses was characteristic of Aryans and their presence at Gonur is remarkable. Some of these tombs (graves ## 3200, 3210, 3880, 3905 and 3915) have large “courts” in front of them. It seems rather clear that the migrated tribes brought the practice of the wall mosaic decorations from their former motherland, mainly from the territory of ancient Syria. One may refer to the palace in Mari the wall frescoes of which had slightly bent mosaic inlays (the register of the wall decoration) that find direct analogies in the Gonur tombs (Sarianidi, 2008, fig. 126).

Remarkably, in both palaces of Mari and Gonur the winged lions were always represented in the same fighting position (Sarianidi, 2008, fig.117, 120-123). Also the similarity is noted in representing the birds of prey, supposedly eagles, at Gonur on the one side, where they were depicted in a heraldic pose

with spread wings and large bent beaks and birds and animals from Mari on the other. The faience sculptural images from the grave chamber #3880 surprisingly remind us of deer's horns from Mari. The analogies mentioned above leave no doubt in the direct link between the Gonur and Mari finds which can most likely explained by their common genetic origin in the Near East.

In the “complex of funeral rituals” in the center of the room #48 with its 12 wall niches there was excavated a shallow hearth in which a slightly burnt brick was placed. Opposite it was a fire-place with traces of light fire. Here one can think of the Zoroastrian funeral rites according to which for three days the body of the dead was accompanied by its soul. They believed that there was a hope “to live up” the dead which meant that they had to take care of the soul and feed it. An ethnographer Jackson notes that Zoroastrians “... usually place three bricks on the spot where the dead has been laying before being taken out of the house” and Sadik Hidayat adds that “when the dead is removed from the room they put a brick on its former place, and on top of it a piece of meat ... and in the morning all this is taken to the grave” (Krukova, 1997, p.222).

Archaeological excavations proved that Aryans believed in a soul-traveler that wandered all over the world after the person's death. In the tombs of Dashli-3 in Afghanistan (Sarianidi, 1976) and in some graves of Gonur there were found clay and stone shoe models, that according to the ancient beliefs a dead would need in his/her after-death travels.

PLATFORMS FOR ANIMAL SLAUGHTERING. We know that Indo-Iranians felt reverential fear and trepidation when killing animals. They never killed them without a sanctifying pray that secured the future life of the animal's soul. The excavations of such classical Temples as Togolok-1 and Togolok-21 revealed small platforms that were laid out with ceramic fragments and potter's slag and had slightly slopping gutters. In both Temples these platforms were not built originally but only at the stage when both of them were abandoned. They were probably “platforms” for animal slaughter and the gut-

ters were used for the blood flow. This may be considered as another proof of the attempt to avoid the direct contact of the animal's blood with the "pure" nature of the Earth.

According to the Avesta it was a crime against the sacrificed animal if its blood would contact the Earth and to avoid this special rituals had to be followed (Boyce, 1987, p.140).

Unfortunately neither the Avesta nor the Vedivdat has any indications as to what part of the sacrificed animal should be allotted to the God. Such instructions contain the manuscripts of the Dead Sea. "From a ram and a lamb for the God (Yahweh) they should allotted the right leg, a chest, jaws, a stomach and a shoulder-blade down to the upper bone of the front leg" (Martinez, 1994, Col. XX, p. 158).

A NASU FLY. Behind one personage is a four-legged monster with a tail that had a small ball on its end. It is being stricken on its neck by a man with a long spear (Contenau, 1922, Pl. XXVIII, # 196). A certain analogy is traced on a copper seal from the Temple of Togolok-21. On its one side is the "Tree of life" flanked with a pair of goats and on the reverse we see a horned animal with four three-fingered legs similar to those on the seal described above. This image brings to mind a known personage from the Avesta, Nasu, a fly of death. Remarkably, as it illustrating the description from the Avesta, on the copper amulet from Togolok the fly attacks the corpses of dead who are laying in a crouched position. Nasu personifies the profanation that is embodied in the dead. For this reason "fire, ritual objects (cups, pressures) and haoma <....> as well as the corpse of the dead should be taken out of the house" (Rak, 1998, p. 275). True to its "harmful essence" four legged Nasu prevents people from fulfilling the ritual of drinking Soma-Haoma.

Probably the people of Gonur believed that the profanation of the Water, Fire and Earth was a great and absolutely intolerable sin. It is obvious that the cults of these substances played the most important role in the beliefs of ancient Margush tribes. If our reasoning is correct then we may believe those the tribes which at the end of the third mil. B.C. arrived at the ancient delta of the Murgab river brought along the beliefs and

rituals that they used to practice in their previous motherland. Separately all these cults were known to many farming and cattle-breeding tribes but only the Indo-Iranian and Aryan tribes practiced all of them together and so expressively.

CULT OF SOMA-HAOMA

Remarkably, out of five excavated temples of Margiana four (Gonur temenos, excavation areas ## 13 and 15 at North Gonur, Togolok-1 and Togolok-21) were used for the production of the cult beverage of Soma-Haoma. In the course of excavations each of these four temples has revealed a complete set of instruments necessary for the production of this beverage. This fact speaks in favour of the great importance and popularity of this ritual drink among ancient Margush tribes.

The cult of Soma-Haoma as well as its ritual use is known to be related to the Indo-European communities. As we know in the beginning of his activity Zoroaster was strongly against the cult of Soma-Haoma, this “sickening drink” but later in the fear of losing his adept she was forced to accept it. Though, according to the opinion of I. Rak these cults and rituals of the Soma-Haoma “...were never persecuted”. Both the Avesta and Rigveda mention that the plant which was used for production of the Soma-Haoma drink grew on foothills of mountains. At present we have many versions as for what plant was used for this beverage. Professor N.R. Meyer-Melikyan from the Moscow State University named after M. Lomonosoff made analyses of some samples from the Gonur temenos and Togolok-1 and Togolok-21 and came to the conclusion that Margush people made this drink using ephedra and hemp (Meyer-Melikyan, 1990; 1998; Meyer-Melikyan, Avetov, 1998). The newcomers obviously were familiar with this beverage in their previous motherland and when they arrived to their new country they discovered on the foothills of the nearby mountains plants that could be used for preparation of this ritual drink and began its production.

At the excavation area #15 of Gonur behind the eastern section of the “encircling wall” there was found a small Temple

of Soma-Haoma, the earliest among other similar temples. In the central room of this small temple several big pithoi were dug into the floor. Thick layers of white gypsum covered the inside of these vessels, obviously to prevent the leakage of the liquid that once was kept in them. The same situation was in the Gonur temenos where thirty similar pithoi, “small baths”, and cups were excavated, all of them also covered inside with thick gypsum layers.

In the Rigveda contrary to the Avesta (which has scarce information on this account) one may find quite a full description of how this ritual drink had been prepared. Remarkably, the objects excavated in Margush make one believe that they were used exactly for this reason. The stems and twigs of ephedra and hemp were very tough and smelled unpleasantly. And hence, at the first stage of the processing these plants were soaked in water, for which purpose big cups, “small baths” and some conical vessels were used, all of them plastered with gypsum layers inside. Since this process was very long and took several weeks, or probably, months and the same vessels were reused many times the gypsum plaster often cracked and crumbled and in order to restore the vessels each time new gypsum layers had to be added. As a result, some grains of the alkaloid plants had been preserved between the gypsum layers and prof. N.R. Meyer-Melikyan made their analyses *in situ*.

The next step was to produce the alkaloid juice. For this, the soft stems and wigs were pressed with the help of special stones that were flat with semi-spherical protrusion in the center (such stones were found at the Gonur temenos). After that the juice had to be rectified and they filtered it through the layers of sheep wool that was placed at the bottom of special strainers. At the Gonur temenos about ten such intact (or almost intact) vessels were found (Sarianidi, 2008, fig. 200). After straining, the juice was mixed with water, milk (soar milk as well), and barley corn for the sake of fermentation.

The soaking of plants took place in special, the so called “white rooms” that were excavated at the temples of Togolok-1 and Togolok-21. There were found “ceramic stands” which were

placed under small vessels used for the ready-made juice. Thus, for the first time in the archaeological practice at the temples of Margiana a complete set of objects necessary for preparation of Soma-Haoma was found.

The Soma (in the Rigveda) and Haoma (in the Avesta) had a triune image (a drink, plant and deity). Speaking of Soma-Haoma it is important to notice that “among Iranian deities there hardly could be find any other deity whose descriptions in the Iranian and Indian tradition would coincide so much, as is the case of the Avestian Hoama and Vedic Soma” (Dresden, 1977, p. 351).

The Soma-Haoma drink was used for ritual libations and in no case for every-day drinking. Engraved drawings on numerous stone amulets from Bactria and Margiana show personages who drink some liquid through long thin pipes. Two similar copper pipes with small perforations on their blind ends, about 40 cm long were found among funeral gifts at the main necropolis of Gonur. In this connection one can recall a composition on the Syro-Hettite seal where two personages with braids are sitting opposite each other and drinking some beverage through long pipes. The use of pipes makes one suppose that this was not an ordinary but toning up drink probably of the Soma-Haoma type.

CULT VESSELS

It is a known fact that the bulk of archaeological finds consists of ceramics. Among this ceramic mass there are found some unique items that attract special attention of scholars. Thus, the funeral objects of the Gonur necropolis contain one vessel made in the form of a “ring bagel”, in fact it is a ring with a modeled neck, a bottom and a handle. Remarkably, this vessel is unique not only among the finds of Margiana but is found nowhere else in the whole area of Middle Asia. Still among ritual vessels of Anatolia (2500-2000 B.C.) such form is rather common. Another exceptionally interesting vessel of the similar form comes from Syria and dates back to 3500-3000 B.C. E.

Strommenger believes that it is a unique object and that during cult ceremonies it was used for libations (Strommenger, 1985, p. 114, fig. 33). Probably it is not accidental that similar vessels were found in the Kikladhes and neighbouring Egypt. Also we cannot but mention the find at the Gonur necropolis of four small goblets with figured crimped rims “pulled” outside which closely resemble the analogous ones (but with handles) from Anatolia, for example, such as those from Kanesh and Alishar where they “...are rather often found in burials”. Now let us go back to ritual vessels used for cult libations at Margiana.

We can imagine how the ready-made juice was poured into ritual vessels decorated with sculptured friezes that represented people, animals and birds. One cup attracts our special attention due to two personages that took the central place on its sculptured frieze. One of them, a clearly male figure, holds a baby in his arms. The composition reminds us of a myth from the Rigveda which says that the God of Thunder takes their baby from his wife and lifts him up to the sky where he announces him the god of Soma-Haoma. Also, another similar ritual vessel with a sculptured frieze along the rim comes from the Temple Togolok-1 and contains five miniature vessels which were used for keeping the juice. Another type of ritual cups used for libations consists of vessels with pipe-like spouts in the form of horned bull’s or cow’s heads with modeled almond eyes and bent horns.

The production technique and the general style of these vessels closely remind us of those from Asia Minor. Most of them are decorated with a central tree flanked with a pair of goats who in some cases stand on their hind legs. Modeled frogs and snakes that are coiling and trying to reach the rims of vessels are found inside of some cups. Here one can’t but remember the myth from the Avesta which speaks about the sea of the universe – the Varukasha ocean in the centre of which stands the world’s tree or the “Tree of all seeds”. As the myth says, frogs and other reptiles tried to reach and gnaw the roots of this tree but the Kara fish was on guard and drove them away. The excavations of the Temples Togolok-1 and Togolok-21

revealed sculptured figures of fish and spread frogs (parts of ritual cups) as well as bone pipes with images of these reptiles used for drinking the juice. There is no doubt that all these objects in their own way were connected with the cult of Soma-Haoma.

RITUAL BURIALS OF ANIMALS. Archaeological excavations at Margiana revealed burials of different domesticated animals, such as stallions, lamb, goats, dogs. Among them the ‘burial of a lamb’ stands out (Sarianidi, 1966, p. 33-48). The burial took place at North Gonur at the time of its almost complete abundance. Remarkably, not a single burial of a camel was found. The camel bones were excavated only in royal burials where they had apparently been placed for securing a comfortable life of the dead in the after-death world. Probably, for the first time in their life the newcomers saw camels only here, in the ancient delta of the Murgab river. Sheep and goats with symbols of high military rank found in the tombs may indicate the important role they played in the life of the inhabitants of Margiana (N. Dubova supposes even practice of human sacrifices, f.ex. in the tomb 3310).

Among about fifty burials of animals excavated at Gonur only a few contain skeletons of young horses. Here we should note that none reliable evidence of a presence of a horse in Turkmenistan before coming here (including the Murgab delta) BMAC people has been found. Two types of animal burials were registered at Gonur. The first type represents burials in which animals were buried in a human position (on the right side, in a crouched position with bent extremities, and North-oriented head). All these burials contained funeral gifts (for more details see: Dubova, 2008; Sarianidi, Dubova, 2007, 2008; Sataev, 2008, 2008a). The second type includes burials of sheep, goats, dogs, calves, horses placed by the feet of the dead human beings. In case when the animals were buried in separate graves they were always situated in the direct vicinity of a cist. According to N. Dubova almost all animal graves had funeral gifts in the form of one or two vessels with remains of funeral food in them.

Using the methods of molecular biology most scholars came to the conclusion that a horse was most probably domesticated in different places in the interval between 9000 and 2000 B.C. (Ivanov, 2004, p. 48-50). At present the ritual burial of a domesticated horse with a chariot of Sintashta culture is considered to be the earliest, but the intact skeleton of a foal from the royal burial #3200 at Gonur may also claim for such a definition. Rather representative are the images of chariots on the seals from Kanesh (Asia Minor) and also the role of a horse is highly praised in the ancient Hittite and Libyan texts where the deity Pirva is shown horse riding. The eastern part of Asia Minor, ancient Syria including, may be considered the most appropriate center of a domestication of a horse. No doubt, for the period it was a real revolution that influenced greatly the further movement of tribes.

Though it is not yet proved but we believe that Aryans or in other words Indo-Iranians were those tribes which after learning the skill of horse riding started their expeditions in the eastern direction in search of new lands. Remarkably, the wheels of carts (consisted of three plates) made in Bactria and Margiana were found in the royal tombs of Gonur and surprisingly remind us of the analogous wheels depicted on the Akkadian mosaics. In other words, we believe that the skill of horse breeding appeared not in the North of Middle Asia but in its Southern areas. The roots of the horse breeding go farther to Aryan Mitanni and generally to the Near Eastern world. Academician Vyach. Ivanov quite rightly says: "At the time when Greeks occupied West Anatolia, in East Anatolia one may suggest the location of Aryans" (Ivanov, 2004, p. 54). The present archaeological finds of the Asian Minor type of objects made in faraway Margiana confirm this point of view.

SAKA-HAUMAVARGA. In the Achaemenid inscriptions all Scythians are called "Saka" but among them Saka-haumavarga (which literally means – those who honour or produce haoma) stand out. Academicians V. Struve and M. Dandamaev proved that Greek called those Scythians – "Amyurgioidi" and

suspected that they lived in the ancient delta of the Murgab river and had close contacts with the Margiana tribes. This is proved by the finds of modeled and usually ornamented ridged ceramics which was excavated in the tower complex of the Gonur temenos that was related to the production of Soma-Haoma. The supposed contacts between Saka-Amyurgioi and the ancient Margush tribes could exist in the period not earlier than the middle of the second mil. B.C. One may suggest that these were trade contacts limited only to the distribution of the Soma-Haoma beverage. Single settlements of Saka were located in the outskirts of Gonur. The finds in the so called “tower complex” of the Gonur temenos in the latest period of its life represent an outstanding interest (Sarianidi, 1989, fig. 11). On the floor of one of its rooms there were excavated an almost intact pithos, three stone grinders, a half of a “miniature column” as well as an intact handmade vessel of the Andronovo type and a bone pipe with an engraved facial image (for more details see: Sarianidi, 1989). The Saka Amyurgioi seemed to live on the East of the Middle Asia and based on the phonetic peculiarities of their language one may believe that they occupied the area not far from the ancient Murgab river. Besides, Herodotus and Ktesius speak both of Amyurgioi and Bactrians, another proof that the area of their inhabitation was not far from Margiana.

Though Academician B. Litvinsky and I. Piankoff say that it is “difficult to determine the proper correlation between ‘Amyrgioi Scythians’ and ‘Saka’” still they note that “Saka were the first among the Scythian tribes whom Persians met”. In the end of their research they come to the conclusion that Saka-Haumavarga were the Amyrgioi of the Greek authors and that they really lived on the East of the Middle Asia (Litvinsky, 1960, p. 91-96; Piankoff, 1968, p. 14-16) and more precisely along the banks of the ancient Murgab river (Cattani, 2004, p. 303-347). This means that nomads played an active role in the life of the Margiana tribes and that this happened only at the later stage of the existence of Margiana, in the second half of the second mil. B.C.

MARBLE BULL'S HEAD. During the excavations of the Temple Togolok-21 on the floor of the room # 32a marble head of a bull was found. It had holes for inserting horns which were supposedly made of some other stone (lazuli, carnelian?) or perhaps gold, that unfortunately have not been preserved. The neck bottom was brightly polished and along the edge three holes were made for fixing the head to the top of a mace. This type of maces are still used by modern Zoroastrian priests during the communication of young people to the Zoroastrian religion (Boyce, 2003, p. 288).

SEALS AND AMULETS FROM BACTRIA AND MARGIANA

The glyptics and sphragistics of Bactria and Margiana play an important role in the art of the Near East. Stone amulets with images of different animals (fantastic ones including) attract our utmost attention. They often have either images of peaceful snakes or on the contrary malicious snake-dragons with their heads always trying to reach the hind legs of birds and animals. Prof. P. Amiet absolutely rightly describes this movement as a “phallic symbolism”, the idea of stealing the “semen of life” that was responsible for the continuation of life on the earth. The snake-dragons are depicted with widely open jaws, malicious eyes, often with wings and a horn on the nose. The fight of animals reflects the general idea of the fight between the God and Evil, which as we know is the basic idea in the dualistic philosophy of Zoroastrians.

The rich collection of ancient seals and amulets from Margiana and Bactria boasts one cylinder seal from a tomb at the settlement Togolok-1. A festive composition engraved on it represents people with monkey heads (except the one with a bull's head). In the centre of the composition two personages hold a pole for an acrobat to jump over it and behind him a musician is sitting on the ground and playing a big tambourine. In the upper part of this seal is a deity with two scepters decorated with balls, a symbol of “stability” (for more details see: Sarianidi,

1989a) and in front of him is a dog, or more precisely a wolf who is running away.

Remarkably, such compositions that consist of a pair of seated (more rarely, standing on their hind legs) goats that flank a tree or a pair of human beings that hold scepters with balls are most frequently found in the Syro-Hittite glyptics (Schaeffer-Forrer, 1983, Pl. XXXIV, # 12, 14, 15; Contenau, 1922, Pl. XXX, N 201, 205, Pl. XXXIV, # 240, 241, Pl. XXXVII), which is not accidental.

Scholars have already noticed that anthropomorphic personages with animal heads are characteristic of the Syro-Hittite art, while deities with birds' heads were widely popular in the art of Margiana and Bactria. On the discussed cylinder seal from Margiana, only a dog (or a wolf) reflects its local prototype while the rest images have clear Syro-Hittite analogies. One should bear in mind that "scepters with balls" definitely express the Mitanni emblems (E. Porada, H. Frankfort), while B. Brentjes spoke of the link between "Bactrian bronze" and the Mitanni art. In this connection one should mention that in the Syro-Mitannian-Anatolian glyptics the composition typical of the Margiana vessels was rather widely spread, we mean the one that shows a pair of goats flanking the "Tree of the World" (Schaeffer-Forrer, 1983, Pl. XXVI). The similarity is so striking that leaves no doubt in the analogies between the images on the Margiana and Mitannian seals. Cylinder seals from this region are often decorated with compositions that reflect a pair of seated men who both held one scepter with five balls (Schaeffer-Forrer, 1983, p. 142, 152, 156). Also there are single Bactrian seals that show kneeling personages with birds' heads decorated with toothed crests, one of their hands is raised and the other is lowered. These personages are always accompanied with crawling snakes. The Margiana cylinder seal under discussion very clearly shows that Aryans from Mitanni played a very important role in the development of the Bactria and Margiana art. The Syro-Hittite compositions have very characteristic images of kneeling personages, where one of two knees is always bent and pointed upwards (Schaeffer-Forrer, 1983, p.

31 i, k, m) and this position to a certain extent reminds us of the Indian statuettes with a bent and pointed up knee. Also one should add that the Bactria and Margiana pantheon consists of anthropomorphic deities who either have wings instead of arms or are encircled with birds of prey and animals, and bring to mind the Syro-Anatolian deities.

KERSASPA. A small group of Margiana amulets has images of one personage who closely reminds us of a hero from an ancient Iranian epos, “the greatest hero of the Avesta”, Kersaspa. M. Boyce describes him in such a way: “his bent hair stick up and he has a malicious look of an animal” (Boyce, 1989, p. 97). On the rare Bactria and Margiana amulets the similar images of Kersaspa have a characteristic hair-do, long whiskers and malicious goggled eyes. Since such amulets were found in both countries, Bactria and Margiana, we may say that the same ancient epic stories were popular in these historic areas. In the Avesta they honour him like a hero who wins the numerous enemies of the mankind (including such big ones as horses).

VARA

Vara (settlement) mentioned in the Avesta was traditionally considered a four-sided settlement until the time when professors B. Brentjes and K. Yettmar each in his independent way came to the conclusion that it was a round ensemble. The new interpretation of the Avesta done by Academician I. Steblin-Kamensky confirms this conclusion. Vara was a round structure encircled with three round walls. The first wall had nine passages, the second – six and the last one – three. This description of Vara surprisingly reminds us of the structure at the Bactrian settlement Dashli-3 (North Afghanistan) that was also surrounded with three round walls with nine and six passages accordingly and the last inner wall had three passages (Sarianidi, 1977). Professor J. Tucci thinks that another building located next to the round Temple Dashli-3 with its T-shaped corridors on each of its four sides amazingly reminds us of an ancient Indian mandala where coronation of Indo-Iranian rulers took place.

'KIOSK'.

We have a good example of contacts between Margiana and the ancient civilization of the Indus Valley. To the West of the main entrance to the Gonur palace there was excavated a small mini-complex of several rooms (## 115, 129-132, 110, 133) which were connected by common passages. The central among them was the room #115. It was a large room carefully plastered with clay and decorated with ten “blind windows” (Sarianidi, 2005, p. 116) and unusual “corner stands”. Between these “stands” there were no walls and they were connected only by wide low platforms with centrally located columns. Such constructions (kiosks – rooms without walls) were so far unknown in the Near East. The single analogy of this is the room XXIII in Mohendjo Daro that contrary to the opinion of professor Marshall two Indian archaeologists M. Dhavalikar and S. Atre convincingly determine as the temple of Fire (Dhavalikar, Atre, 1989, p. 196).

CONTACTS WITH ANCIENT INDIA

In the course of the last archeological excavations quite a number of Bactria and Margiana items were found in the Indian subcontinent and primarily in the Late Harappa layers (G. Possehl, R. Medow). For example, R. Medow excavated a cap or a wig from a stone composite statuette. At the same time in Margiana there were found ivory objects and images of kneeled steatite statuettes with one knee pointed up. Also in Margiana archaeologists found ornamented hair combs, handles of a dagger, various plates made of ivory, as well as a fragment of an elephant's tusk. In the rich tombs (and only there), were found the so called “game boards” divided by small ivory sticks into squares, as well as ornamented square and round game counters, and “game sticks” for the “game boards”, and many decorative pieces made of elephant's tusk that could reach Margiana only from faraway India (G. Possehl believes that Bactrians traveled to India). Finally, in one tomb of the main Gonur

necropolis was found a cylinder seal from Mesopotamia with a badly preserved inscription, while in the excavated area 9 a typical Harappian seal with clear Harappian inscription was found. All this proves the existence of intensive mutual contacts between these two ancient countries far before the supposed “Aryan invasion”. We may suppose rather brisk trade among these two historic regions.

CONCLUSION

Let us sum up the basic issues of the present article. The Zoroastrian religion is known to be practiced for over a thousand years in the Near and Middle Asia and its main ideas were later adopted by Judaism, Christianity and Islam. At present small Zoroastrian communities live in India and Iran. The first information on Zoroastrianism reached Europeans when this religion has already been very old. Our knowledge of the period before the birth of Zoroaster which can be named proto-Zoroastrian or early-Zoroastrian was very limited or practically equal to zero. The archaeological excavations in Margiana have provided us with the knowledge of certain rituals, customs, rites that could have become the basis for the future Zoroastrian religion. The long work in Margiana proved that the tribes of this country worshipped Fire, Water and Earth. The tribes that inhabited these areas had complicated cults of sacred animals, sheep and domesticated horses in particular (see above). Fire played an important role in the rituals of many ancient peoples of the world. From the very first days of agricultural farming the Earth was considered sacred and even nowadays in some remote places of the world the people worship it. Separately all these “pure natures” were worshipped in different places but it is remarkable that only here, in Margiana and Bactria, more precisely at one of its most significant monuments at Gonur, all three of them were worshipped with an even respect and care. The same is true regarding the worship of the Soma-Haoma drink and the plant used for its production. Later, the same substances were worshipped in the first world religion, Zoro-

astrianism, and based on this we dare call the period under discussion the proto- or early-Zoroastrianism.

As we see, the material culture unites the population of a huge area that includes the Near and Middle Asia down to Shadad and Hissar in Eastern Iran, Southern Turkmenistan including Margiana down to Qwetta and Merhgar-Sibri in Baluchistan. This is an indisputable indication of great migration processes that embraced this large area in the period of Ur-III and Akkadian kingdom.

It is important that the sensational discoveries in the basin of the Tarim river in China made the big specialist on the Aryan problem Prof. J. Mallory come to the conclusion: "BMAC is a strong candidate for the culture of early Indo-Iranians and can be associated with the main language group that we met in the Tarim basin" (Mallory, Mair, 2000, p. 305). The truth of this supposition may be proved by the "Fergana treasury" and particularly by the "weight" decorated with a pair of crawling snakes that was found among its objects. Besides, in China at the Yanbulak settlement there were found ancient burials with the dead in crouched position placed in stone cists, that according to some American archaeologists reminds us of Bactrian burials in stone cists. We have a reason to believe that future archaeological excavations in Northern China will provide us with new facts of the farther movement of Indo-Aryans up to the Tarim basin and probably even farther.

On the present stage the majority of scholars are strongly against our supposition that Margush tribes were Indo-Iranians and that they appeared in the ancient delta of the Murgab river from their Near Eastern motherland, from Asia Minor more precisely. Still one should bear in mind that all outstanding finds of Gonur, dozens in number, have strong Akkadian and Elam influence. The Mesopotamian and Harappan seals excavated at Gonur leave no doubt in the existence of cultural and trade contacts with the Near Asia and India but in no way with the nomads of Eurasia. The first Saka-Haumavarga (or Amyrgioi) famous for their production and use of the Soma-

Haoma beverage appeared on the banks of the Murgab river in the middle of the second mil. B.C.

A well known linguist A. Lubotsky familiar with the latest materials from Margiana supports the widely accepted theory that Aryans were those Andronovo tribes of nomads and cattle-breeders who appeared on the banks of the Murgab in the period no earlier (a very important note!) than the middle of the second mil. B.C. According to archaeological data these Andronovo tribes that roamed from place to place in the vicinity of Gonur were at that time already known for their use of the Soma-Haoma beverage, hence their name “Saka – who cooked Haoma”. They were on peaceful terms with the people of Gonur and lived in their earth-houses looking enviously at the monumental architecture of Gonur with its palace and numerous temples.

There are two mutually excluding linguistic theories. According to one of them Aryans were those cattle-breeding Indo-Iranian (Andronovo) tribes who lived in the North of the Middle Asia, while according to the other theory these could be Bactrian and Margiana settled farmers or in other words, BMAC. Andronovo tribes lived in steppes, mainly bred horses and cattle, used chariots and farming that played a comparatively insignificant role in their lives (Sarianidi, 1989, fig. 11). At the same time beginning with the period of Tahirbai-3 that dates to the end of the second mil. B.C. in Margiana there were found many fragments of handmade ceramics and even houses of nomadic settlements. In other words the Gonur tribes in a certain way “missed” the Tahirbai people and Andronovo tribes appeared on the banks of the Murgab river at the time when the life at Gonur fell into decay. A. Lubotsky says: “...the language of the native population of Pakistan and that of Bactria and Margiana tribes are closely related. Perhaps, the founders of Gonur were from Pakistan, this supposition unexpectedly finds its support in anthropology and archaeology” (Lubotsky, 2010, c. 22).

On the other hand there is an opinion of our big specialist academician Vyach. Ivanov who supposes the existence of

Asian Minor areal of horse-breeding on the eve of the third-second mil. B.C. and he writes: "...one may see the results of the supposed migration on the North – in Sintashta-Arkaim, and on the South – in Margiana". He continues: "But irrespectively of the place of origin of this innovation the Indo-Europeans quickly and successfully adopted it" (Ivanov, 2004, p.51). Those who came to the delta of the Murgab river (irrespectively of their origin) were those Aryans who created the Margiana civilization with its highly developed culture and art. Further on, this prominent scholar notes: "On the eve of the third-second mil. B.C. some achievements of Indo-Europeans began to spread with fast speed from their supposed motherland" (Ivanov, 2004), which as we believe was located in the regions (Ebla, Urkesh, Kanish) that grouped around the Asian Minor and generally in the Anatolian area.

According to the opinion of A. Lubotsky Aryans were "nomads – cattle-breeders" <...>, they had dozens words related to horses, harness, carts, different definitions of cattle and at the same time very limited farming terminology <...> while such words as "palace" and "temple" did not exist at all. <...> Aryans were not in the state to build a city of Gonur type <...>, they simply didn't need it". On the other hand one may agree with Academician Vyach. Ivanov who says that "Linguistic identity of names and rituals mentioned in the Avesta and Rigveda leaves no doubt that the use of this drink (Soma-Haoma) was in the center of the basic religious rituals already in the early Aryan period" and Margiana with its four Temples of Soma-Haoma is the best illustration to this." They "can be interpreted as markers of the migration of Indo-Iranians. This is a special meaning of the late discoveries <...> in Margiana" (Ivanov, 2004, p. 56).

Summing up we may say that the excavations in Margiana showed the highest level of culture, art, architecture, craftsmanship of the ancient people who inhabited it. Based on the obtained material we may conclude that almost four thousand years ago life was flourishing here and that a highly developed center of the world civilization of the Eastern type was located

in the deserted territory of modern Turkmenistan, precisely in Margiana. The creators of this civilization had common ideological and religious dogmata that with a certain confidence we may call proto-Zoroastrian or early-Zoroastrian ones. On the basis of these or similar to them traditions, rituals and beliefs in a much later period the Zoroastrianism could have been born. In future scholars and researchers of the ancient country of Margush should clear up many dark spots in the history of the origin of the Zoroastrianism and would study its roots. In the conclusion let us remember what an outstanding English archaeologist Gordon Child wrote in his book “Aryans” over half a century ago: “Archaeology and anthropology may shed bright light on the earlier stages of this process; it may define those material resources that influenced the origin of some cultures and helped them achieve the flourishing stage, as well as determine the direction of trade routes and migration of population that assisted their growth” (Child, 2008, p.11-12).

БИБЛИОГРАФИЯ

ВІВЛІОГРАФІЯ

Абдуллаев К. Культ Хаомы в древней Центральной Азии. [Abdullaev K. Naoma cult in the ancient Central Asia. Samarkand]. Самарканд, 2009.

Атлас. Всеобщая история. Древний мир. [Atlas. General history. Ancient world.] М.: Дизайн. Информация. 2009.

Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе. [Babakov O., Rykushina G.V., Dubova N.A., Vasiliev S.V., Pestryakov A.P., Khodjayov T.K. Human skeletal remains of the necropolis of Gonur-Depe] // Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. [Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur and Iranian paganism]. М., 2001. С. 105-132; 219-240.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. [Boyse M. Zoroastrians: believes and customs]. М., 2003.

Васильев С.В., Бабаков О., Боруцкая С.Б., Савинецкий А.Б. Антропологическое исследование погребений с обожженными стенками Гонурского некрополя (Туркменистан) [Vasiliev S.V., Babakov O., Boruzkaya S.B., Savinetski A.B. Anthropological study of the burials with the burnt walls] // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН [Field investigations of the Institute of ethnology and anthropology RAS]. М., 2001. С. 7-19.

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана [Dandamaev M.A., Lukonin V.G. Culture and economy of the ancient Iran]. М., 1980.

Древнеегипетский храм в Телль Ибрагим Аваде: раскопки и открытия в дельте Нила [Ancient Egyptian temple in Tell Ibrahim Avad: excavations and discoveries in the Nile delta]. М., 2002.

Дрезден М. Мифология древнего Ирана [Dresden M. Mythology of the ancient Iran] / Пер. с англ. Предисл. И.М. Дьяконова. М., 1977.

Дубова Н.А. Погребения животных на известном памятнике эпохи бронзы Гонур-Депе, Туркменистан [Dubova N.A.

Animals burials at the famous Bronze Age site Gonur Depe, Turkmenistan] // Культура номадов Центральной Азии. Материалы международной конференции. Самарканд, 22-24 ноября 2007 г. [Nomadic culture of Central Asia. Materials of the International conference. Samarkand, 22-24 November 2007]. Самарканд, 2008. С. 84-97.

Иванов Вяч. Вс. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока [Ivanov Vyach. V. Twenty years later. About arguments in favour of moving of Indo-European dialects carriers from the ancient Near East] // У истоков цивилизации [Near the sources of civilization. A volume in honor of the 75th-anniversary of Victor Sarianidi] \ М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова (Ред.). М., 2004. С. 41-67.

История Древнего Востока. [History of the Ancient East]. М., 1998.

Крюкова В.Ю. Зороастризм. [Kryukova V.Yu. Zoroastrianism.] СПб., 2005.

Литвинский Б.А. «Саки, которые за Согдом» [Litvinski B.A. "Saka, who are behind Sogd"] // Известия Академии наук Таджикистана. Институт истории, археологии и этнографии. Т. 120. Душанбе, 1960. [News of Academy of sciences of Tajikistan. Institute of history, archaeology and ethnography. Vol. 120. Dushanbe]. С. 91-96

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. [Litvinski B.A., Pichikyan I.R. Ellenistic temple of Oxus in Bactria. (South Tajikistan). Vol. 1]. М., 2000.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах. Культура и ритуалы Кушанской Бактрии. [Litvinski B.A., Sedov A.V. Cults and rituals of Kushan Bactria]. М., 1983.

Лубоцкий А. Кто были жители Гонура, и на каком языке они говорили? [Lubotsky A. Who where the Gonur inhabitants and what language did they speak?] // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3. [On the track of the opening of the civilization. The volume in honor of 80 anniversary of Victor Sarianidi. Transactions of Margiana archaeological expedition. Vol. 3]. СПб, 2010. С. 18-22.

Мейер-Меликян Н.Р. Определение растительных остатков из Тоголок-21 [Mejer-Melikyan N. Analysis of plants' remains from Togolok-21] // Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш.

[Sarianidi V. Antiquity of Margush country. Ashgabad]. Ашхабад, 1990. С. 203-205.

Пьянков И.В. Саки: содержание понятия [P'yankov I.V. Saka: concept maintenance] // Известия академии наук Таджикистана. [News of Academy of sciences of Tajikistan]. № 3(53). Dushanbe, 1968. P. 12-19.

Рак И.В. Авеста в русских переводах. [Rak. I.V. Avesta in Russian translations]. СПб., 1997.

Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Иран. [Rak. I.V. Myths of Ancient and Medieval Iran]. СПб., 1998.

Руф Квинт Курций. История Александра Македонского. [Rufus Q.C. Historia Alexandri Magni]. М., 1993.

Сарианиди В.И. Исследование археологических памятников Дашлейского оазиса [Sarianidi V. Studying of the archaeological sites of Dashly oasis] // Ancient Bactria. М., 1976.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. [Sarianidi V. Ancient agriculturalists of Afghanistan]. М., 1977.

Сарианиди В.И. Храм огнепоклонников в сердце Каракумов [Sarianidi V. Temple of Fire-worshippers in the heart of Karakum desert] // Памятники Туркменистана. [Monuments of Turkmenistan]. 1989. № 1(47). С. 13-15.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш [Sarianidi V. Antiquity of Margush country]. Ашхабад, 1990.

Сарианиди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане, и проблема происхождения зороастризма. [Sarianidi V. Protozoroastrian temple in Margiana and problem of Zoroastrianism origin] // ВДИ [VDI]. 1998. № 1. С. 152-169.

Сарианиди В.И. Позднебактрийские печати из коллекции Рона Гарнера [Sarianidi V. Late Bactrian seals from the collection of Ron Garner] // КЦ [Cultural values] 1996. СПб., 1998а. С. 181-184.

Сарианиди В.И. Сиро-хеттское происхождение Бактрийско-маргианской глиптики [Sarianidi V. Syria-Hittite origin of Bactria-Margiana glyptic] // ВДИ [VDI]. 1999. № 1. С. 53-73.

Сарианиди В.И. Некрополь Гонур-депе и иранское язычество [Sarianidi V. Necropolis of Gonur and Iranian paganism]. М: Мир-Медия, 2001.

Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб [Sarianidi W. Margush. Ancient Oriental Kingdom in the ancient Murgab delta]. Ашхабад, 2002.

Сарианиди В.И. Страна Маргуш открывает свои тайны. Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура [Sarianidi V. Margush

country opens its mysteries. Palace-cult ensemble of the North Gonur] // У истоков цивилизации. Сборник статей в честь 75-летия В.И. Сарияниди. [Near the sources of civilization. A volume in honor of the 75th-anniversary of Victor Sarianidi] \ М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова (Ред.). М., 2004. С. 229-253.

Сарияниди В.И. Гонур Деде. Город царей и богов. [Sarianidi W. Gonur Depe. A city of Kings and Gods]. Ашхабад, 2005.

Сарияниди В.И. Туркменистан – центрально-азиатский очаг древневосточной цивилизации [Sarianidi V. Turkmenistan as a Central Asian center of ancient oriental civilization] // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. [Ancient Margiana is a new centre of the world civilization]. Ашхабад, 2006. С. 151-168.

Сарияниди В.И. Археологические доказательства протозооастризма в Бактрии и Маргиане [Sarianidi V. Archaeological evidences of Protozoroastrians in Bactria and Margiana] // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. [Transactions of Margiana archaeological expedition. Vol. 2]. М., 2008. С. 9-27.

Сарияниди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. [Sarianidi W. Margush. Mystery and True of the Great culture]. Ашхабад, 2008а.

Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Лошадь в Центральной Азии у земледельцев эпохи бронзы: новые находки на Гонур Деде (Туркменистан) [Sarianidi V., Dubova N. A horse in the Central Asia among the Bronze Age agriculturalists: new discoveries at Gonur Depe (Turkmenistan)] // The ethnohistory and archaeology of Northern Eurasia: theory, methods and practice. Irkutsk, 2007. P. 224-233.

Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур Деде (раскоп 16). Приложение 1 [Sarianidi V., Dubova N. Archaeological works at the south-western hill of Gonur Depe (Area 16). Attachment 1] // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. [Transactions of Margiana archaeological expedition. Vol. 2]. М., 2008. С. 50-60.

Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Роль эквид и других животных в жизни земледельческого населения юга Туркменистана (на примере памятника конца III тыс. до н.э. Гонур Деде) [Sarianidi V., Dubova N. A role of equids and other animals, which they play among the agriculturalists of the South of Turkmenistan (case of the site of the end of III mil. B.C. Gonur Depe)] // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Всероссийская научная конференция. [Ancient and Medieval nomads of the Central Asia. All-Russia scientific conference]. Барнаул, 2008. С. 149-152.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура. (Предварительное сообщение) [Sarianidi V., Dubova N. New sepultures on the territory of Gonur royal necropolis. (Preliminary report)] // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3. [On the track of the opening of the civilization. The volume in honor of 80 anniversary of Victor Sarianidi. Transactions of Margiana archaeological expedition. Vol. 3]. СПб-М., 2010. С. 144-171.

Сатаев Р.М. Животные из раскопок городища Гонур Деде [Sataev R. Animals from the Gonur Depe excavations] // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. [Transactions of Margiana archaeological expedition. Vol. 2]. М., 2008. С. 138-142.

Сатаев Р.М. Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур Деде [Sataev R. Animals in the household and rituals of the ancient population of Gonur Depe] // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. [Transactions of Margiana archaeological expedition. Vol. 2]. М., 2008а. С. 143-160.

Святой Лалыш. Храм езидов. [Holi Lalish. The Temple of Yezidians]. Челябинск, 2008.

Чайлд Г. Арийцы. Основатели Европейской цивилизации. [Child G. Arians. The founders of European civilization]. М., 2008.

Bietak M. Avaris. Wien, 1996.

Boyce M. A history of Zoroastrianism. Vol. 1-3. Leiden / Koeln, 1975, 1982, 1989.

The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana lowland. Facts and methodological proposals for a redefinition of the research strategy (The Archaeological map of the Murgjab Delta. Studies and reports \ Gubaev A., Koshelenko G.A., Tosi M. (Series Eds.). Vol. II) \ Salvatori S., Tosi M. with the collaboration of B. Cerasetti (Eds.). BAR International Series 1806. Archeopress, 2008.

Cattani M. Margiana at the end of Bronze Age and beginning of Iron Age // У истоков цивилизации. Сборник статей в честь 75-летия В.И. Сарианиди. [Near the sources of civilization. A volume in honor of the 75th-anniversary of Victor Sarianidi]. М., 2004. P. 303-315.

Contenau G. La glyptique Syro-Hittite. P., 1922.

Dhavalicar M., Atre S. The Fire Cult and Virgin Sacrifice. Some Harappan Rituals // Old Problems and New Perspectives in the Archaeology of South Asia. 1989.

Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens, 2007. P. 296-329.

Frankfort H.-P. L'art de l'Âge du Bronze (2300-1700 av. J.-C. env.) // Frankfort H.-P. Et al. L'art d'Afghanistan, de la préhistoire à nos jours (Actes d'une journée d'étude, UNESCO, 11 mars 2005). Paris, 2006. P. 17-30

Mallory J.P., Mair V.M. The Tarim mummies: ancient China and the mystery of the earliest peoples from the West. L., 2000.

Martinez F.G. The Dead Sea Scrolls Translated: The Qumran Texts in English. (Translated from Spanish into English by Wilfred G.E. Watson). Leiden, 1994.

Meyer-Melikyan N.R. Analysis of floral remains from Togolok 21 // Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998. P. 178-179.

Meyer-Melikyan N.R., Avetov N.A. Analysis of floral remains in the ceramic vessel from the Gonur temenos // Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998. P. 176-177.

Modi J. The Religious Ceremonies and Customs of the Parses. L., 1932.

Parrot A. Les Temples d'Ishtar at de Ninni-Zaza // Mission Archeologique de Mari. Paris, 1967.

Parrot A. Sumer. Paris: Gallimard, 2006.

Sarianidi V. The Biblical lamb and the funeral rites of Margiana and Bactria // Mesopotamia. 1996. Vol. XXXI. P. 33-48.

Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M., 1998. 335 p., 1802 fig.

Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens, 2007.

Schaeffer-Forrer C.F.-A. Corpus des cylindres- sceaux de Ras Shamra-Ugarit et d'Enkomi-Alasia. P., 1983.

Strommenger E. In „Ebla and Damascus“ \ H.Weiss (Ed.). Washington, 1985.

Strommenger E., Kohlmeier K. Tall bi'a Tuttul. Saarbrücken, 1998.

Woolley Ch.L. Alalakh, an account of the excavations at Tell Atchana in the Hatay. Society of Antiquaries. L., 1955.

Научное издание

Виктор Иванович Сарияниди

ЗАДОЛГО ДО ЗАРАТУШТРЫ
(Археологические доказательства протозороастризма
в Бактрии и Маргиане)

Под общей редакцией Надежды Анатольевны Дубовой

200 с., илл.

Москва, Старый сад, 2010

ООО Старый сад

ISBN 5-89930-133-3

На первой странице обложки: слева сверху – Зороастрийский храм в г. Тегеран (Иран, 2009 г.); рядом – аксонометрии «белых комнат», где шел процесс приготовления тонизирующего напитка Сомы-Хаома на Тоголок-1 и 21. Снизу в центре – керамический культовый сосуд из храма Тоголок-1 и рядом с ним – фрагменты культовых сосудов с наклепными фигурками змей и лягушек из разграбленных могил Бактрии. Слева внизу – серебряная воронка-ситечко из царской гробницы 3220. По краям – костяные трубочки с гравированными изображениями увеличенных глаз для питья Сомы-Хаомы, найденные в храмах, посвященных этому напитку на Тоголок-21и Гонуре.

На четвертой странице обложки – дружеский шарж Е. и Н. Царевых к 80-летию В.И. Сарияниди.

В книге использованы фотографии В.И. Сарияниди, Н.А. Дубовой, А.В. Романькова.

